

ОГОНЁК
№ 49 ДЕКАБРЬ 1962
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ПРОЧТЯ ЭТОТ НОМЕР ЖУРНАЛА,

вы узнаете **об интересном ленинградском эксперименте;** совершите **путешествие к горной вершине Килиманджаро, встретитесь там с сыном Эрнеста Хемингуэя;** познакомитесь **с первыми главами повести А. Ткаченко «Живи, живое»;** побываете **в гостях у брата Патриса Лумумбы; вместе с поэтом С. Смирновым** послушаете **звонкую тишину осеннего леса...**

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 49 (1850)

2 ДЕКАБРЯ 1962

40-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Рязанский завод искусственного волокна. В новом цехе очистки вентиляционных выбросов.

Фото М. САВИНА

ЛЕНИНСКИМ КУРСОМ — НА НОВЫЕ РУБЕЖИ

Центральный Комитет партии выражает уверенность, что осуществление перестройки партийного руководства промышленностью, строительством и сельским хозяйством найдет полную поддержку и одобрение всей партии, всего народа и явится важным средством в обеспечении успешного выполнения великой программы строительства коммунизма, принятой XXII съездом Коммунистической партии Советского Союза.

Из Постановления ноябрьского Пленума ЦК КПСС.

ФЕЙЕРВЕРКИ КУНДЫ

Здесь, на небольшом кусочке земли, как вехи на пути в будущее, стоят Нарвские электростанции, шахты и заводы Сланцевого бассейна и цементный завод Красной Кунды.

Полвека назад датская цементная фирма «Шмидт» построила здесь заводик — он давал 100 тысяч тонн цемента в год. Да так и работал до 1959 года. А в 1959 году за него взялся комсомол. У дороги появилась доска с надписью «Всесоюзная комсомольская стройка». Сюда приехала молодежь из таллинских, ленинградских, тартуских вузов и заводов. Местный цемент здесь же замешивался в крепкий раствор, и молодые руки спаяли этим раствором кирпичи нового завода и поселка.

Растет завод, и растут люди.

Юрий Дмитриевич Ивченко закончил Таллинский политехнический институт шесть лет назад и пришел мастером на старый завод. Потом строил новый и сейчас работает на нем начальником технического отдела. Нам хотелось спросить: а не скучно ли ему здесь, в рабочем поселке между лесом и морем? Но выяснилось, что Юрию Дмитриевичу интереснее всего там, где делают цемент. А цемент здесь делает такой же молодой народ — сверстники Юрия Дмитриевича.

Другой Юрий, точнее, Юри Рюнкла, окончил тот же Таллинский политехнический всего два года назад и сейчас технолог в самом молодом цехе завода — в шиферном. Вообще-то волнистый шифер только на вид — дело нехитрое. Оборудование для него — непростая штука, и молодому технологу так же, как и начальнику цеха Уно Кивику, и электрику Владимиру Бодрову, да и всем остальным ребятам, пришлось с ним повозиться.

Все ярче светятся огни Кунды. С каждым днем их становится все больше: светятся новые цеха, цветными клетками окон сияют новые дома в поселке, сиреневыми фейерверками вспыхивает электросварка там, где строится третья клинкерная печь.

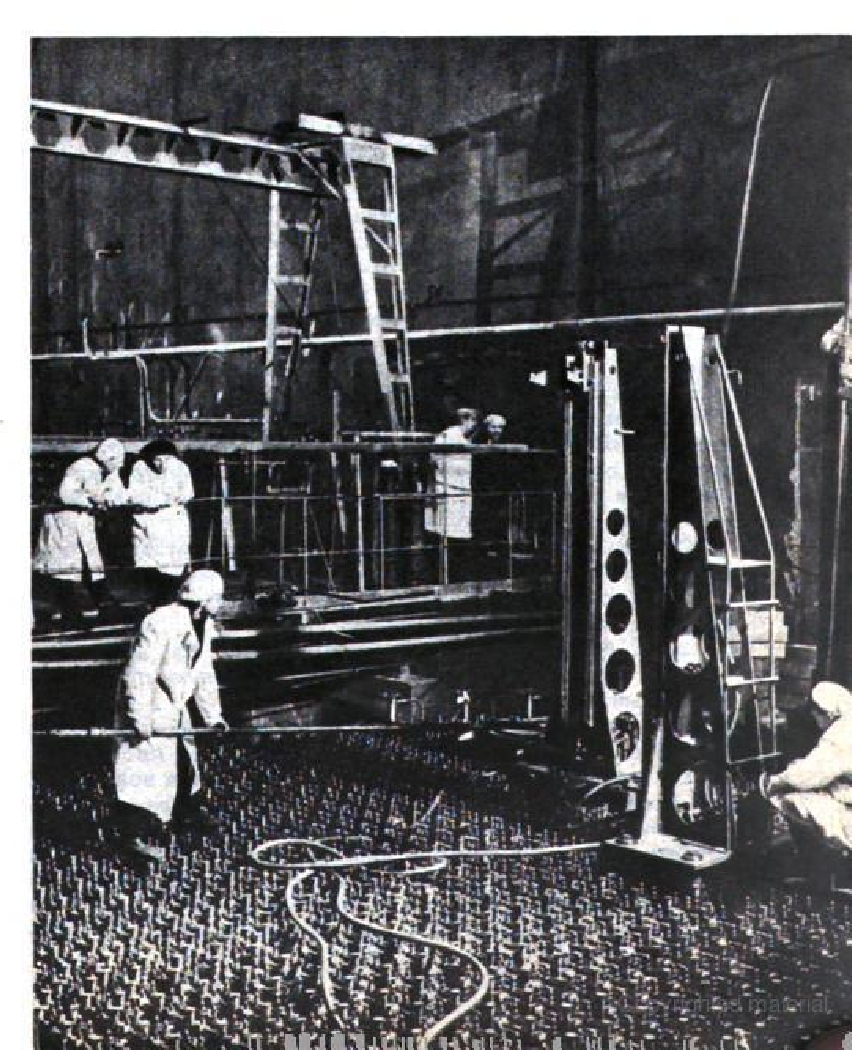
Н. ХРАБРОВА

Фото С. Мигдаля.

БЕЛОЯРСКАЯ АТОМНАЯ

В огромный зал люди входят в белых халатах и шапочках. Это монтажники. Зал, в котором они «священнодействуют»,— сердце строящейся на Урале Белоярской атомной электростанции, ее реакторное отделение.

Фото А. Анатольева.

Хлопковый монитор

Нелегко воздвигнуть слепящие белизной хлопковые горы — день и ночь работают транспортеры. Но еще сложнее разбирать хлопок. До сего времени это делалось вручную.

Ученые и конструкторы давно мечтали создать машину, которая умела бы разгружать склады и направлять хлопок в пневматические транспортеры-трубопроводы. Несколько лет назад был объявлен конкурс. Успех сопутствовал группе сотрудников Центрального научно-исследовательского института хлопковой промышленности в Ташкенте, которую возглавляет Г. Д. Кушнаренко.

Сконструированная машина самоходна. На поворотной платформе навешена стрела, в нее вмонтирован трубопровод. Передний конец стрелы венчает специальный колковый барабан — один из главнейших секторов новой машины. Работа его в основном и определяет успех всей установки. От питателя при помощи специального устройства, разработанного директором института А. Н. Нуралиевым, хлопок поступает в пневмотранспортную установку, по транспортерам которой он и доносится до места переработки.

А. ЧЕРНОВ

ПЛЕНУМ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА избрал тов. Ефремова Л. Н. кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС. Пленум перевел из кандидатов в члены ЦК КПСС товарищей Полякова В. И. и Рудакова А. П.

Пленум ЦК КПСС избрал:

— Секретарем ЦК КПСС тов. Рудакова А. П.— председателя Бюро ЦК КПСС по промышленности и строительству;

— Секретарем ЦК КПСС тов. Полякова В. И.— председателя Бюро ЦК КПСС по сельскому хозяйству;

— Секретарем ЦК КПСС тов. Андропова Ю. В.;

— Секретарем ЦК КПСС тов. Титова В. Н.— председателя Комиссии по организационно-партийным вопросам при ЦК КПСС.

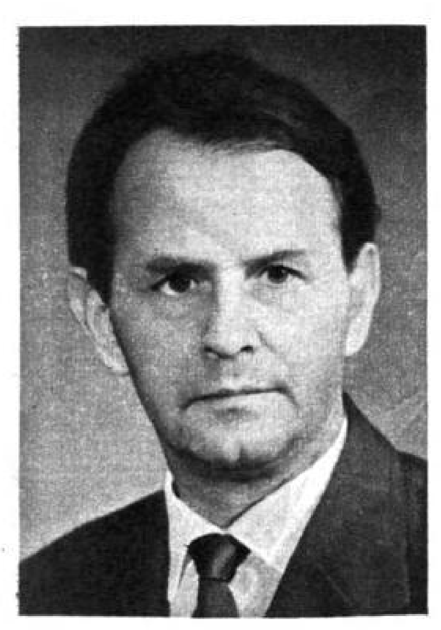
Секретарь ЦК КПСС тов. Демичев П. Н. утвержден председателем Бюро ЦК КПСС по химической и легкой промышленности.

Секретарь ЦК КПСС тов. Ильичев Л. Ф. утвержден председателем Идеологической комиссии при ЦК КПСС.

Секретарь ЦК КПСС тов. Шелепин А. Н. утвержден председателем Комитета Партийно-Государственного Контроля ЦК КПСС и Совета Министров СССР.

В связи с образованием Комитета Партийно-Государственного Контроля Пленум ЦК решил преобразовать Комитет Партийного Контроля при ЦК КПСС в Партийную Комиссию при ЦК КПСС.

Председателем Партийной Комиссии утвержден тов. Шверник Н. М., первым заместителем председателя — тов. Сердюк З. Т.

Л. Н. ЕФРЕМОВ.
Кандидат в члены Президиума ЦК КПСС.

Ю. В. АНДРОПОВ.
Секретарь ЦК КПСС.

В. И. ПОЛЯКОВ.
Секретарь ЦК КПСС, председатель Бюро ЦК КПСС по сельскому хозяйству.

А. П. РУДАКОВ.
Секретарь ЦК КПСС, председатель Бюро ЦК КПСС по промышленности и строительству.

В. Н. ТИТОВ.
Секретарь ЦК КПСС, председатель Комиссии по организационно-партийным вопросам при ЦК КПСС.

СУДЬБА МАШИНЫ

В своем докладе на Пленуме ЦК КПСС Н. С. Хрущев сказал о машине «ПНШ 180-И2»: «Смотрите, какой эффект можно получить от внедрения этой машины только на Клинском комбинате. Если имеющиеся 280 устаревших машин заменить новыми, то на той же производственной площади выпуск вискозного шелка, по расчетам специалистов, увеличится примерно на 1 200 тонн в год, или на 22 процента. Из такого количества шелка можно выработать около десяти миллионов метров ткани. Одновременно за счет повышения производительности труда будет высвобождено более 800 рабочих от выполнения вредной и малоквалифицированной работы. Экономия от снижения себестоимости составит полтора миллиона рублей в год.

Однако все эти преимущества пока остаются на бумаге. Как мне сообщили, промышленность получит такие машины только в 1965 году».

Во Всесоюзном институте текстильного и легкого машиностроения нам рассказали о новой машине.

...Это было замечательное открытие. Из древесной целлюлозы человек научился получать тончайшую белую пряжу — искусственный вискозный шелк.

Но — так уж устроены люди,— едва научившись делать искусственный шелк, они тут же подметили недостатки производственного процесса: он очень длительный — на изготовление волокна уходит в среднем двое суток, а так как волокно обрабатывается в бобинах и куличах, качество его не одинаково. Вот и подумали инженеры: нельзя ли создать машину, в которой весь процесс проходил бы быстро, непрерывно? Загружается в машину вискоза — выходят готовые скрученные нити. После долгих поисков инженеры института искусственного волокна, института текстильного и легкого машиностроения и Киевских экспериментальных мастерских создали машину «ПНШ 180-И2» непрерывного процесса производства искусственного шелка. Она установлена на Клинском комбинате.

Производственный процесс ускорен в десятки раз. Значительно понижается брак. Кроме того, вредные газы, образующиеся при изготовлении искусственного волокна, остаются внутри машины — улавливаются. Но это только один опытный образец!

Почему так долог путь новой машины на производство? Кто виноват?

В Комитете по автоматизации и машиностроению Совета Министров СССР нам сказали: машина «ПНШ 180-И2» вырабатывает волокно, которое обладает некоторыми новыми свойствами. На протяжении долгого времени предприятия текстильной промышленности отказывались брать это волокно, так как оно, дескать, не отвечает ГОСТу. ГОСТ они превратили в догму, и пришлось изготовить огромную партию шелка, делать опытные образцы тканей, чтобы доказывать работникам текстильной промышленности, что шелк хорош. Это задержало внедрение машины в производство по меньшей мере на год-полтора.

Что делается сейчас для того, чтобы «ПНШ 180-И2» вошла в строй?

Над чертежами серийной машины работает ленинградское СКТБ. А завод имени Карла Маркса изготовит в конце 1963 года серийный образец. Это даст возможность наладить производство машин в 1964 году.

«ПНШ 180-И2» выполняет только пять технологических операций. Но сейчас уже наши инженеры и конструкторы осваивают новую машину процесса непрерывного производства искусственного волокна, на которой шелковые нити будут проходить все отделочные операции.

Л. ГОРОХОВСКАЯ

ПОЧТА ИВАНА ЛЕОНОВА

Над круглым столом склонился высокий плечистый человек. На столе письма. Сначала взгляд на штемпель: «Сахалин». «Ого! Вон откуда пришло! Интересно, сколько дней добиралось до Ленинграда? Два дня! Гм... Быстро!». Рука берет из стопки писем еще один конверт. Из Тбилиси. «Дорогой Иван Давыдович, здравствуй!..» И дальше на пяти листах взволнованный разговор о чести, совести советского рабочего. Пишет токарь станкостроительного завода Резо Алексеевич Цинцалашвили. Узнав, что Резо Цинцалашвили хочет побывать на Кировском заводе, Леонов тут же отвечает: «Приезжай, дорогой Резо! Встретим, как брата, тогда обо всем и поговорим».

Рабочему Кировского завода Ивану Давыдовичу Леонову пишут из разных городов и разных стран. Одни просят прислать чертежи и описание «леоновских фрез», другие адресуют ему свои просьбы как депутату и заместителю Председателя Верховного Совета РСФСР. А сколько откликов получил Леонов на свою книгу «Гордое звание рабочий», изданную несколько лет назад! И все же такого потока почты, как сейчас, не было. И все началось с того дня, когда газеты опубликовали статью Леонова «Доброе имя советского рабочего».

— Значит, в самую точку попали, за живое задели,— говорит Иван Давыдович.— Ведь в каждом письме откровенно и просто высказываются мысли о воспитании советского рабочего. А вот это письмо я в портфеле держу, чтобы ваш брат газетчик не утащил,— шутит Леонов.— Оно от самой Надежды Григорьевны Заглады.

«Дорогой Иван! Ты не обессудь, что так тебя называю,— пишет Н. Г. Заглада.— Я ведь вдвое старше. Прочитала я, сынок, твое письмо, обрадовалась и задумалась. Какой же ты, Иван? Наверное, статный, крепкий, веселый. Наверное, улыбаешься людям часто, сердечно... Ты пишешь, Иван, в своей статье, что нужно работать «с огоньком, с мыслью, как подобает людям коммунистического труда». Правильно, добре говоришь!.. Рабочий класс у нас главная, ведущая сила, и мы, хлеборобы, немалому поучились у вас, но еще больше сделаем все вместе, дружно отзываясь на все, что волнует нашу родную партию, членами которой мы с тобой являемся».

— Скоро Надежда Григорьевна приедет к нам на Кировский в гости,— говорит Иван Давыдович.— Обещала обязательно быть. Мы все ее с нетерпением ждем.

Статья Леонова взывает к чувству ответственности, заставляет рабочих строже относиться к себе, к товарищам.

«Помнишь, ты говорил: «У меня, как и у большинства из нас, моих товарищей по труду, душа болит, когда я вижу, как много еще на наших предприятиях неорганизованности, напрасной траты материалов, неэкономного расходования сил и энергии». Верно ты говоришь: тяжело видеть все это,— пишет драгер Ленинского прииска, Герой Социалистического Труда Иосиф Власов.— Вот коллектив московского завода «Серп и молот» поставляет нам черпачные козырьки. Это то, что у нас, золотоискателей, ценится на вес золота. Но продукция, которую присылает завод, не стоит того. Она плохая по качеству, неэкономичная в работе. Деньги тратим большие, а отдачи получаем мало... Неужели им не дорого имя советского рабочего?»

Дорожить добрым именем советского рабочего должен, по мнению Власова, не только тот, кто стоит у станка, но и тот, кто осуществляет контроль. «Без обоюдной заботы руководителей и подчиненных о чести заводской марки, о добром имени коллектива нельзя рассчитывать на успех»,— заключает Власов.

Инженеры из города Тарту призывают специалистов передавать свои знания рабочим, повышать их технический уровень. «Этим мы его величеству рабочему классу поможем держать высоко доброе имя советского рабочего».

Иван Давыдович берет еще один конверт: пишут ударники коммунистического труда с краснодарского завода.

«Вы очень правильно пишете, товарищ Леонов, о том, что надо всячески оберегать доброе имя рабочего. Мы хотим к этому добавить только одно: нужно дорожить также добрым именем инженера, техника — каждого специалиста, честью советского гражданина. Вот мы и хотим, чтобы каждый наш конструктор, технолог, руководитель цеха или участка трудился с чистой совестью, помогал рабочим выполнять производственные планы».

Пошел третий месяц, как Иван Давыдович Леонов высказал в печати свои мысли и думы, а строгий, серьезный разговор о рабочей чести, достоинстве советских людей не утихает ни на один день.

К. ПЕТРОВ

Иван Давыдович Леонов.
Фото Н. Ананьева.

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ОГОНЬКА»

ПРОДОЛЖАЕМ РАЗГОВОР О ТЕЛЕВИДЕНИИ

В материалах «Огонька», опубликованных в №№ 25 и 32, ставился вопрос о низком качестве переключателей телевизионных каналов — ПТК, выпускаемых Каунасским заводом. Вот что по этому поводу сообщают Совет народного хозяйства Литвы и директор завода:

«Управление приборостроения Совета народного хозяйства Литовской ССР, рассмотрев статью «Злостные телепомехи», напечатанную в № 25 журнала «Огонек», сообщает, что все блоки ПТК с мая м-ца с. г. выпускаются Каунасским радиозаводом с фильтром подавления промежуточной частоты.

Начальник Управления
А. ЧУПЛИНСКАС».

* * *

«Коллективом завода принимаются меры по улучшению качества блоков ПТК.

Конструкторами разрабатываются новые варианты некоторых узлов блока, пересматривается технология изготовления наиболее ответственных деталей, введены дополнительные операции в технологию сборки и настройки изделия.

Усилена воспитательная работа среди рабочих и контролеров завода.

Однако ликвидировать так называемый «институт» контролеров-ремонтеров в ближайшее время нам не удастся. Во-первых, потому, что с желанием завода улучшить качество блоков не считаются многие наши поставщики. Из-за перебоев в снабжении комплектующими изделиями, наш завод работает крайне неритмично. Во-вторых, и это главное, скрытые дефекты блоков вызываются недолговечностью и изменением характеристик ламп, ламповых панелей, сопротивлений и конденсаторов, поставляемых нам другими заводами. Сказывается также отсутствие достаточно точной измерительной аппаратуры.

Что же касается нашего коллектива, то мы приложим все усилия для улучшения качества одного из основных узлов телевизора-блока ПТК.

В. МИНКУС,
директор Каунасского завода».

КТО В ОТВЕТЕ? ДЕД НИКИФОР...

Евген **КОРШУКОВ**

Фельетон

Так вот, повторяю еще раз: завтра чтоб сатирическая газета... Как она у нас называется?

— «Оса».

— Так вот, чтоб эта «Оса» висела у меня утром на фабричном дворе. Понял? Да гляди мне, постарайся! Потому...

Председатель фабричного комитета Филипп Филиппович Петрук прищурился и посмотрел на заведующего клубом Макара Белкина.

— ...Потому завтра к нам приезжает представитель из министерства. А я слыхал, что этот товарищ — большой любитель сатиры! Сам, говорят, как Крылов, басни разные пописывает.

Макар Белкин кашлянул в кулак и неуверенным голосом тихо спросил:

— А-а.., кого критиковать, Филипп Филиппович?

— Как это кого? — удивился предфабкома.— Лодырей, пьяниц, нарушителей трудовой дисциплины!.. Неужели и это тебе надо растолковывать?

— Нет, кого конкретно?

— А у тебя кто-нибудь есть на примете?

— Как же, есть! — Макар Белкин покопался в кармане пиджака и вытащил листок.— Вот... Начальника цеха Бышковского можно критикнуть. Работает очень скверно. Кандидатура как раз в сатирическую газету.

Петрук поднял вверх глаза и задумался. Казалось, он так и заснул с поднятой вверх головой, на которой сияла большая лысина.

— Нет, не подойдет,— сказал он — Покуда Бышковского трогать не будем, неудобно. На свадьбу нас всех пригласил. Пятую дочку замуж выдает. Нет, Макар, лучше другого подыщем.

— Ну, тогда... мастера Кандыбу! Согласитесь, Филипп Филиппович! Лучшей кандидатуры и не придумать. Каждый день в цех пьяный приходит. Позор! Рабочие смеются.

Петрук насупил брови.

— Гм, пьет... А кто не пьет? Вот ты... пьешь?

Заведующий клубом смутился:

— Изредка.

— Ну, вот видишь! А Кандыба у нас как-никак ответственный работник. На доске почета три года висел. Не-ет, нельзя авторитет его подрывать!

Бедный Макар Белкин выбился из сил: все его кандидатуры в сатирическую газету по той или иной причине были отклонены. Он замолчал, вытирая потный лоб.

В этот момент дверь скрипнула, еле приоткрылась, и в кабинет председателя просунулась взлохмаченная рыжая борода деда Никифора, фабричного сторожа, а затем и весь он, невысокий, в белом коротком кожушке, с ружьем за плечом.

— Доброго здоровьичка, Филипп Филиппович,— ласково произнес он.— Дело тут одно у меня...

Петрук внезапно привстал, вытянул шею и таинственно подмигнул Макару Белкину. Потом обратился к старику.

— Значит, по делу ко мне? А я тоже побеседовать хочу с тобой,— как-то очень уж ласково заговорил Петрук.— Признавайся, папаша, ночью тебе, того, спать хочется на посту? Правда, хочется?

— Есть такой грех, Филипыч. Да и кому же не хочется спать ночью? Скотина — и та спит...

— Поспать оно хорошо! — сладко зевнув, с той же сердечностью протянул председатель.

Дед Никифор неожиданно нахмурил седые брови и спросил:

— А к чему это вы, Филипыч? Я, например, на посту снов не допускаю...

— Э-э! И хитрый же ты, дедушка! — захохотал предфабкома.— Ну, да бог с тобой... Дело вот в чем: покритиковать тебя решили! В нашей сатирической газете.

— За что? Я же премию недавно получил!

— Да ты не пугайся! Это не страшно: вот Макар тебя нарисует, будто спишь ты на посту,— и все. Сатира, папаша, требует жертв... Во-во! А за это, так и быть, премию в следующем квартале снова выделим. Ну, как? Согласен теперь?

Сторож хитро опустил глаза, снял шапку, повертел ее, раздумывая для вида, и согласился.

— Бог с вами, критикуйте, не привыкать. Баба моя, почитай, каждый день меня критикует и — ничего! Шестой десяток терплю...

И дед Никифор, усмехаясь в прокуренные усы, вышел...

Как только за сторожем закрылась дверь, Петрук самодовольно, с гордостью произнес:

— Эх ты, Белкин! Видел, как с людьми разговаривать надо! Так что давай, Макарушка, действуй. Разрисуй этого деда как следует!

Перевел с белорусского Е. Весенин.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

В. КРУПИН, К. ЧЕРЕВКОВ

В командировку едете или так, на Питер полюбоваться? — спросил нас сосед по купе, пожилой мужчина, по всем приметам человек, немало поездивший и повидавший.

— В командировку.

— Так... А куда, если не секрет?

— О ленинградских фирмах слыхали?

— Как же! Интересуетесь, значит? Что ж, дело любопытное. Я так понимаю: перестройка будет...

Да, перестройка!

Так и ответил нам Михаил Панфилович Панфилов, заместитель председателя Ленсовнархоза:

— А как же иначе? Вперед движемся. Растем! И если какие-то формы хозяйствования стареют, изживают себя, надо от них отказываться, находить новые, более современные и разумные. Поиск и непрерывное совершенствование — это закон нашей жизни. Об этом и в Программе партии сказано, об этом и Никита Сергеевич Хрущев на Пленуме ЦК КПСС говорил.

Панфилов выложил на стол пухлую папку.

— Так вот о фирмах. Почему именно о них? И что это такое — советская фирма? О львовском опыте вы, конечно, знаете, читали в газетах. Дело стоящее. Наши товарищи знакомились с ним на месте. Опытом западных фирм тоже решили не пренебрегать. Сам я оптик-механик. Бывал на предприятиях знаменитой фирмы «Цейс». Кое-что возьмем и у них. Кое-что придется придумать заново и проверить на практике самим. Ну, и, конечно, еще и еще раз посоветуемся с Лениным.— Михаил Панфилович прикрыл рукой свежий номер журнала «Коммунист», тот самый, что с последней публикацией работы Ильича «Очередные задачи советской власти»...

— Очередные задачи!.. После съезда каждый из нас посмотрел на себя, на свое дело и перспективы его как бы со стороны. Нет, не со стороны,— с высоты! А с высоты, как известно, лучше видать. И вот что увидели мы в совнархозе. Ленинградская промышленность — сложнейший хозяйственный организм. На семьсот предприятий — триста отраслей индустрии. В эпоху министерств ими управляли из Москвы сто шестьдесят главков!

Недостатки этой системы известны. Пришел совнархоз. Руководство промышленностью улучшилось. Однако и совнархоз имеет свои «но». Возьмите машиностроение экономического района. В нем целых четырнадцать отраслей: и станки, и абразивы, и всякая мелочь. Каша, а не специализация! Управлять разношерстным хозяйством нужны специалисты разной — и непременно высокой! — квалификации. Что же делать? Сосредоточить их в совнархозе? Пойти по пути создания специализированных управлений — скажем, управление текстильного машиностроения, пищевого и т. д.? Допустим. Но это значит раздуть штаты. Еще одно «но». Всякий специалист, взятый в управление, так или иначе отдаляется, отрывается от производства, начинает отставать от инженеров-производственников. Следовательно, этот путь отпадает.

— Где же выход?

— У нас большие надежды возлагают на фирмы. И вот еще почему. В нашей ленинградской промышленности мелких предприятий многовато: 182 с численностью до двухсот рабочих. А заводы и фабрики чуть побольше, где сосредоточено 80 процентов ленинградских рабочих, дают только 20 процентов продукции. В современных условиях малоразмерность хозяйств становится тормозом. Специфичны и предприятия с широким профилем. Они делают у себя все — так сказать, от гвоздя до синхрофазотрона. Вот вам «Вперед», предприятие обувного машиностроения. По нынешним масштабам это заводик. А ведь все, все, как у больших! Заводоуправление чуть ли не как у Кировского. Размельченность страшная. Особенно в заготовительном деле. Где уж тут наладить специализацию! Опыт Львова, анализ деятельности ряда наших хозяйств показал — надо объединить одинаковые предприятия. А в основу объединений положить предметную технологическую специализацию — принцип не новый, но и не стареющий. Москва поддержала наши замыслы.

В Ленинградском экономическом районе создано девять производственных отраслевых объединений. Наши фирмы имеют свои особенности, отличающие их от львовских и от московских. Во Львове объединили прежде всего предприятия легкой промышленности. Мы организовали опытные объединения в самых различных отраслях. На базе завода ГОМЗ создана оптико-механическая фирма. Фирма «Светлана» включила предприятия по производству электроламп и полупроводников. В Москве сливаются более мелкие предприятия, самая большая фирма будет насчитывать тысяч семь рабочих. У нас же созданы крупные объединения. Такие, как электротехническая фирма «Электросила». В них будет до 30 тысяч человек. Еще одна особенность. В Москве фирмы, как и прежде, подчинены отраслевым управлениям совнархоза. Наши объединения, минуя эту передаточную инстанцию, входят непосредственно в совнархоз.

— А что же будут делать управления? Куда они денутся?

— Ну, пока у них забот и без фирм хватает. А там, поживем — увидим... У нас в проекте еще этак семьдесят объединений задумано. Поглядим месяцев через восемь, хорошо ли дело идет, и решим, как быть дальше.

Расчеты генерального директора

Анатолий Васильевич Мазалевский, директор энергомашиностроительной фирмы «Электросила», был краток:

— Самая главная наша задача — специализация. Она даст много. Литейка есть на каждом из наших заводов. Почти повсюду это хозяйство оставляет желать лучшего. Зато на одном из объектов у нас имеется, так сказать, целая металлургическая база. Там-то и сосредоточим производство. Выиграем и в качестве и в рублях. Имеем два недогруженных кузнечных цеха. Один ликвидируем — высвободим производственную площадь. Лишняя площадь — лишняя продукция. Централизуем все службы, отделы механизации, объединим усилия экономистов, конструкторов, снабженцев — высвободим людей, дадим специалистам время голову от бумаг поднять, чтобы вперед посмотреть.

И вот еще что важно помнить. Каждое объединение — это не просто сумма четырех-пяти заводов. Речь идет не только о сложении мощностей, а об умножении. Каким образом? Благодаря той же специализации. Расчеты показывают, что в течение двух-трех лет объединения увеличат выпуск продукции примерно на треть. Образно говоря, там, где было три завода, будут действовать четыре.

Или другой пример. На трех заводах фирмы «Электросила» совсем недавно создано три новейших станка. Каждый проектировали, конструировали, изготовляли три группы инженеров, техников. Сидели каждый за своим забором и думали только о себе. Кто-то сделал получше, кто-то похуже. Но все втридорога. Фирма с дублированием покончит. Изготовить три серийных станка — значит сберечь время, освободить людей для другого дела. А это и есть умножение сил предприятия.

Время ломает заборы

Звоним в управление машиностроения Ленсовнархоза.

— Завод имени Карла Маркса? — ответил по телефону веселый голос.— А он к нам теперь не относится! Он теперь сам голова. Так что по всем вопросам обращайтесь непосредственно туда.

И мы поехали на Выборгскую сторону, где раскинулись краснокирпичные корпуса прославленного завода имени Карла Маркса.

Завод возглавил новое крупное машиностроительное объединение, поставляющее оборудование текстильной, обувной и химической промышленности. Он взял под свои могучие крылья родственные предприятия — четыре ленинградских и два псковских. Отныне головное предприятие отвечает за хозяйственную, финансовую, экономическую деятельность всех коллективов, вошедших в машиностроительную фирму, и представляет их интересы перед совнархозом. Директор завода имени Карла Маркса Александр Кондратьевич Степанов — одновременно и генеральный директор объединения.

— Неискушенному человеку может показаться странным, но с образованием отраслевых управлений совнархоза,— рассказывает Степанов,— заводы оказались неуправляемыми. Взять нашу группу предприятий. Каждый варился в своем соку: непроизводительно распылены инженерные, конструкторские кадры, тормозится специализация однородных производств. Первое, что мы хотим сделать,— «сломать заборы» между предприятиями, подтянуть все звенья нашего объединения до уровня головного. Вот долго топчется на месте, не справляется с плановыми заданиями завод «Вперед». Теперь он входит в нашу фирму. Кое-кто опасается, не потянет ли нас «Вперед» назад? Нет! Наша фирма кровно заинтересована в том, чтобы ликвидировать хроническую болезнь этого предприятия, механизирующего обувные фабрики. И мы уже сегодня можем сказать, что болезнь эта излечима.

Нам бы еще один «забор» поломать — между наукой и производством. Завидую электросиловцам. У них собственный научно-исследовательский институт в хозяйстве. В таких условиях лю-

бую новинку, любое дело можно с космической скоростью вперед двинуть.

И вот о чем хочется помечтать. Может, преждевременно эта мысль возникает, но все-таки... О дальнейшем развитии фирм. Пока они созданы в рамках совнархозов. А может, республиканские будут? Или всесоюзные? Вот, скажем, по нашему профилю. В стране всего два-три завода подобных нашему — в Москве и Орле. Кто ими будет заниматься? Совнархозы? Или все-таки фирма? Время покажет...

Фирма держит марку

Скороходовский ботинок. Кто его не знает!

Не менее популярна ленинградская обувь других фабрик — «Пролетарская победа», «Восход». Однако пройдет немного времени, и на всей ленинградской обуви будет стоять только одна марка — «Скороход». Но это уже будет марка целой фирмы, объединившей восемь предприятий и проектно-конструкторское технологическое бюро. Годовая производительность ее — 36 миллионов пар; это 14 процентов всей обуви, выпускаемой в стране.

Объединение «Скороход» сегодня держит серьезный экзамен. Ведь речь идет не о простой замене фабричных марок, а о коренной перестройке руководства целой отраслью. И это беспокоит не только хозяйственников.

Один покупатель, узнав, что создается фирма «Скороход», заволновался: «Что будет с фабрикой «Восход»? Ведь она хорошую обувь выпускает. И спрос на нее большой». Это действительно так. Но фабрика выпускает в день всего лишь 40 пар туфель. А «Скороход» только с одного конвейера дает 3 тысячи пар модельной обуви. Вот где надо добиться высокого качества разнообразных фасонов — на конвейерах! Тут-то и пригодится опыт «Восхода». Он пойдет на пользу всей фирме, а головному предприятию придется подтянуться до уровня дочернего.

На активах, собраниях часто поминают недобрым словом фабрику «Заря». Почему? Эта фабрика... планово убыточная.

— Термин-то какой! — качает головой Евгений Федорович Кондратьков, директор фирмы.— Планирование в убыток! С этим мириться нельзя. Фирма не может допустить такого уродливого явления. Марка не позволяет.

...О резервах. После того как обувные и вспомогательные фабрики влились в объединение, все внутренние резервы как бы обнажились. Вот заготовительные цехи: пока были «заборы», можно было понять, почему одни оснащены техникой лучше, другие — хуже. Теперь напрашивается создание общих производств — закройного и вырубочного. Фирме нетрудно сосредоточить там лучшие кадры рабочих, мастеров, оснастить современной техникой, автоматикой. Что это даст? Подсчитано: одна только централизация заготовительных цехов уже экономически оправдывает создание объединения.

А сколько еще резервов вскроет объединение! Возьмем две взаимосвязанные проблемы: качество и спрос.

Мы в цехе. В гнездах конвейера медленно движутся черные мужские полуботинки: легки, сравнительно дешевы и, видимо, прочны в носке, приятен внешний вид, модный фасон.

Но их нет в магазинах. Во всяком случае, очень редко встречаются.

— Мы делаем 2 300 пар в день,— говорит генеральный директор.— Мало?

— Да, мало. А что если снять с производства менее ходовые модели обуви и увеличить выпуск тех, на которые спрос?

— Это не так просто,— задумывается Евгений Федорович.— Прежде всего надо заполучить фонды на кожу и другие материалы. Тут у объединения больше возможностей, чем было у фабрик. Отделы снабжения, существующие на всех фабриках, у нас сводятся в единый центр. Сможем оперативней маневрировать материалами, переключать конвейеры с одной модели на другую. Фирма будет давать потребителю ту обувь, которая ему по душе.

— Сколько понадобится времени, чтобы переключить конвейер с одного вида обуви на другой?

— Обычно полгода. Долго? А теперь...— Директор подумал.— Пожалуй, можно справиться месяца за два!

Да, над многим сейчас задумываются инженеры, мастера, все работники объединения. То, что в пределах одной фабрики считалось нормальным, естественным, в масштабе фирмы признается нетерпимым, неэкономичным.

И другое. Объединение открывает перспективы, о которых раньше как-то не думали. Машинносчетные станции давно уже действуют на многих современных предприятиях. Кое-какие сложные расчеты выполняют для хозяйственников и электронно-счетные машины. Но механизация и автоматизация счета, учета, экономических выкладок еще не стали привычными. У таких огромных объединений, как «Скороход», электронная машина неизбежно будет первейшей необходимостью.

— Заставить ее работать на фирму — заманчивое дело. Может, меня посчитают фантазером, но почему бы не проанализировать на «БЭСМ» данные о покупательском спросе, его закономерностях... Где взять · факты? В фирменных магазинах объединений, которые будут в ближайшее время созданы Министерством торговли. Мы понимаем,— заключает Кондратьков,— что спрос с нас теперь будет куда больше. Но постараемся не уронить марку своей фирмы.

* * *

Н. С. Хрущев в докладе на Пленуме ЦК КПСС поддержал поступающие с мест предложения о создании промышленных объединений, как дело, видимо, перспективное и экономически целесообразное. В то же время Никита Сергеевич призвал действовать осмотрительно, тщательно подготовившись.

Итак, советские фирмы держат экзамен. Как пойдет дело? Что нового и ценного внесут объединения в экономику? Какие проблемы они поставят?

Это покажет жизнь, покажет опыт Ленинграда и Львова, Москвы и Иркутска, других мест, где сегодня осуществляется этот эксперимент.

КИРОВ В „ТЕРЕКЕ"

С. М. Киров. 1910 год.

После разгрома Томской подпольной организации большевиков в 1909 году Сергей Миронович Киров поселился во Владикавказе. Там он начал работать в редакции газеты «Терек». В городе Орджоникидзе мне удалось повидать людей, которые встречались с Сергеем Мироновичем в те годы.

Давид Зиновьевич Вишнёвкин, один из старейших журналистов Осетии, рассказал мне:

— В 1913 году я поступил в редакцию «Терека» помощником корректора. Хорошо помню редакционный дом, небольшую прихожую, где размещалась контора. За кассой сидела Мария Львовна Маркус, жена Кирова. Она принимала издательские заказы и за наличные деньги раздавала газеты разносчикам-мальчишкам. Газета выходила к 4 часам дня. Мальчишки хватали свои пачки и с оглушительным криком «Терек» на завтра!» выбегали на улицу.

Редакционная комната была одна. В углу слева стоял стол Сергея Мироновича. Здесь же сидели репортеры и мы, корректоры.

Издатель газеты Казаров был человек малограмотный, ничего не смысливший в газетном деле. Поэтому фактически редактором «Терека» был Киров. Нас, помню, всегда поражало его необычайное трудолюбие и работоспособность. Мы приходили в редакцию к восьми утра, а Сергей Миронович уже сидел на своем месте. Уходил же из редакции позже всех. Как правило, Киров писал передовые статьи. Но если заболевал хроникер или театральный рецензент, Сергей Миронович брал на себя их заботы. Сам шел на заседание городской думы, выбирал интересную почту для газеты, писал заметки, театральные рецензии. Тогда еще не было пишущих машинок, и он давал нам на корректуру свои рукописи — длинные узкие бумажные полосы, исписанные частым и не очень разборчивым почерком. Сколько я тогда прочитал его статей на самые различные темы. Уже позднее я понял, каким разносторонне образованным человеком был Сергей Миронович. Он писал — и как хорошо, умно, хлестко! — по вопросам политики, экономики, народного образования, о театре, об искусстве, о литературе.

Случалось, что «Терек» выходил с белыми пятнами. Цензура снимала статьи Сергея Мироновича, а издатель платил штрафы. Почему же Казаров не увольнял Кирова? Потому, что только благодаря его таланту «Терек» пользовался популярностью у читателей.

Свои статьи Сергей Миронович уже тогда подписывал «Киров». Это имя, которое впоследствии стало известно всему нашему народу, родилось в редакции «Терека». Прежде Сергей Миронович писал под псевдонимом «Миронов». А тут решил взять себе новый псевдоним. После долгих споров сотрудники газеты остановились на «Кирове»: основой послужило имя персидского царя и полководца Кира. После этого журналисты иногда в шутку называли Сергея Мироновича «полководцем в подполье».

Хорошо помнит Кирова рабочий-печатник Гавриил Иванович Хворостьянов.

— Сергей Миронович часто заходил в типографию. Он всегда был очень вежлив с рабочими. Уж на что я был мальчишкой, а он ко мне всегда обращался на «вы».

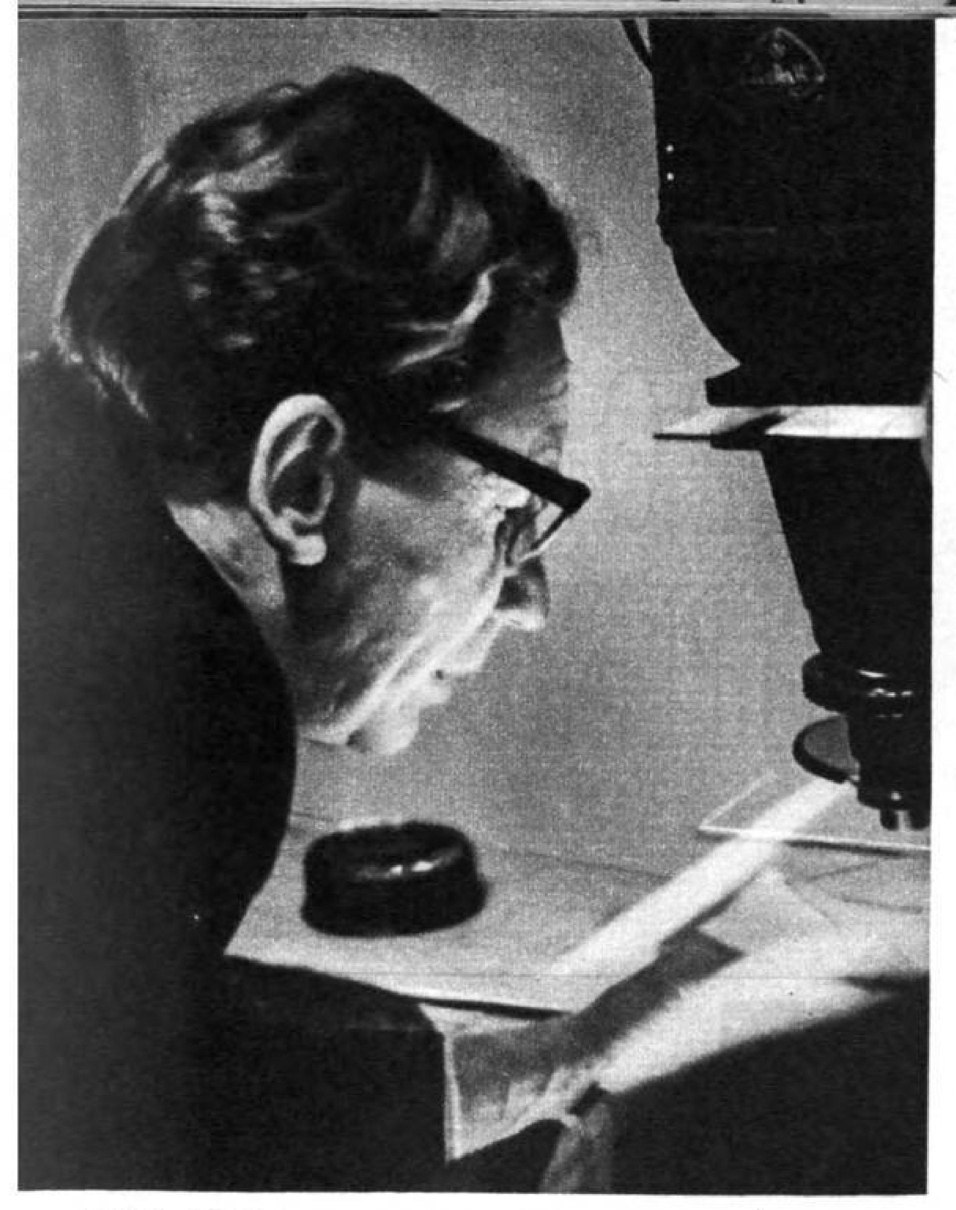
Всякое бывало у нас в типографии. Мог мастер и ударить ученика, но при Кирове этого себе никто не позволял. Как-то кинулся на одного паренька мастер, а Сергей Миронович в этот момент вошел в типографию. Так и вижу его: одна рука в кармане, а в другой — сигаретка. Стоит и молча смотрит на мастера. И такое у него было лицо, что мастер тут же опустил руку и, смущенный, отошел в сторону.

У меня была большая родня: мать, пять братьев, четыре сестры. Они иногда заходили ко мне в типографию. И какой же был Киров внимательный человек! Бывало, встанет около меня, когда я газету печатаю, и спрашивает, как живу, как семья. И никого из моей многочисленной родни не забывал. Сам я был длинный, тощий, и Сергей Миронович подшучивал надо мной: «На борщ налегайте, на борщ». Очень хорошо помню я день, когда арестовали Кирова. Было это летом 1911 года. Я шел в типографию к часу дня. Подхожу, ворота типографии закрыты, а рядом городовой. От него водкой несет. «Куда прешь?» — кидается на меня. Я отвечаю, что пришел на работу. В это время от подъезда отъехал фаэтон. Городовой пропустил меня. В типографии был страшный беспорядок. На полу валялись газеты, журналы, рваная бумага; тут мне сказали, что арестовали Кирова. Газета, конечно, в этот день не вышла.

А еще помню, как в 1920 году, когда Киров был уже крупным революционным деятелем и имя его гремело по всему Кавказу, я шел по улице Владикавказа. Вижу: едет в машине Киров. Вдруг машина остановилась, Киров вышел, поздоровался со мной, расспрашивал про мою жизнь.

Вот таким простым, сердечным человеком я запомнил его навсегда.

Л. КАФАНОВА

Теперь предстоит нанести положение автоматической межпланетной станции на карту звездного неба. Член-корреспондент Академии наук СССР А. Б. Северный за отработкой наиболее рационального и точного метода

„ЗЕМЛЯ СЛЕДИТ ЗА „МАРСОМ"

Район звездного неба, где была сфотографирована автоматическая межпланетна

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

Передо мной лежит фотография. На темном фоне ночного неба белыми пятнышками ярко выделяются звезды. Справа — чуть заметная белая точка, а пониже — точка побольше. По внешнему виду они ничем не отличаются от своих соседей — звезд, снятых на фотографии. Но это не звезды. Это советская автоматическая межпланетная станция и ее ракетоноситель, мчащиеся в космическом пространстве с огромной скоростью по направлению к Марсу.

Как же была получена эта удивительная фотография?

* * *

Никогда еще сотрудникам Крымской астрофизической обсерватории так не нужна была ясная погода, как этой ночью. Но в ноябре и в Крым приходит осень. Деревья стоят в последнем золоте опадающих листьев. Небо постоянно хмурится, а низкие облака, кажется, прочно садятся на башни телескопов.

Но эта ночь была по-летнему ясной, и яркие южные звезды внимательно смотрели на землю.

Еще с вечера сотрудники обсерватории член-корреспондент Академии наук СССР Андрей Борисович Северный и кандидат физико-математических наук Александр Алексеевич Боярчук стали готовить аппаратуру для съемки. А подготовка оказалась непростым делом, так как аппаратура капризничала, как это нередко бывает в самый нужный момент.

Задача, стоящая перед учеными, была чрезвычайно сложной. Им предстояло найти и сфотографировать на звездном небе автоматическую межпланетную станцию «Марс-1». Чтобы понять всю сложность такого эксперимента, достаточно сказать, что автоматическая станция к этому времени была уже удалена от Земли так далеко, что обладала яркостью, как говорят астрономы, звезды четырнадцатой величины. Ее свечение было более чем в сто тысяч раз слабее звезд ковша Большой Медведицы и во много сотен раз слабее самой далекой звездочки, которую может увидеть на ночном небе человек с очень хорошим зрением.

Александр Алексеевич Боярчук даже подсчитал, что «увидеть» «Марс-1» было так же сложно, как если бы мы захотели из Крымской обсерватории рассмотреть слабую электрическую лампочку всего лишь в десять ватт, зажженную в окне московской квартиры. Кроме того, автоматическая станция не стояла на месте. Она неслась с большой скоростью по направлению к Марсу.

Решить задачу оказалось немыслимым без применения самого совершенного оптического инструмента. В Крымской обсерватории таким инструментом был большой зеркальный телескоп имени академика Шайна.

Этот телескоп, главным конструктором которого является лауреат Ленинской премии Б. К. Иоаннисиани, смонтирован в обсерватории сравнительно недавно. Но на нем уже получены интересные результаты. Например, сделаны уникальные снимки звездных туманностей — галактик в различных участках спектра. Фотографии позволили выявить их отдельные детали, чрезвычайно важные для астрономов. Об этой работе, выполненной старшими научными сотрудниками обсерватории И. М. Копыловым, В. Б. Никоновым, А. Б. Северным и К. К. Чуваем, уже докладывалось на последнем Международном съезде астрономов, проходившем в Америке.

Для съемки межпланетной станции «Марс-1» ученые использовали еще электронно-оптический преобразователь и получили возможность с помощью кинокамеры делать снимки с экспозицией в несколько секунд. Все управление телескопом и кинокамерой было полностью автоматизировано.

И вот, едва стемнело, как у центрального пульта управления телескопа в маленькой комнате под куполом башни собрались все участники предстоящей съемки. Надо еще и еще раз проверить все приборы.

Наконец, поднялось забрало телескопа. Где-то в космическом пространстве неслась маленькая искусственная планета, созданная советскими людьми. Ученые должны были сфотографировать ее в движении и нанести на карту звездного неба точные координаты этого посланца Земли...

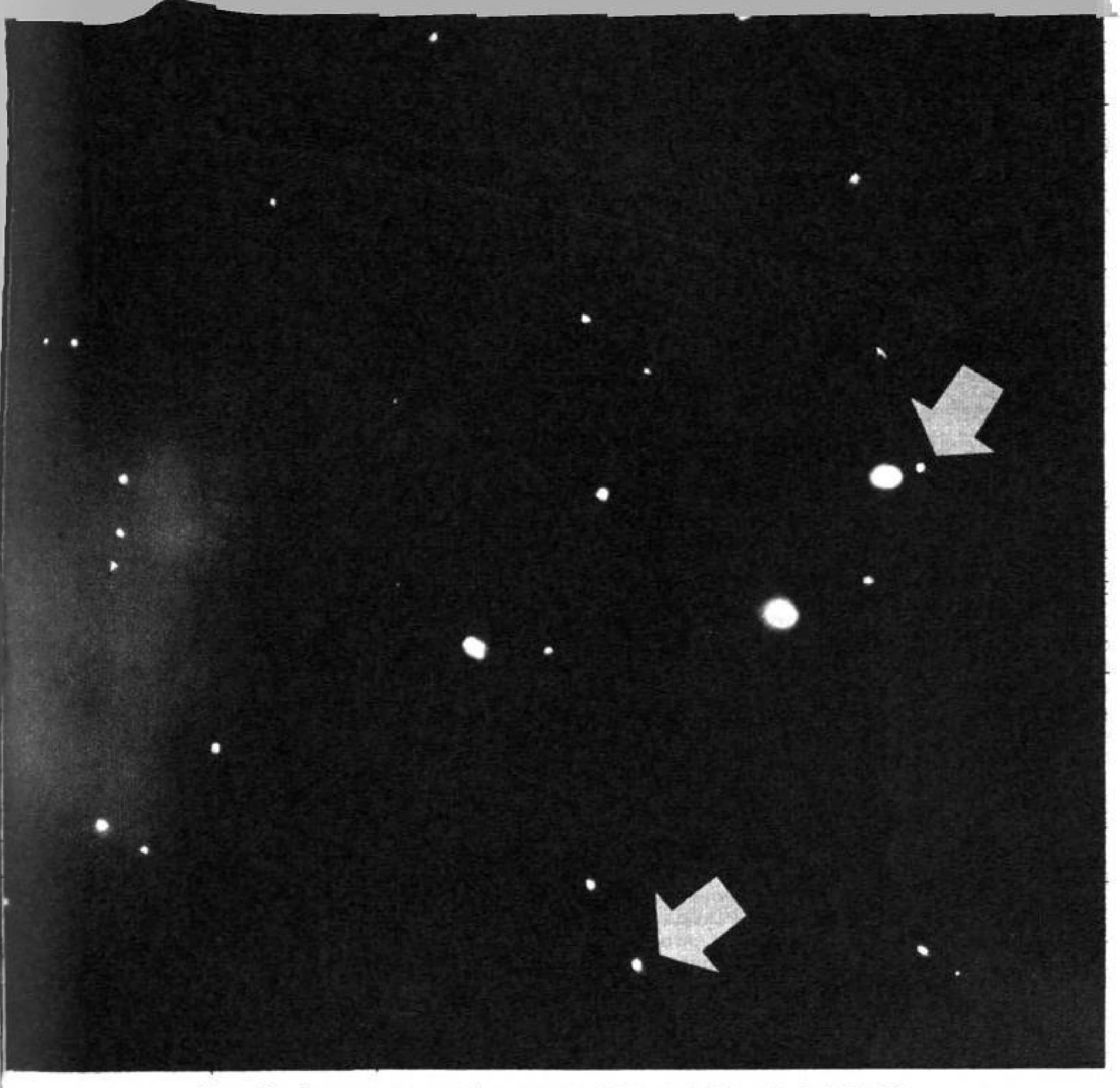
Все заняли рабочие места. У пульта управления стали кандидаты физико-математических наук Петр Павлович Добронравин, Александр Алексеевич Боярчук и ведущий инженер телескопа Борис Павлович Абражевский.

Оператор Григорий Матвеевич Жигалкин следил за точной и бесперебойной работой телескопа. Научный сотрудник Вениамин Михайлович Можжерин внимательно наблюдал за хронографом, который печатал точное время начала и конца каждой экспозиции. Ученые знали, как снимается кадр до сотых долей секунды. Приборы помогли очень точно фиксировать момент и место расположения автоматической межпланетной станции в пространстве.

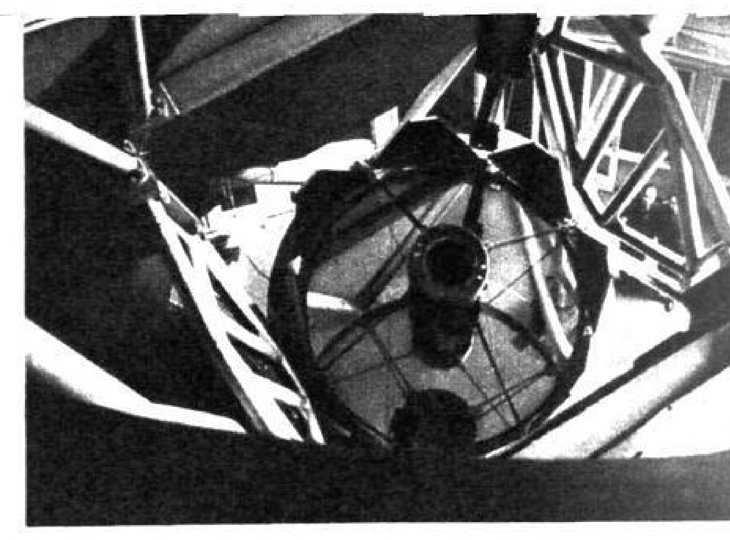
Ответственные обязанности следить за ходом съемки, точно выдавать команды по определенной программе и перезаряжать кинокамеру в перерывах между сериями съемок легли на А. Б. Северного.

А в другом здании непрерывно проявлял только что отснятые пленки инженер-технолог Александр Евгеньевич Балковой.

— Чтобы точно сфотографировать автоматическую межпланетную станцию,— рассказывает А. А. Боярчук,— мы графически установили на пути ее следования много различных поперечных барьеров — воображаемых полос на звездном небе, пересекающих видимый путь станции. Установили мы еще и так называемые стереобарьеры. То есть два раза снимали один и тот же участок неба на один и тот же кадр без протяжки пленки. Звезды не сдвигались со своих мест, а автоматическая станция продолжала свое движение. Поэтому мы получили ее сдвоенное изображение: две точки, стоящие рядом. Это облегчило отыскание искусственной планеты в огромном океане с миллионами мерцающих звезд.

станция «Марс-1». Станция (сверху) и ракетоноситель отмечены стрелками.

Так выглядит гигантское зеркало телескопа, при помощи которого была сделана эта уникальная фотография.

А. А. Боярчук проверяет телескоп перед очередной съемкой звездного неба.

Фото Б. КУЗЬМИНА.

Запуск станции был настолько точен по заданному курсу, что, вообще-то говоря, можно было сделать лишь один снимок. Но мы работали всю ночь и отсняли более трехсот пятидесяти кадров, чтобы избежать случайностей, убедиться в точности полученного изображения и проследить за движением станции.

— Был ли подобный эксперимент в истории астрономии? — спрашиваю я Александра Алексеевича.— Например, чем отличается получение снимка «Марса-1» от фотографирования советской искусственной кометы в 1959 году?

— Такая съемка—первый и пока единственный опыт,— отвечает Боярчук.— Что же касается искусственной кометы, то она была почти в десять тысяч раз ярче и больше автоматической межпланетной станции. Ее можно было спокойно увидеть невооруженным глазом. Кроме того, по сравнению с «Марсом-1» натриевое облако почти не двигалось. Все это позволило привлечь к его фотографированию многочисленные более мелкие телескопы. Сфотографировать же межпланетную станцию «Марс-1» удалось, только используя самые совершенные телескопы и электронно-оптическую аппаратуру.

...Лишь на рассвете покинули ученые башню телескопа. Теперь можно наконец несколько часов отдохнуть, но никто не смыкал глаз. К самому началу рабочего дня все, не сговариваясь, оказались в главном здании обсерватории, где уже их ждали проявленные и высушенные пленки.

* * *

...Я приехала в Крымскую астрофизическую обсерваторию, когда шли последние работы, связанные с нанесением места автоматической межпланетной станции на карту атласа звездного неба.

Сфотографировать станцию — лишь половина дела. Надо «узнать» ее в кадре, точно высчитать ее координаты по отношению к другим, рядом лежащим звездам и, наконец, нанести ее место на звездную карту. Это кропотливая, ювелирная работа.

— Посмотрите.— Вениамин Михайлович Можжерин показывает мне проявленную пленку.

На каждом кадре, который охватывает буквально крохотный участок неба, видно огромное количество черных точек — звезд. Я досчитала до ста пятидесяти.

— А вообще-то в этом участке миллионы звезд,—говорит В. М. Можжерин.— И каждую звезду на наших фотографиях надо сопоставить, отождествить с каждой звездой на карте в атласе. Лишней звездочкой и будет автоматическая межпланетная станция. Так мы еще и еще раз контролируем точность полученных данных.

Ну и это еще не все. Дело в том, что ни одна из звезд, рядом с которыми пролетала автоматическая межпланетная станция, не занесена в каталоги. Как же определить их координаты?

Для этого ученым секретарем обсерватории, кандидатом физико-математических наук Леонидом Семеновичем Галкиным на специальном телескопе со значительно большим полем зрения, но меньшей проницающей способностью был сфотографирован тот же участок неба с окрестностями. Теперь снимок делается с получасовой выдержкой. Это звездное поле в две тысячи раз шире того, где зафиксирована автоматическая межпланетная станция. На новой фотографии вышло значительно меньше звезд, но зато в окрестностях получились яркие звезды, координаты которых занесены в каталоги.

Я видела этот негатив, усеянный черными точками звезд. На пластинке крошечный, почти микроскопических размеров квадратик обведен тушью. Это и есть тот самый участок, в котором на другом негативе я насчитала свыше ста пятидесяти звезд и где были отчетливо видны автоматическая межпланетная станция и ракетоноситель. Потом на специальном приборе — универсальном измерительном микроскопе — было с точностью до нескольких микрон высчитано положение звезд и станции относительно друг друга, и только тогда ученые получили возможность выяснить точные данные и нанести место автоматической межпланетной станции на общую карту звездного неба.

— Вблизи каких звезд находилась тогда автоматическая межпланетная станция? — спрашиваю я Вениамина Михайловича.

— В том-то и дело, что эти звезды не имеют названий и неизвестны людям, не занимающимся специально астрономией. Станция и ракетоноситель находились примерно в созвездии Рыси, в районе звезд, стоящих в атласе под номерами 21 и 22. Эти звезды пятой величины и в ясную погоду видны в созвездии Рыси невооруженным глазом как маленькие мерцающие точки.

* * *

Так была сделана в Крымской астрофизической обсерватории Академии наук СССР эта уникальная фотография.

Фотографирование автоматической межпланетной станции «Марс-1» имело огромное научное значение. Ведь оптические средства являются наиболее совершенными в определении координат космического объекта. Положение каждой звезды, занесенной в каталоги, строго известно астрономам. А зная расположение объекта к ближайшим звездам, можно выяснить наиболее точные его координаты.

Фотографирование на звездном небе автоматической межпланетной станции «Марс-1» помогло еще более увеличить точность ее координат, а значит, и осуществить более точное управление.

А как будет вестись в Крымской астрофизической обсерватории наблюдение за Марсом, красноватой и загадочной планетой?

На этот вопрос отвечает сотрудник планетной группы, кандидат физико-математических наук Л. С. Галкин.

— Пока Марс плохо виден с Земли,— сказал Леонид Семенович.— Но он уже начинает подниматься ранним утром из-за горизонта с востока. В предстоящее противостояние Марса мы планируем провести спектральный анализ этой планеты. Дальнейшее изучение спектра Марса должно улучшить наши знания о химическом составе его атмосферы.

Но, конечно, мы, как и все ученые, возлагаем огромные надежды на посланца Земли в космосе — советскую автоматическую межпланетную станцию «Марс-1»...

Альберт Онавело Лумумба — студент Ленинградского университета.

В ГОСТЯХ У БРАТА ПАТРИСА ЛУМУМБЫ

Л. СТЕПАНОВ

Крупные легкие снежинки кружат над Смольным. В аллеях они соткали пуховые дорожки. От памятника Ильичу идут три студента. Они щурятся от ослепительной белизны. Им необычно и приятно, что на тротуаре от их ботинок остаются четкие следы, что в кудрях застряли холодные белые звездочки.

Студентов неожиданно обступают вездесущие «питерские» мальчишки.

— Здравствуйте, дяденьки! А вы из какой страны?

— Из Конго.

— Из самого Конго? Вот это да! Сила! И вы Патриса Лумумбу видели?!

— Видели,— просто отвечает один из трех, по имени Альберт.

Как водится, начинается знакомство: рукопожатия, улыбки, совместный поиск общепонятных слов. Ребята с нескрываемым удовольствием фотографируются вместе со своими новыми знакомыми.

— Мы пошлем фотоснимки домой,— говорит Патрис Гиофа, когда мы, простившись с мальчиками, идем к троллейбусу.— В Леопольдвиле увидят Смольный, детей в русских шапках и настоящие снежинки, тогда уж все поверят, что мы стали ленинградскими студентами.

— Альберт вчера письмо получил от Окитоленга,— сообщает нам Модест Кикунга.— Он просит прислать фотографию. Окитоленга — отец Патриса Лумумбы и родной брат отца нашего Альберта. Значит, Патрис и Альберт—двоюродные братья.

В университетском общежитии на Мытнинской набережной шумит, беседует, смеется и мыслит умный и веселый студенческий интернационал. Смешавшись, как в поле цветы, сидят над книгами и конспектами в учебных залах дети самых разных народов.

Комната Альберта Онавело Лумумбы ничем не отличается от других студенческих комнат — книги, столик для занятий, кровать, застеленная шерстяным одеялом. Над кроватью, обрамленный шелковым пионерским галстуком, портрет Патриса Лумумбы.

Да, Альберт видел Патриса Лумумбу. Так ответил он мальчишкам у Смольного. Но это был очень лаконичный ответ, достаточный только для первого знакомства. Альберт Онавело жил и работал вместе с Патрисом Лумумбой в последние трагические недели жизни героя Конго. В качестве секретаря премьер-министра Альберт был единственным конголезцем, имевшим доступ в дом Патриса Лумумбы, окруженный плотным кольцом солдат ООН. Только брат Альберт и жена Полина знали о его мыслях и настроениях в те тяжелые дни.

Для врагов Конго было важнее всего изолировать Лумумбу от народа, от национальной армии, лишить его возможности общаться со своими политическими единомышленниками. Патрис рвался в Стэнливиль, он знал, что еще возможно повернуть события в пользу конголезского народа, он считал своим долгом разоблачить заговор империалистов против молодой африканской республики. Но те, кто участвовал в заговоре, кто наводнил Конго вооруженными наемниками, больше всего боялись именно этого.

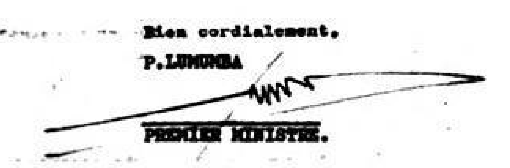
— Он не боялся их, Патрис,—рассказывает Альберт Онавело.—Патрис говорил, что эта авантюра империалистов — только эпизод в новой истории Конго. Великая новая история началась, и ее продолжит народ Конго, что бы ни случилось с ним, с Патрисом. Он писал речи и письма. Патрис часто сам печатал их на машинке, а я передавал их на волю друзьям. Несколько речей Патрис записал на магнитофон. Я пронес ленту на волю, и друзьям удалось транслировать обращение Патриса по радио. У тех, кто слышал это обращение, сердце наполнилось надеждой. Но над Конго в это время уже совершалось грубое военное насилие.

Альберт вместе с женой Лумумбы Полиной должен был хоронить их новорожденную дочь Кристину. Она умерла потому, что появилась на свет преждевременно: Полина боялась за мужа и пережила нервное потрясение. Патрису не только не разрешили участвовать в похоронах дочери, но даже запретили хоронить ребенка в провинции Леопольдвиль. Полина и Альберт намеревались лететь в Касаи. Но на аэродроме мобутовцы схватили Альберта и бросили в тюрьму. Они заподозрили его в том, что он получил от Лумумбы политические поручения. Полина полетела в Касаи одна. Ей разрешили только взять с собой сына Роланда.

Среди конголезских солдат, охранявших тюрьму, было много сторонников Патриса Лумумбы. Узнав, что в числе арестованных находится его секретарь, они решили помочь ему бежать. Солдаты переодели Альберта в военную форму, посадили на «джип» и провезли через кордоны. Мобутовцы посчитали, что Альберт был расстрелян вместе с другими сторонниками Лумумбы.

Альберт скрывался. О том, что он жив, было известно Патрису Лумумбе. Поэтому два последних письма, написанные героем Конго, были адресованы Полине и Альберту.

...Альберт Онавело открывает старенькую, потрепанную папочку. В ней аккуратно сложены последние документы, подписанные премьер-министром Патрисом Лумумбой. И еще один документ, достоверный и страшный: фотоснимок Патриса Лумумбы, связанного и брошенного в грузовик. На этой машине увезли его палачи для последней расправы...

J'espère que vous conserves votre courage et votre vigilance devant les difficultés que nous affrontons depuis bientôt trois mois.

Nous triompherons !

Bien cordialement.

P.LUMUMBA

PREMIER MINISTRE.

Из письма Патриса Лумумбы губернатору Лулуабурга от 24 ноября 1960 года: «Я надеюсь, что вы сохраните мужество и бдительность перед лицом трудностей, с которыми мы боремся почти три месяца. Мы победим!»

Глаза Альберта Онавело светятся гневом и скорбью.

— Когда-нибудь эти листочки и эта фотография будут в нашем национальном музее. Я сберегу их.

Он аккуратно складывает документы, крепко завязывает тесемки папки.

— И это тоже, может быть, когда-нибудь станет историческим документом.

Альберт Онавело достает из кармана паспорт, подписанный Антуаном Гизенгой.

— Он отправлял нас учиться в Советский Союз. Антуан наказывал, чтобы мы хорошо учились. Республика, сказал он, будет жить. И ей будут очень нужны знающие, образованные люди, верные патриоты.

Дары Камчатки

О. КНОРРИНГ

Фото автора.

Камчатка. Еще с раннего детства в памяти сохранилось, что где-то далеко-далеко, на краю света, находится таинственный полуостров. Край чудес и изобилия, край огнедышащих гор и гейзеров, где даже зимой можно купаться в горячих источниках, где в реках рыбы так много, что если воткнуть в воду весло, то оно будет стоять, где на берегу моря, под суровыми скалами нежатся сотни тысяч драгоценных котиков.

Современная техника изменила понятие о расстоянии. Теперь важно, не сколько километров нужно проехать, а на чем вы едете. Путь, на который раньше требовались месяцы, «ТУ-104» покрывает всего за двенадцать летных часов. Сейчас из Москвы попасть на Камчатку, пожалуй, легче, чем, скажем, в какой-нибудь район Курской или Орловской области. Но от этого «таинственный полуостров» не стал менее романтичен. Такого разнообразия природы и животного мира не встретишь ни в одном уголке нашей страны. Чего только тут нет! Вулканы — их здесь 120,— долины гейзеров и горячие источники... В них теперь не только купаются, их стараются использовать для нужд промышленности и сельского хозяйства. Но больше всего Камчатка славится своей рыбой и тихоокеанскими крабами. Рыбы действительно очень много и притом самой разной. Здесь ее насчитывается до 270 видов. Особо ценные породы — это чавыча, кета, горбуша, нерка, сельдь, сайра.

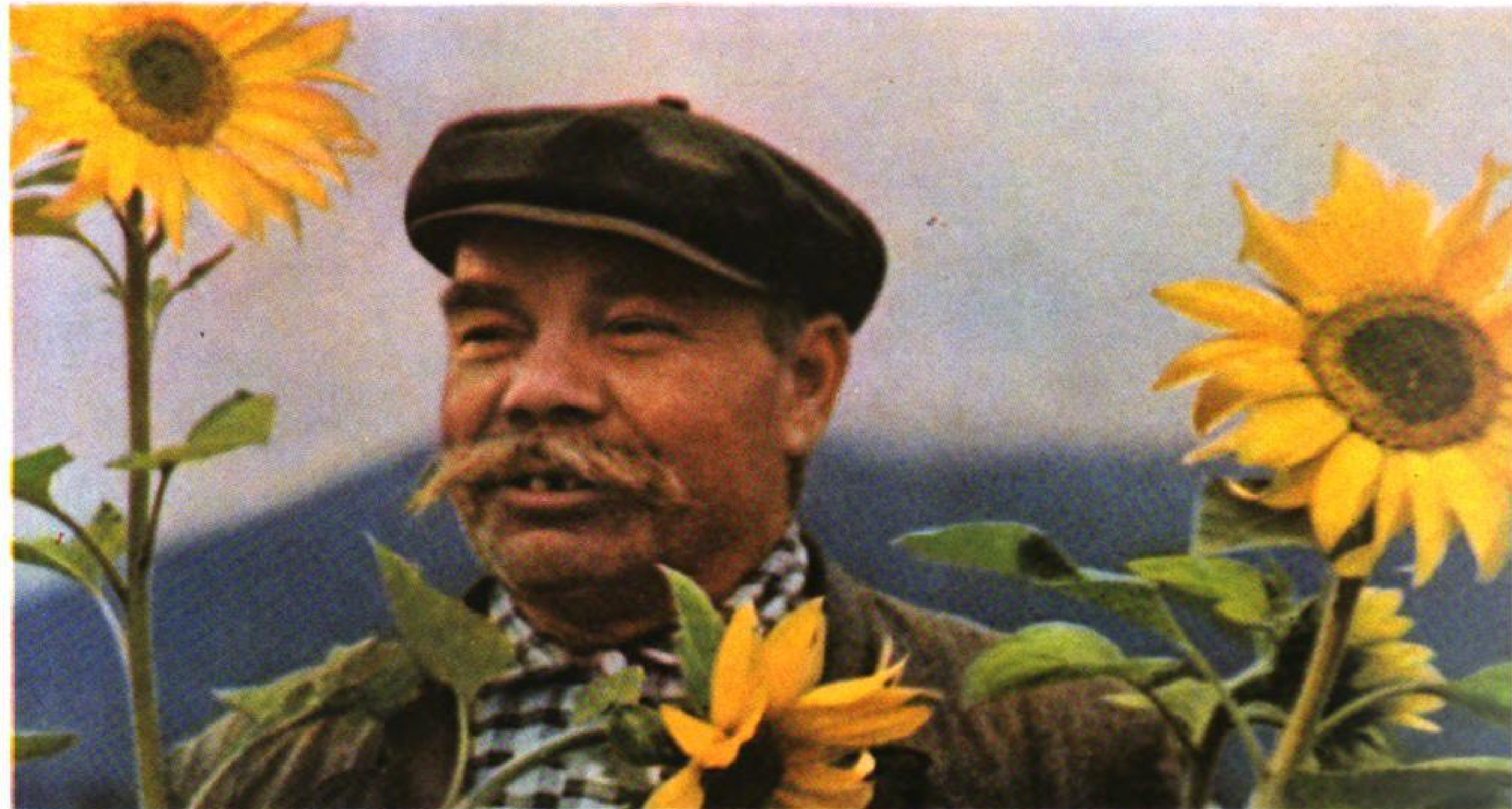
Около Командорских островов водятся киты, а на островах находятся самые крупные в мире лежбища котиков и морских бобров-каланов.

Геологи обнаружили на полуострове уголь, нефть и большое количество строительных материалов вулканического происхождения. Но, помимо полезных ископаемых, находящихся на суше, огромной природной кладовой являются омывающие Камчатку моря. В их водах содержатся руды железа и многих редких ископаемых. Видимо, уж недалеко то время, когда мы будем получать их в промышленных масштабах. Кроме того, дно моря богато всевозможными водорослями, которые используются и в фармакологии и как корм для скота. В тайге водятся соболь, белка, горностай. На севере много голубых песцов, лисиц и оленей. За последние годы в озера было выпущено много ондатры, которая прекрасно здесь акклиматизировалась. Раньше сельским хозяйством тут практически не занимались. Теперь в совхозах и колхозах Камчатки стали успешно выращивать овощи. Сейчас население области полностью обеспечено местным картофелем и капустой. Организовано много молочных ферм. Огромные запасы ценной древесины дали возможность создать крупные лесоразработки и построить несколько деревообделочных комбинатов.

Столица Камчатки — город Петропавловск — обычный приморский город. Многоэтажные каменные дома, асфальтированные улицы, несколько широкоэкранных кинотеатров, театр драмы, стадион, студия телевидения. Короче говоря, здесь есть все, что и в каждом городе Европейской части Советского Союза.

Камчатский пейзаж.

Селекционер - садовод Михаил Егорович Мирошниченко. Ключевской овоще-молочный совхоз.

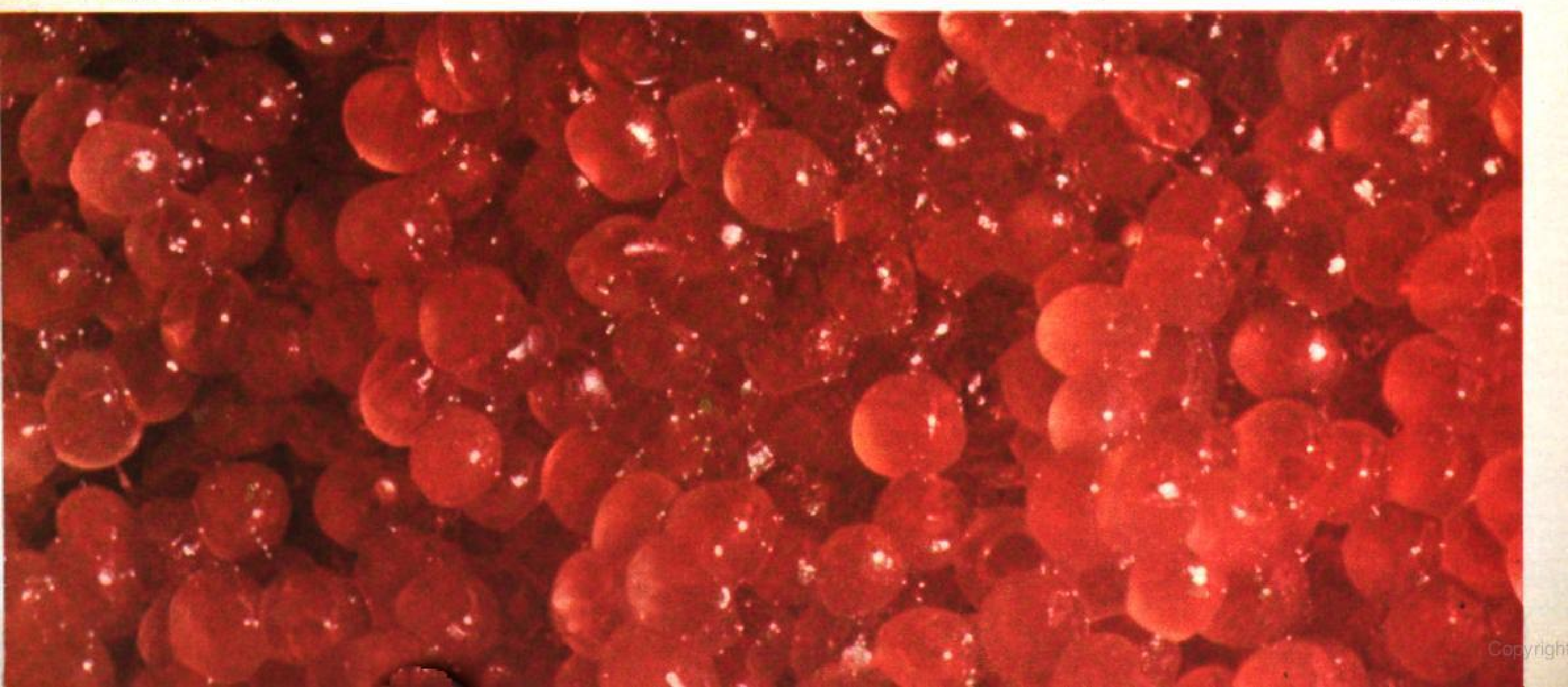
Могучие машины работают в Козыревском леспромхозе.

Лов лосося ставными неводами.

Кета мечет икру.

Икра кеты.

Сергей СМИРНОВ

Тихие строки

Художнику, проникновенному певцу русской природы Б. В. Щербакову

* * *

Заурядный праздник — воскресенье.
Лес подобен чудо-богачу.
Я с его романтикой осенней
Персонально
свидеться хочу.

Где же ты скрываешься — не знаю.
Озираюсь,
мысленно зову:
Отзовись, романтика лесная,
На мое призывное
«Ау!»

Для беседы, полной интереса,
Я хотел бы встретиться с тобой.
Но шуршит,
шуршит архивом леса
Бесшабашный ветер-листобой.

Жаль, что ветер так неудержимо,
Так беспечно
буйствует в лесу
И с недальновидностью транжира
Рвет с ветвей
шуршащую красу.

* * *

Какая тонкость и расцветка,
И как
похожа на парчу!
Реалистическая ветка
Меня задела по плечу.

Вещаю письменно и устно
Грядущим людям и годам:
За все
абстрактное искусство
Я
Этой ветки
Не отдам.

* * *

Береза,
что с тобой наделали?
Какой бедняжкой стала ты!
Твою бересту нежно-белую
Изрезал нож на лоскуты.

Твоя косичка перекручена
И грубо стянута узлом.
Твоя изломанная рученька
Не в силах
выровнять излом.

А кто они,
твои каратели,
В каком вращаются кругу,
И что таится в их характере?
Убей —
представить не могу.

Но, видя то, как ты унижена,
Твержу от твоего лица:
У них
у всех
в груди — булыжины,
Булыжины, а не сердца!

* * *

До чего ж красноречивы
Эти ели,
Эти ивы,
Эта просека
И даже
Нить
высокого вольтажа,
И стволы
шальной побелки,
И прыжки
Пугливой белки,
И следы
зубов
лосиных
На молоденьких осинах!

* * *

У дубов придорожных,
Размахнувшихся тут,
Одинокий художник
Пишет
маслом
этюд.

То замрет — и ни шагу,
То откинется вбок,
Тонкой кистью,
как шпагой,
Вдруг
Наносит мазок.

Браво
рыцарю кисти,
Ты достиг мастерства!

Пусть осыплются листья,
Пусть пожухнет трава,
Пусть замолкнет синица,
Еле слышная мне,—
Красота
сохранится
На твоем полотне.

* * *

Среди листвы летящей и лежалой,
Где оголтело рыщет воронье,
Погибла
муравьиная держава
И муравьи — создатели ее.

Невесть зачем, незнаемо откуда
Пришла сюда
какая-то орда,
И подожгла земное это чудо,
И скрылась вновь неведомо куда.

Погибли рядовые работяги,
И мастера-умельцы на местах,
И боевые,
полные отваги
Солдаты, и наличный комсостав.

Лежит зола, кирпичная от жара.
Печальный дым летит в небытие.
Погибла
суверенная держава
И сотни тысяч
Подданных ее.

* * *

Листья, листья.
Светлое мельканье.
Гладь воды
свинцово тяжела.
Камень.
И не с этого ли камня
Только что
Аленушка
ушла?

* * *

Листвой всю землю замело.
Но вот опять передо мною
Бумага,
битое стекло,
Сверканье банок жестяное.

Поляна горестно пуста
Среди роскошества лесного.
Пристанционные места,
Куда
грешно
приехать снова.

* * *

Ливень,
начинающийся ливень
Над плакучей прелестью берез!
Неужель ты радиоактивен? —
Сам собой рождается вопрос.

Если так,
то уходи из леса,
Уходи как можно поскорей
И с коварной щедростью пролейся
Посреди бесплодных пустырей.

* * *

Ни стремительных молний, ни грома,
Ни лучей,
золотящих ручей.
На кудлатых ометах соломы
Философствуют
Стаи грачей.
Желтый лес
отрешенно серьезен,
Расстается с последним теплом.
Вопиюще зеленая озимь
Намекает ему о былом.

* * *

Ходит
маятник
листа
В центре
Голого куста.
Ты скажи,
не часовщик ли
Навещал сии места?

* * *

Здесь раньше мельница крутила
Свои литые жернова.
Теперь
заброшена плотина.
Из колеса
Растет трава.

И повествует омут жалкий,
Что он
расстался с глубиной,
Что сетью
Пойманы русалки
И толом
взорван
водяной.

* * *

Нет,
не безучастными глазами
Созерцать природу мне и нам,
А как будто в специальном зале
Приобщаться к ней по временам,—
Трогать краски,
Отвечать на звуки,
По-людски
смотреть в ее глаза..

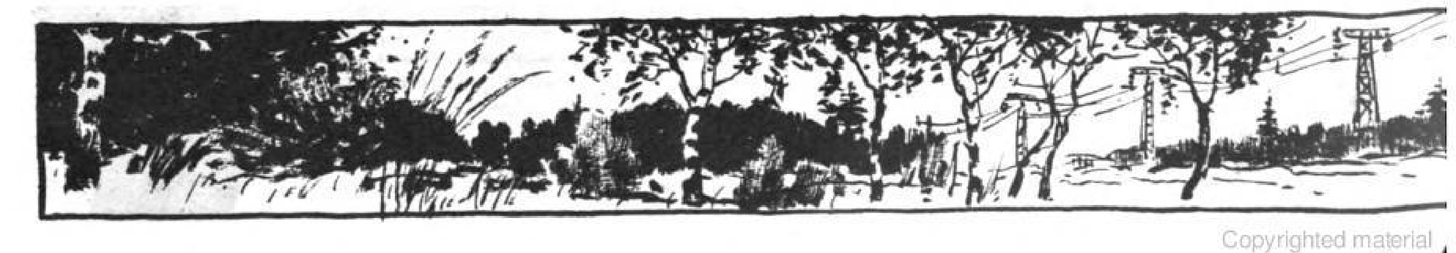
Кто за это? —
поднимите руки.
Вся природа
Голосует
«За»!

* * *

Есть просто храм,
Есть храм науки,
А есть еще
природы храм —
С лесами, тянущими руки
Навстречу солнцу и ветрам.

Он свят в любое время суток,
Открыт для нас
в жару и стынь.

Входи сюда,
Будь сердцем чуток,
Не оскверняй
его святынь.

Игнатий идет в гору. Не то чтобы совсем в гору, а по отлогому взгорью. Когда-то давно, мальчонкой, он одним духом взбегал на такое вот взгорье по улице к своему дому. Но это было когда-то... А теперь он идет трудно, нацеливаясь ногами в серую жесткую жилу тропинки, тыкая березовой палкой в шуршащую траву. Игнатий думает, что, наверное, и его жилы в руках и ногах за долгие годы сделались такими же мозолистыми и тонкими, как эта давнишняя тропинка, и так же они будут истончаться, как зарастает травой и становится похожей на иссушенную трещину тропинка.

На первом увале Игнатий останавливается, надрывно откашливает мокроту, открытым ртом, как рыба, глотает сырой, напитанный моросью воздух и, сложив руки на палке, навалясь на нее грудью, смотрит вниз по уклону. Тропинка теряется сразу, в нескольких шагах от Игнатия ее съедает трава. И дальше ее можно опознать только по раздвинутым кустам ольховника — этому едва заметному рус-

Анатолий ТКАЧЕНКО

Повесть

лу,— будто когда-то здесь шумел поток, но ушел в сторону, и тонкая нитка ручья иссыхает и глохнет.

Внизу, за липким сеевом тумана,— крыши поселка, дворы с прогорклыми от соленых ветров огородами, улицы — все в одну сторону, к одной длинной цинковой крыше рыбозавода. А за ним — ровная, светлая пустота, тоже серая, но будто подогретая изнутри,— это море. Игнатий хорошо видит, глаза его не померкли, не помутнели от туманов и сахалинских дождей, глаза, как «чистые стеклышки» (так говорила когда-то мать Игнатия), не слезятся от солнца, не слепнут во тьме. Удивительно, в ночном лесу Игнатий видит, как светятся стволы лиственниц. В совершенной темноте. Уверен Игнатий: это они отдают свет, который вошел в них днем. А недавно Игнатий видел спутник. Он медленно, красной звездой наискось прошел над лесом, прочертил вершины лиственниц и, как метеор или трассирующая пуля, врезался в черные ветви. Хорошо, радостно видит Игнатий, возбуждается, читая в сумерках газету, щурится, когда разбивает ведром упрямую, гулкую жилу ключа, вскинув бороду, веселится, вглядываясь в тонкие, чуть подсиненные небом просветы между облаками. А в Горячем озере только один он вот уже сколько лет видит на самом сумеречном дне красные фонтанчики песка, вздымаемые огненными родниками. Радость Игнатию — от глаз. Живет Игнатий для глаз. И потому мыслит по-особенному: просто все воображает перед глазами. Как сможет увидеть, представить в образах — так сразу поймет, вспомнит. Самое давнее, самое прошлое.

Игнатий идет дальше. Рыжеватая борода его мокреет—здесь тумана нет, но едкая невидимая морось сечет воздух. Мокреет рука на палке, въедается в спину мешок с покупками, особенно банка мясной тушенки, так и грызет. Но поправлять не хочется: опустишь мешок, а подымешь ли? Да и недалеко теперь. Вот уже лает Иркир, приветствует. Кричит петух. Беззаботная птица! Две курицы остались, а он кричит. Других лиса потаскала. Последнюю на глазах растерзала. Поднял Игнатий ружье, но только плюнул в злости: худая, шерсть клочьями, будто ее когтями драли. Пожалел, решил до зимы оставить. А она не жалеет, живет и жует.

Показался дом — тесовой крышей над кустами. Тесовой, но не свежей — подгнившей, погрязневшей от времени, с зелеными жилами мха в трещинах. Блеснули окна, яркие, голубые. Окна — как глаза под бровями наличников. Каждый год подкрашивает Игнатий наличники и ставни, чтобы дом хорошо смотрел навстречу людям, навстречу зеленым и тихим духам леса, всему живому в лесу.

На крыльце сидит Васька, сынишка засольного мастера из поселка, рядом — Иркир, смотрит в глаза Игнатию, радуясь, бьет хвостом, как деревяшкой, по крыльцу. Иркир никогда не бежит навстречу: так приучен — не оставлять дом. Гостей принимает сам, и только знакомых. Других держит за калиткой. Для них там скамейка врыта.

Васька часто прибегает к Игнатию, особенно летом, зимой — школа. По воскресеньям отец с матерью приходят. А то и много народу наедет. Вино пьют, едят, купаются в Горячем озере. И Игнатию веселее. Правда, он теперь не питок и не едок, но компания, разговор хороший — живинка для души. И люди простые. А Васькина мать — редкая женщина: веселая и отчаянная. Купается она, когда мало народу, совсем голая, раздевается одна, за кустами. Прыгает в воду длинной рыбой, идет вниз так, что волосы заглаживаются и ложатся на спину; столбиком, с волосами на глазах, выныривает под солнце. Плавает, как парит, колеблясь и вздыхая; ее без напряжения держит вода. Видны даже белые пузырьки на ее теле, видно, как легко, жадно дышит она. Вода в озере горячая, и тело ее розовеет — розовое в зеленом...

Глаза Игнатия — беда Игнатия. Из-за них теплеет сердце, будто его обливают водой озера, и он слышит, как медленная кровь теплит его усыхающие жилы. И вспоминается Игнатию свое, незабытое, дорогое. Дивно и возвышенно становится ему. И очень просто. И вино и еда — в наслаждение. И когда люди уезжают, Игнатий долго сидит на крыльце, не чувствуя сырости из лесу, и почти не думает, почти не дышит, просто существует в мире безбольно, воздушно, как розовое тело купальщицы в зеленой воде озера.

Игнатий сбрасывает мешок на крыльцо, садится рядом с Васькой и вытирает лицо носовым платком. Белый, поскрипывающий платок сминается, мокреет темными пятнами. Игнатий разглаживает его на колене. Васька морщит нос, говорит:

— Умылся бы...

— До ключа идти, а я устал,— мирно отвечает Игнатий.— Да у меня, видишь, стирка какая — всегда водица горячая.

— Рыбу тебе принес, папка послал, и газеты твои с почты.

— Хорошо. Спасибо тебе.

Игнатий и Васька говорят только серьезно. Никто из них не повышает голоса и не кричит, когда они говорят о лесе, о лесных зверях и птицах или спорят о международных событиях: о Кубе, Конго, Алжире. Их мнения поч-

ти всегда совпадают, а если и расходятся, они стараются по-хорошему договориться. Вот только несколько дней назад немного поспорили. Васька сказал: «Лумумба — коммунист». «Это еще увидим»,— ответил Игнатий. «Чего смотреть! — рассердился Васька.— По политике видно». Так и разошлись, не договорившись. А после, уважая друг друга, не касались этого вопроса.

— Рыба — это хорошо, Вася,— говорит Игнатий.— Помню, на фронте, сижу в окопе, дождь мочит, холод собачий, мины чавкают наверху. Принесли нам похлебку горячую в бидонах. Потянул я носом — варево жидкое, пресное, и захотелось мне рыбы сахалинской, малосольной, красной. Прямо хоть реви. Хоть стенку окопа грызи. Обжигаюсь похлебкой, а в глазах — прямо пятна красные, куски рыбьи вижу. Сказал соседу, украинцу: «Рыбки бы...» «Нет,— говорит,— сальца бы шматок». Вот так, Вася, каждый человек от своей земли питается. И незаметно ему это, а потом в окопе или другом месте, около смерти, вспомнит рыбу, скажем, и многое через нее поймет.

Из мороси летуче возникает туман, входит в лес и там оседает, редеет. Отягощаются кусты и травы, с крыш сочатся редкие капли. Над озером поднимается тонкий пар — значит, холодеет воздух.

Васька пристально смотрит в лес, в зеленые сумерки, не шевелится, онемело сцепив пальцы. Но Игнатий знает: он ничего там не видит: глаза у него слабые. Это беда. Сколько человек не увидит! Игнатий жалеет Ваську, сказать же об этом никогда не скажет: настоящая дружба всегда осторожна. Другое дело— помочь ему увидеть больше. И Игнатий обо всем говорит своему другу: о красных фонтанчиках песка на дне озера, об иссушенной жиле тропинки, о том, как светятся стволы лиственниц в темноте, о беглых утренних туманах над морем, об улицах, которые все сходятся к рыбозаводу.

Слушает Васька, запоминает, а потом ему начинает казаться, что он сам это увидел, и он пересказывает все Игнатию. И не знает Игнатий лучших минут: ведь это частица его, Игнатия, входит в Ваську и остается в нем. Эта частица будет жить на земле и, может быть, перейдет к другим, когда Игнатия уже забудут люди.

Васька смотрит в зеленые, хмуреющие сумерки леса. Игнатий говорит:

— Вон видишь те листвянки молодые, стоят за ручьем? Сколько им лет?

Васька щурится, чуть наклоняется вперед, будто хочет спрыгнуть с крыльца, неуверенно отвечает:

— Лет двадцать.

— Нет, моложе. После войны их еще не было. Присмотрись, одна поменьше другой. А были одинаковые, ровные. Меньшую лыжники зимой притоптали, лыжня у них там проходила. Она и приболела.

— Тебе воды принести? — спрашивает Васька.

— Ничего, я сам,— говорит Игнатий и чувствует, что Васька сейчас уйдет.

Надо бы поговорить еще, посидеть. Но ничего интересного не может придумать,— наверное, от усталости или еще от чего. Он смотрит на две тихие сумеречные в тумане листвянки и говорит, уже не надеясь заинтересовать друга:

— Как молодняк пошел! Все сопки в шубу оделись. А помню, пустыня была. Прямо голые лбы. Зимой, бывало, залезешь на какую-нибудь, и до самого моря лыжи несут. Около озера больше кустарник рос, дом на полянке стоял. Теперь в зелени утонул. Сначала топором отбивался от лозы и рябинника. А потом махнул. И огород не помню, где был. Кажется, прямо вот под окнами начинался. Лес, Вася, опушкой растет. Чем сильней лес, тем живительней опушка. Она на солнце, на ветру, на дожде. Ее как бы что-то толкает изнутри леса. Потому что в гуще лес глохлый, застойный, и семя живое рвется на волю...

ЖИВОЕ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

Васька встает, кивает Игнатию, идет к калитке. Его провожает Иркир, лижет руки. «Наверно, рассказывал ему про это»,— вздыхает Игнатий и смотрит в подвижную Васькину спину. Васька уже отыскал в траве тропинку, и его белая рубашка, бледнея, замелькала среди кустов. Иркир вернулся, лизнул руку Игнатию, и теперь только слышались Васькины шаги. Они терялись в траве, когда Васька терял тропинку, и снова возникали, когда он шагал по твердой земле.

Время течет водой — водой ручья. Оно бьется о камни, стремится, клокочет. Время пробивает себе дорогу, точит камни, питает и рушит живое. Оно течет водой ручья в море. Море — вечность.

Игнатий слушает время. И оно, как вода далекого истока, приносит ему воспоминания. Старые, привычные и милые. В них — душа Игнатия. Потому что душа не рождается с человеком, а приобретается в жизни. Игнатий строг к своей душе — своим воспоминаниям. И он давно упорядочил их. Обозначил номерами: первое, второе, третье. И берет из них то, которое хочет или которое само приходит по настроению.

Огненные деревья
(Воспоминание первое)

Гремел воздух, и ноги чувствовали пугливую дрожь земли. Дрожала дорога, дрожали холмы, дрожало дымное марево в низких далях. Шли танки, выбрасывая гусеницами вязкие комья грязи, рыча и злобствуя, стрекотали, вязли. Шли люди, серые, маленькие под высоким черным небом, по огромной черной земле. Они вытягивались живыми дорогами, щетинили их, ожесточали. Они не шли — текли в грохочущее пространство и исчезали где-то далеко впереди, среди холмов, в дыму и горючем сумраке.

Грохали, разрывали плоть земли снаряды. Земля пугалась и дергалась от боли. Вырастали взрывы. Нет, не взрывы — вырастали бурые, косматые деревья. Кто-то огромный, невидимый втыкал их в холмы и овраги. Они мгновенно поднимались, огненно зацветали, распускали бурые жирные кроны и растворялись в воздухе. Жили коротко, грозно.

Игнатий шел, смотрел на эти деревья, слышал ногами, как дрожит земля, и ждал: вот сейчас вырастет под ним бурое дерево, поднимет и рассеет его в пространстве.

Впереди уныло переставлял худые, изуродованные обмотками ноги сибиряк Пастушко. Его голова в острой пилотке возвышалась над колонной, а обвисший пустой вещмешок вспархивал, как крыло, и хлопал Игнатия по голове, когда задние подпирали в спину. На последнем привале Пастушко съел остатки сухого пайка: хлеб, сахар, банку тушенки — и теперь продвигался к передовой налегке. Игнатию он сказал: «У немца провизию отобью»,— но, видно, сам усомнился в своих воинских возможностях, жалостливо улыбнулся: «Ничего, фронтовички поделятся». Пастушко всегда хотел есть. Даже когда ел, обидчиво заглядывал другим в рот; и первое, что услышал от него Игнатий, оказавшись в казарме соседом по наре, было: «А тебе старшина посочнее кусок шпика отвесил». Но Игнатий сразу решил: хороший человек. Жилистый, выносливый. А ест много — так это больше от нервности, непривычки. Попадаются люди: перепугается — ест, поругается — ест, обрадуется — тоже ест. У них какая-то нервная жадность на еду в острые минуты. Может, это и хорошо — всю горечь пища глушит. Над Пастушко посмеивались, не любили его пугающей жадности, и он прилепился к Игнатию,

почуял, что тот жалеет его. В строй становился рядом. И теперь шел так, чтобы спиной чувствовать Игнатия, слышать его дыхание, голос. Когда совсем близко вырастало бурое огненное дерево и комья земли летели в колонну, Игнатий тихо говорил вдруг укорачивавшему свой рост другу: «Ну, ты сибиряк, Пастушко!»

Пробежал по обочине лейтенант, затянутый во все новое, с розовым, не огрубевшим от бритвы лицом, нахмуренными бровями. На щеке у него чернел мазок сажи, и руку он держал на кобуре пистолета. Молоденький, игрушечный лейтенант. Он скрылся в дыму, наплывшем на колонну от недалекого разрыва. Игнатий вспомнил, как вечером у казармы лейтенант стоял рядом с чернявенькой связисткой, смотрел ей отчаянно смело в глаза и легко, красиво перебирал ногами в начищенных, прижимистых сапогах. Прямо танцевал. «Сынок, мальчик,— подумал Игнатий,— как ему умирать? Разве можно ему умереть? Ведь и к девушке, верно, впервые решился подойти».

Быстро, грозно темнело. Снаряды падали реже, но зацветали ярче, огненнее. Танки прошли вперед, унесли рычание и злобу за холмы, навстречу врагу. И скоро совсем стало тихо. И только чавканье ног, длинное, однообразное, и жесткое шуршание шинелей звучно текли, и казалось, это твердый, медлительный поток пробивается в узком русле. Высоко в небе воссияли звезды. Совсем мирные звезды.

Колонна текла сквозь маленькую, тихую в сумерках деревушку. В окнах красно теплился свет, лаяла радостно собака, натужно скрипел ворот колодца, и поздние голуби, шелестя воздухом, с лету ныряли под черные крыши. И только не видно было людей. Но если об этом не думать... За околицей вдоль дороги — деревья, палые листья терлись о ноги в грязи, пахло поздним летом, горечью. «Тополя»,— подумал Игнатий, забывая эту землю и это время. «Тополя»,— думал он, закрывая и натирая кулаком липкие глаза. А глаза слипались, а тяжесть, кажется, с самого неба давила на плечи, и ноги подгибались. И шел Игнатий по лесу, на острове Сахалине, и тополя, тополя... Из них нивхи делают долбленые лодки... Они с зелеными, огненно-зелеными кронами, они взрывами стоят над землей и долго не растворяются в воздухе. Под ними всегда ручьи. Они почему-то очень одинокие ночью... И когда Игнатий отставал и его толкали в спину или вдруг, падая, тыкался головой в пустой вещмешок Пастушко, он встревоженно говорил:

— А, что, а?..

Окоп был глубокий, сырой, стенки были слоистые: сверху дерн, ниже чернозем, еще ниже—широкой серой полосой глина. Глина пахла сыростью, глубиной. Глина пахла так же, как тогда, в день похорон отца... Игнатий спрыгнул в яму, чтобы поддержать гроб, его охватила сырость глины, и он понял: нет глубины глубже могилы. Глина везде одинакова: на Смоленщине, в Сибкри, на Сахалине. Вся земля из глины.

Винтовка Игнатия лежит на бруствере, у затвора — щетинистая горка патронов. Игнатий грудью привалился к мягкому, живому чернозему. Живому. Потому что и чернозем, умирая, превращается в глину.

Слева, рядом с Игнатием,— Пастушко. Он сгорбился, пряча за бруствер голову. За ним толстый, коротконогий солдат Васильев стоит на патронном ящике. Дальше — солдат по имени Фонька; так его зовут, он очень разговорчивый и сейчас о чем-то болтает. Справа — лейтенант, румяный, нахмуренный, и на щеке у него вчерашний мазок сажи, только чуть растертый. Он подтянутый в струнку. И все пружинит, перебирает ногами, даже, кажется, позванивает. Мальчишка, игрушечный командир. Но красивый. И боевой. Завидно даже.

Вот бы рассказать ему, как он, Игнатий, с жаканом ходил на медведя, а в двадцатом году помогал партизанам на Сахалине. Может, не очень помогал, время запутанное было, но кое в чем... И песня с тех пор осталась: «Крепче винтовку сжимай, партизан. Стонет тайга и гремит океан...» Тогда уже Игнатий был старше лейтенанта, жестче, ершистей от таежной жизни. Умел ружье держать, руки к цевью примозолил. Но чего-то у него не было такого, что чуется в лейтенанте. Наверное, этой боевитости, пружинности, какой-то умной, горячечной смелости. Хочется Игнатию уловить для себя кое-что. Он хмурится, всматривается, но только подтягивает ремень и сгоняет за спину складки шинели.

Лейтенант напрягается, смотрит в бинокль. Там, за искалеченными, разбитыми буграми с порванной бурой кожей травы и черными сочными ранами, за иссеченным в кости березником, окопы фрицев. Какой-то дым у них, едкий, химический. Он слышится даже здесь, в чистом воздухе. Наверное, жгут шашки, чтобы маскируют. Тихо. Даже скучно. И только изредка сухо секут воздух щелчки, будто где-то за холмами, за дымом, пастух гонит стадо.

Там фрицы, здесь иваны. Игнатий чувствует себя Иваном, Иваном своей земли, и спрашивает Пастушко:

— Ты Иван?

— Иван! — радостно говорит тот, измученный тишиной и бездельем.

— А Васильев?

— Иван.

Конечно, и лейтенант — Иван. Волжский Иван. Утром он читал сводку Информбюро, окая и напевая: «На всех фронтах наши войска удерживали свои позиции...» Дальше старательно перечислил, сколько было отбито атак, захвачено танков и автомашин. А потом совсем тихо и быстро, даже не окая, закончил: «Лишь на некоторых участках гитлеровцам удалось ценой больших потерь потеснить наши части...»

Потеснить... А уж и так тесно.

— Правда? — спрашивает Игнатий. Пастушко кивает и улыбается, не узнав, о чем говорит Игнатий.— Ты вот ногами до Москвы достанешь, если головой к немцам...

Лейтенант поднял руку с биноклем, что-то крикнул. И в небе высоко и невидимо засвистела, вытягиваясь, стальная струна, потом она задребезжала, стала жужжать железной мухой, впиваясь в пространство, остро, как крыло самолета, распластала плотный воздух над окопами и квакнула железной, разорванной в куски лягушкой. Игнатий оглянулся. Позади, на рыжем холме, вырос четкий, аккуратный дымный куст. Еще струна, муха, и — квак! — чуть ближе и в стороне вскипел другой дымный куст. Еще и еще...

Пастушко втянул в окоп голову — перегнулся вдвое. Васильев слез с ящика и, занемев, смотрел в небо, стараясь что-то разглядеть там. Фонька крутил головой, выглядывал через бруствер, припадал к винтовке и, нервно тренируясь, прицеливался. Слева, над окопом, фонтаном желтой земли ударил разрыв. «Желтая земля — из окопа!» — подумал Игнатий. И через минуту в зябкой тишине Фонька проорал:

— Братцы, двоих!..

Лейтенант показал ему кулак.

Дымные, аккуратные кусты перешагнули окоп и теперь вырастали впереди, на черной, распаханной земле. Над холмами возникал и таял призрачный лес. Легкий, косматый, но от него дрожала земля.

— Приготовься! — крикнул лейтенант.

Над окопами немцев вдруг возник, забился густой желто-серый дым и потек низко и плотно к нашим окопам; ветер относил его в сторону и укрывал грязной мутью холмы. И за дымом послышался стрекот, тракторный, жирный и хрипучий.

Лейтенант передернул затвор. Пастушко припал узкой головой к прикладу; спина его уперлась в сырую стенку окопа. Игнатий хотел сказать ему, что он может простудиться, но заметил: Пастушко перебирает губами, что-то жует, наверное, сухарь,— и решил не трогать друга. А в следующую минуту забыл об этом. Из сумеречной мглы дыма, за которым, казалось, вспахивали поле трактора, выскочили совсем близко серые быстрые танки; поводя хоботами орудий, они стали ядовито выплевывать красные языки.

По ним ударили противотанковые пушки. Слева и справа. Клочья земли и пыли зачернили воздух; танки скрылись, приглох их стрекот, и вот огненный высокий дым изверг-ся над полем. Один, другой, третий...

И когда душа Игнатия возликовала и он хотел крикнуть что-нибудь веселое Пастушко, из тьмы и грохота, откуда-то из-под низу, высыпали на бурый голый холм серые, одинаковые, суетные фигурки немцев.

Первым выстрелил лейтенант. Несколько выстрелов Игнатий сделал быстро, в забытьи и нервной трясучке. Нет, не было страшно, даже неожиданно не страшно, но от долгого ожидания, что ли, или так уж полагается необстрелянному... Обстрелянный зверь пугливый, человек — наоборот...

Где-то рядом длинно рокотали пулеметы, вразнобой резали воздух винтовочные выстрелы. Еще один огненный дым изверглся из тьмы и пополз в небо. Игнатий теперь целился в гущу фашистов, потом, осмелев, стал выбирать самых ближних.

А немцы бежали, падали и вставали; они возникали в самых неожиданных местах, бежали вкривь и вкось, пересекали друг другу пути, и казалось, их кто-то тасует и перебрасывает... И казалось, они не умирают.

Они совсем близко. Так близко, что можно видеть выпученные глаза, открытые рты, грязь на шинелях. Игнатий бьет, бьет, теперь опять наугад. И другие, наверное, наугад... Только пулеметы, пулеметы...

Они идут.

Еще несколько минут — они ввалятся в окопы.

Уже всей шкурой чувствует Игнатий, что иваны не выстоят. Уже Фонька карабкается на заднюю стенку окопа, Васильев подставляет ящик...

И вот... Лейтенант выпрыгнул на бруствер, вскинул винтовку и заорал, хрипя и надрываясь:

— Р-ребята! За Родину! Р-ребята...

И побежал, пригнувшись, сузив плечи, навстречу немцам.

Пастушко боком вывалился из окопа, упал, вскочил и кинулся наискось к лейтенанту. Игнатий выпрыгнул на бруствер, уловил ухом холодок близкой пули и, открыв рот, хрипя, выпучив глаза, побежал прямо вперед, выставив штык и не видя ничего перед собой. Дым, грохот, скрежет и вой пожрали землю и воздух, живое и мертвое, минуты и часы...

Игнатий бежал, стучал по земле ногами, и только этот стук бился у него в голове. Он не знал, сколько будет бежать, куда и зачем. И увидел совсем рядом, перед собой, человека в грязной шинели. Белые глаза, пар изо рта, хрипение, такое же, как у него, и плоский штык. Человек нес штык прямо ему в грудь. Штык черный — в крови. Сейчас железо ударит Игнатия. Еще одна минута... Человек рычит, задыхается, на скошенных губах у него пена... Человек толкает вперед кровавый штык, Игнатий толкает свой, промахивается и делает мгновенное, почти неосознанное: сжимается и падает человеку в ноги. Человек надламливается, его штык впивается в землю. Игнатий, привстав с колен, втыкает свой штык ему в спину, между лопаток. Чувствует руками хруст, вязкую сырость плоти, знакомую его рукам с медвежьих и оленьих охот, и бежит дальше, неся черный кровавый штык впереди себя.

О-о, штык — оружие!.. Он тяжелый. Игнатий взвешивает его на конце ствола. Штык тянет в грохот и дым, ведет, ищет, видит... Штык для грохота и дыма...

Из дыма или из земли встает человек. Серый человек. На лице — открытый рот. Человек маленький, толстый, под ним дымится земля — серыми вспышками. Ему не упадешь в ноги... Отбить удар и прикладом по голове... Человек прицеливается, прицеливается. Он взбежал на горку, бежит вниз, разгоняется, ему легче, он открывает шире рот и хрипит. Блеснули его глаза, маленькие и удивительно свежие... Уже близко. Уже редеет дым... Еще, еще... и что-то кроваво-черное выросло между ними. Оно сначала мягко и горячо толкнуло, потом бросило. И ударило. Теряясь в звоне и гуле, в кроваво-черной мгле, Игнатий сообразил: это выросло и огненно расцвело перед ним дерево смерти.

Игнатий умер, он знал, что умер. Он не хотел умирать, было жаль себя: он не поймает удочкой форель, не ударит из ружья по рябчикам, не обожжет ему стопка водки горла, баба не приласкает,— но было и очень спокойно, тихо, как в детстве во сне. И чуть грустно. И по этой грусти, которая не проходила и звенела тонким проводом на ветру, он понял, догадался, что жив. А потом ожила в нем боль, сразу, рывком, и он снова догадался: его подняли, понесли. Какой-то одной своей жилкой обрадовался: жив. Боль ушла в ногу, скопилась в ней и стала рвать ее тупыми жадными зубами. Ему хотелось протянуть, отдать ногу жадным тупым зубам и позабыть боль...

Люди появились сверху и из тумана. Он узнал сначала голоса, потом лица. Туман редел, как на море после прилива, и приливали лица: длинное — Пастушко, круглое — лейтенанта, заостренное кверху — Фоньки... Игнатий сказал, чтобы Пастушко съел его ужин. А может, не сказал — только подумал. Лейтенант наклонился:

— Будешь жить, отец. Сейчас в тыл отправим!

Он, наверное, прокричал, но голос его едва пробился сквозь уши Игнатия.

Лейтенант так низко наклонился, что Игнатий увидел на его пухлых щеках щетину. Настоящую, колючую, мужскую.

— Мальчишка...— ласково сказал Игнатий, и туман, сырой, плотный, как на море в прилив, опустился сверху ему на глаза.

Койки стояли вдоль стены в длинном коридоре. Свет был где-то в конце коридора и всегда вечерний, сумрачный. В нем виднелась белая койка. По коридору ходили санитарки, сестры и врачи. Санитарки — медленно, сестры — быстрее, врачи — с ветром. И все они умели неслышно закрывать и открывать двери палат. Они приносили с улицы запахи зимы и здоровья, их хотелось ловить за полы халатов, просить посидеть на краю койки, что-нибудь сказать. И на минуту оглохнуть и не слышать глухого, неумолчного, трудного, как вода под землей, бормотания госпиталя.

Тяжелым, мертвым куском гипса лежала на матраце нога Игнатия. Он почти не ощущал ее — она болела всегда, и боль эта обратилась в душевную: порой ему казалось, что ноги вовсе нет, и врачам надо лечить его душу, а то он сойдет с ума. Когда становилось невмочь, он подзывал сестру, чаще Марию, полную, пожилую, каменно терпеливую, спрашивал:

— Как, сестрица?..

— Хорошо, родненький. Ты терпи, только терпи...

Игнатий начинал думать о ноге, жить для ноги. Он обращался к ней, как к живому существу. «Вот сейчас покушаем,— говорил,— и нам полегчает» или: «Прости, что я просил тебя обрезать,— одурел от боли».

К кому бы ни подошла Мария, ее сразу отзывал к себе ревниво и даже грубо сосед Игнатия, лежавший ногами ему к голове. Игнатий не видел его — узнавал только по голосу. Сосед был ранен в бедро, лежал в гипсе и был, наверное, молодой: жаловался, что ему очень больно, что жизнь пропала и лучше б ему дали пистолет.

— Что, Кравчук, что, родненький?..— Мария присаживалась сбоку, поправляла одеяло и, наверное, прикладывала свою пухлую прохладную ладонь к горячему лбу Кравчука.

Тот хватал ее руку, целовал и просил:

— Ну, один, последний...

— Какой ты сильный,— тихо говорила Мария,— потерпи, ты можешь потерпеть.

Кравчук просил морфия. Вымогал, ругался, плакал, и, когда начинал выть, Игнатий говорил:

— Кравчук, а если ты не умрешь?..

Раз в сутки, перед ночью, Игнатию делали укол морфия. Он ждал его, предчувствовал, видел его в холодной льдинке-ампуле, слышал, как, хрустнув, ампула падала в урну, и на игле шприца набухала сверкающая капля. Сестра выпускала одну-две капли — Игнатия волновала эта расточительность,— и холодная игла протыкала кожу. На руке вспухал холодный бугорок, и Игнатий пьянел сразу, не дожидаясь, пока растворится морфий. Пьянел от предчувствия радости и отдыха.

Радость приходила, опускалась легким сиреневым и теплым облаком, обволакивала его тело, высасывала по капелькам боль, и витала над ним, и кружила, и, укачивая, несла в небыль, в избавление, в жизнь сиреневых ласковых духов. И виделись Игнатию леса, зеленые, желтые, рыжие; озера, забереги речек; и виделся отец с ружьем и собакой на поводке; и виделось детство; и виделся водопад: вода падала по черной скале в каменный котел, разбивалась. И холодной пылью возносилась в воздух, висела, струилась. Весь день над ущельем полыхала радуга. Нивхи, таежные люди, приходили пить из водопада воду добрых духов — на счастье. Игнатий тоже пил.

Пил каждый раз, засыпая, теряя видения.

Час радости, два — крепкого сна, и вспышка боли. Вспышка черно-рыжим горячим деревом. Росли, вырастали огненные деревья, мутился разум, и это похоже было на муки за содеянные на земле грехи. Игнатию думалось, что, если он вытерпит, переживет, он простит себя за все прошлое и за будущее.

Кравчук орал в такие минуты. Игнатий хватал руками железные прутья койки, и только капитан Савельев, лежавший головой к ногам Игнатия, молчал и был, казалось, особенно спокойным. Он даже во сне не стонал, и это пугало, становилось страшно за его терпение; казалось, вот-вот он вскрикнет, забьется в нервной лихорадке, и тогда страшнее, безнадежнее станет жить, и Кравчук сведет всех с ума своим воем.

Если Игнатий чуть поднимался на подушке, он видел голову Савельева, круглую, тугую, белую от бинтов, и видел кончик одинокого уха на белом шаре — все, что оставили Савельеву для жизни среди людей. Ухо было чутким, внимательным, трепетным, и этому уху Игнатий каждое утро читал сводку Информбюро из газеты. Игнатий читал тихо, задыхаясь от бессилия, и ухо не шевелилось, оно, наверное, очень напрягалось. Игнатий кончал читать. Савельев медленно поднимал и опускал сжатую в кулак руку. Это означало: он понял, спасибо — или что-нибудь еще. Игнатий научился обманывать ухо: бегло сообщал, что немцы «ценой больших потерь...», и медленно, по складам читал, как наши отбили где-то деревню Поповку и заняли станцию Кипяток. Ухо молчало, а рука поднималась и сжималась в кулак.

Койки стояли в ряд, вдоль стены, и больные не видели друг друга. Хорошо это или плохо? Наверное, хорошо. Не видели бинтов, ран и лиц, но могли говорить, если было тихо и если молчать становилось невмоготу. Игнатий был знаком с тремя койками в сторону ног и с четырьмя — в сторону головы. Дальше не хватало голоса. И видел только одну койку — у окна, белую, всегда тихую. На нее можно было долго смотреть, и она расплывалась в белое смутное пятно. Это напоминало сон, а во сне легче жить. Игнатию хотелось узнать что-нибудь о белой койке, несколько раз он посылал вопрос по длинной цепи коек, но ответа не получал, цепь была где-нибудь оборвана: кто-то спал, кто-то был без сознания. Както утром подошла Мария, села на край койки и сказала:

— Его унесли. Сержант был, в танке обгорел...

Все еще спали. Помолчали в тишине. Игнатий смотрел сбоку на Марию, она — в пол. Она отдыхала, сощурив глаза, скрестив на коленях руки. И Игнатию захотелось дотронуться до нее, ощутить ее здоровое тело, чуть всколыхнуть, растревожить себя. Марию позвал Кравчук. Она еще минуту, не дрогнув, сидела, потом, не открывая глаз, как слепая, медленно поднялась. Игнатий поймал ее руку. Мария широко открыла глаза, удивленно посмотрела на него, о чем-то догадалась, сказала:

— Что ты, я же старуха!

Вечером Игнатий не получил морфия.

— Почему? — спросил он молоденькую, чернявую и очень строгую сестру Надю.

— Вам уже отвыкать надо,— наставительно, покачивая головой, проговорила она.— Да, да, вы же не маленький. Скоро гипс снимать будем.

Игнатий хотел обидеться: объяснить же надо, зачем так, сразу... Выручил Кравчук. Он капризно подозвал Надю, стал жаловаться, просить лишний «кубик» морфия.

— Вы что, маленький? — сказала Надя.

Кравчук заплакал. Надя быстро пошла по коридору. Ее четкие шаги оборвал хлопок двери. Надя не выдержала, ей трудно воевать с «морфинистами»; она, наверное, плачет в сестерской и просится на фронт. Она боится сочувствовать и грубит, чтобы разозлить,— так лучше, легче.

Когда открывали форточку, из конца коридора притекал сырой, тревожный воздух. Он быстро растворялся, но успевал рассказать, что на земле весна, сочится снег, набухают почки и с юга летят журавли; что земля такая же, что все на ней такое же.

Игнатию спилили гипс, кусками бросили в таз. Доктор пришел посмотреть. Он не глянул на больного: его интересовала нога. Его интересовали ноги, руки, головы... Кажется, только для этого у него были свои ноги, руки, голова. Он лечил, чинил, он устал, он потерял счет рукам и ногам. Он прикрыл свои глаза очками — что под ними, какие они? И только губы, тонкие, сухие, как у горячечного, жили, страдали на лице. Доктор наклонился, под халатом проступили узкие погоны с двумя бугорками. «Подполковник»,— подумал Игнатий.

Подполковник сказал:

— Дать ему костыли.

Уходил Игнатий из госпиталя утром, к поезду. Мария принесла документы, билет и пошла проводить. Только до ворот — и то для нее большая прогулка. Остановилась, вздохнула. Игнатий оглядел Марию, пожалел ее, понял, что она нарочно старится, ограждаясь от ухаживаний, решил, что ему вечно не будет ее доставать, и сказал:

— Ты долго не будешь старой.

Тихий чужой городок еще не проснулся. Никогда, наверное, так крепко не спят люди, как в войну. На пустынных улицах бормотали пристывшие ручьи, низкие крыши плакали русской капелью. Мария вздрогнула от холода, свела плечи.

Где-то одиноко прокричал петух.

В ЛЕСУ ЖИВУТ ДУХИ

— Живут?

— Нет, не живут,— серьезно говорит Васька и, щурясь, обостряя свой взгляд, смотрит в зеленый туман чащи.— Ветер все это. Он как живой в лесу. Будто кто ходит или дышит.

— Не живут.

Они идут по дороге на третий кордон, в гости к леснику Иванову: в его речке ловятся хорошие форели. Васька несет удочки, Игнатий — сумку с кое-какой едой. Идут тихо. Игнатий приволакивает ногу — еще не размялся, Васька ежится — еще тепло со сна не растерял, вздрагивает от каждой капли. Дорога дерновая, мягкая, сочится влагой — под утро туман свернулся дождем,— бамбук по обочинам лопоухо и настороженно прислушивался к замершим вершинам лиственниц, а чуть шумнет ветер — он сухо, роняя росу, стучит окостеневшими листьями. Кукует кукушка. Но лучше не загадывать: утром она беспокойная, часто перелетает с места на место, завтракает и кукует с перерывами. Гадать надо в полдень...

— Не живут. Жалко, а? — Игнатий расчесывает, разминает пальцами рыжую бороду, долго молчит, следя глазами за красноголовым дятлом, просто за красным пятном, мелькавшим на лиственнице, скупо улыбается, говорит:— Вот я давно думаю: как же эти духи все жили и жили и вдруг их не стало? Я и директору нашему про это сказал. Он-то промолчал, поухмылялся, а на другой день прислал мне бумажку, на ней стихи написаны.— Игнатий вынул из кармана блокнотный листок.— На, почитай.

Васька прочитал сначала про себя, чтобы понять,— ему нравились стихи директора,— а потом вслух:

Духи

Тихие лесные духи,
Они неслышные, как птенцы,
От дерева к дереву летают,
Как мухи,
И водяные едят огурцы.

Они отшумели, отславились,
Они для себя живут.
Ночью пойди за озеро,
В заросли,—
Они огурцы жуют.
Они все слышат, все слушают,
Днем в темноте сидят,
Они теперь никого
Не скушают
И никого не съедят.

— Как, по-твоему, директор мыслит? — Игнатий осторожно взял у Васьки бумажку, свернул и сунул ее в карман.— Духи-то есть, только не такие, как в прежние времена. Маленькие, голубенькие, и все дымком, дымком понад травой, по-над озером. Я-то их видел — и летних и зимних. Когда тихо-тихо, они сидят на каждой ветке, шепчутся, хихикают, вздыхают. Только не каждый слышать может. А видеть и того труднее: глаз надо чуткий иметь.

Васька отвернулся, вежливо засвистел. Игнатий не обиделся: лучше попросту показать,

что неинтересно, чем бестолково пучить глаза. Но решил досказать.

— Прошлой зимой шел я от Иванова на лыжах, и метель меня застала. Не то чтобы метель, а поземка засквозила, заголосила — и лыжню мою как языком слизала. Сначала я ноль внимания, иду посапывая. Чутье, думаю, выведет. И подвело чутье. По времени море должно показаться, а и не пахнет даже. Я влево, потом вправо. Пар от телогрейки пошел — вата взмокла. Вечереть стало. Мороз засинел, и поземка стихла. Значит, думаю, в глушь забрался. Остановился, палки в снег воткнул, закурил. Дым прямо на носу висит. Тихо, чисто. Кусты под снегом, деревья ледяными столбами стоят. И мне чудится, что это сон, и, если примусь кричать, голоса своего не услышу. Стою, стыну, лоб инеем оброс, а идти не хочу. Слышу, холод снизу, по ногам идет, и столбенею, леденею, как лиственница. И тут впереди, у черной мертвой елки, что-то заполыхало, забилось голубым дымком, будто под нею костер разожгли. И так это мне интересно стало и так это было похоже на живое, что стронулся я и пошел к елке. Подхожу — ничего нет. Белый-белый снег. Глянул вперед — полыхает, мечется голубой дымок у закоченелого ольхового куста. Я к нему, он дальше. И, кажется, ярче горит. Бежал я, пока не почувствовал твердый снег под лыжами. Пригляделся — дорога, внизу поселок огнями светится. А дымка голубого нет, пропал. Будто жилья испугался...

Васька засмеялся совсем невежливо.

— Что ты! — сказал он.— Спутники летают над планетой, атомная бомба может разнести ее на кусочки. В космос скоро полетим. А ты про духов... Пойдем лучше червей подкопаем.

Они свернули на низкую поляну — здесь когда-то стоял стог сена. Васька достал из-под куста ржавую лопату и стал ковырять черную, прелую солому. Черви были сочные, холодные и вялые.

Из-за леса послышались всхлипы машины, ветер принес запах бензина, а после меж стволов замелькало яркое красное пятно: это ехал директор лесхоза на своем «газике». Все машины в лесхозе красные: красное далеко видно, красное среди зеленого.

Директор увидел Игнатия и Ваську, свернул с хлюпкой дороги и по твердой поляне подъехал к ним. Машина, как красная горячая лошадь, уткнулась тупым рылом в холодную зеленую траву и замерла, принюхиваясь и щурясь притухшими фарами. Директор спрыгнул в траву, горячий, как машина, и тоже красный, распахнул грудь, и его круглые щеки будто надуло ветром.

— Как дела?

Директор представляется Ваське круглым, особенно рядом с Игнатием — тот плоский и широковатый. У него все круглое: руки, ноги, голова, круглые выпуклые глаза, пухлый нос, округлые губы; только борода и усы с молодой сединой были своей, собственной формы, и это делало директора особенным, не похожим на всех других круглых и толстых; в этом было что-то от учителя, мудреца; и еще глаза — в них не замирало, трепетало любопытство ко всему и ко всем.

— Как дела, Игнатий? — повторил он гулко, кругло.

— Дела, как сажа бела,— тянет Игнатий.— А сажа бела, как мои дела...

— Лес растет?

— Растет...

— Лесные духи живут?

— Живут...

— Скоро будем шишки с елок сбивать. Василий, поможешь?

— Ага.

— Ты со мной дружи. Поедешь сдавать в институт, провалишься — в лесники возьму.

— Ага.

Ваське хочется попросить, чтобы директор прочитал какое-нибудь свое стихотворение — вот так вот гулко, кругло, чтобы слова летели яблоками, бились о красные стволы лиственниц и их повторяло по многу раз, как будто заучивало наизусть, таежное разговорчивое эхо. После этого захочется долго молчать и думать о чем-нибудь очень трудном. Стихи директора, напечатанные в газете, меньше нравились Ваське: может быть, он не умел их читать. А вот услышать, как они яблоками... И Васька говорит, трудно вздохнув:

— Хорошие у вас стихи...

— Ну, слушай.

Директор отводит взгляд, смотрит куда-то в лес, а скорей всего просто задумывается и ничего не видит. Потом округло-розовато открываются его губы, и первые слова, выкатываясь в воздух, повисая и живя в нем, улетают в лесную тишь и темь:

Живите, реки,
Травы, живите,
Живите, звери,
В своих местах,
Живите, люди,
И удивительные
Слова, живите
В живых устах.
Живи, живое,
И умножайся,
Растите, сосны,
Алейте, сны,
Тучнейте, гроздья
Завидной завязи —
Живинки щедрости
И весны!

Помолчав и подождав, пока эхо отстукало и уложило в травы и мхи последние слова, директор спросил:

— Ну как?

Васька вздохнул, не поднимая глаз, прислушиваясь: может, эхо повторит какое-нибудь заблудившееся в деревьях слово? И Игнатий молчал, наверное, потому, что длинно говорить не хотелось, а коротко он не умел.

— В Южном редактору тоже понравилось,— сказал директор.— Скоро книжку мою издадут. Тебе, Вася, подарю.

Он пошел к машине, и даже по его тугой спине, чуть небрежным шагам было видно, какой он молодой и отчаянный. И все он делает отчаянно: навскидку стреляет из ружья, свистит вслед зайцу, скачет на коне — аж конь звереет. Водку пьет и то непохоже на других: круглый стакан в круглый рот. Ваське завидно, он чувствует, что никогда не будет таким, и ему жаль себя, жаль, потому что мать у него немножко «такая», а отец совсем нет. Игнатий часто ему говорит: «Ты, Василий, в отца...»

Директор спятил машину на дорогу и так пустил ее вперед, что злобно заревел мотор и колеса, как резиновые лапы, яро зашлепали по лужам. Красное пламя машины, мерцая, полетело сквозь зелень между стволов лиственниц, будто поджигая их ярким факелом.

Игнатий и Васька пошли дальше, по обочине, шурша жестким бамбучником. Кукушка куковала чаще и прилежнее, лес отогревался, парил, листва дрожала и, как в воду, погружалась в марево. Но от дороги пахло бензином, и Васька все повторял: «Живите, люди, звери, живите...»

Лесник Иванов вышел на собачий лай. Его собака затявкала от радости: пришли знакомые! Молча выслушал приветствия, вернулся, придерживая рукой поясницу, и вынес болотные резиновые сапоги. Постоял, посмотрел, как Игнатий и Васька старательно переобуваются, и, перегнувшись, закинув руки за спину, ушел «долеживать утро». У него разыгрался радикулит — давний, такой давний, что, сколько ни помнит его Игнатий, всегда Иванов носил руки за спиной.

Речка журчала за тальниками, и в тальниках было холодно и сыро от росы. Лопались зеленые сосульки-недотроги, брызгали холодными семенами; вяло-зеленые, сырые лопухи держали в своих огромных чашах застывших зеленых улиток. Над речкой снова солнце — сквозь зеленую воду, до чистых хрустких камней. Дно пятнистое, форелевое. Говор ровный, диковатый и бесконечный.

Васька первый вошел в речку, торопясь, размотал леску, наживил как попало червя: хотелось первому поймать форель. Игнатий не спешит: пусть друг получит удовольствие. Курит, дышит речным холодом, потом медлительно распутывает свою снасть. Васька закинул удочку в ямку под корягу, замер, остеклив глаза. Поплавок, как капля крови,— только яркий поплавок не теряется в ряби,— заиграл на остром течении и сразу, косо ныряя, пошел под корягу. Васька выхватил леску с живой тяжестью на крючке — белым огнем замигала над водой форель; поймав ее рукой, холодную, твердую, как камень голыш, Васька отцепил и бросил на песок, к ногам Игнатия.

— Так ее! — сказал Игнатий и, подняв до пояса сапоги, забрел в воду.

Они пошли прямо по речке, против течения (здесь всегда так ловят форель: берега непролазны, завалены буреломом); перекаты проходили насквозь, в темные ямки забрасывали удочки. Форель брала быстро, жадно. Больше ямка — больше форели. Спокойно вылавливали, как из котла,— пять, шесть, иногда семь штук, шли дальше. Васька нес ведерко; форель кипела, плескалась, а то и выпрыгивала в речку. Бывало, полтора-два километра по речке — и ведерко полное. Но сегодня негусто в ямках, придется пройти назад. Сверху — жар солнца, снизу — холод воды. Плечи мокреют от жары, ноги сыреют от холода.

— Ток вырабатываем! — говорит Васька.

Это Васька придумал — «ток вырабатываем». Он рассказал Игнатию, что, если медную пластинку с одного конца нагреть, а другой оставить холодным, в ней появится электрический ток. Закон физики. И у них точно так: между ногами и головой возникало электричество, похожее на муторную усталость. Кончалось это тем, что Игнатий не выдерживал и звал Ваську на берег передохнуть. Шли, садились на сухой взлобок, закусывали. Васька прятал голову в тень, а ноги, стянув сапоги, выставлял греть на солнце.

Сегодня долго «вырабатывали ток»: обловили еще по разу старые ямки, попробовали ловить внакидку на течении, забрасывали удочки в тихие черные заливчики — и двинулись на кордон, когда ведерко отяжелело и утренние форели всплыли кверху белыми животами.

Иванов опять вышел на собачий лай, покорно взял ведерко и пошел варить уху. На летней кухне у него быстро запахло дымом и луком. В сумерках и прохладе заплескал из печки теплом красный огонь. Игнатий и Васька сели на лавку под навесом, разулись, вытянули мертвецки холодные ноги. Охали, вздыхали, блаженствуя, а Иванов варил уху и молчал. И всегда молчит. Он с директором иногда говорит, и то больше из уважения. У Иванова на фронте погиб Петр, сын, жена вскоре умерла, и он замолчал. Только когда спутник первый запустили, сказал: «Вот бы Петька дожил...»

После ложки ухи у Васьки огнем загорелся язык от перца и кипятка, но он ел, смигивая слезы, отворачиваясь в темноту и хватая холодный воздух. Печка красно светилась раскаленными углями, и если от нее резко отвести взгляд, то на черных сопках, над которыми дырявили небо первые звезды, зажигались красные костры. Васька хлебал и думал: «Как зябко теперь на речке. И жутко. Я бы не смог пойти туда один. Может, только на спор...»

Спать решили на улице, в пологе. Побольше набросали сена, выкурили комаров гнилушкой и влезли в дымное облако. Иванов ушел в дом греть радикулит.

Когда посветлел дым, Игнатий спросил:

— Вась, видишь звезды?

Васька всмотрелся в полог. Он был серый, тяжелый, кое-где чернели квадраты заплаток, в углу мутно просачивался свет, но звезд не было. Васька стал пучить глаза — и серой тканью заплыли заплаты.

— А я вижу...— пожаловался Игнатий.

Он послушал, как ровно, легко и чисто засыпает его друг, и испугался: он оставался один. Хотелось попросить: «Вась, не бросай...» — но было уже поздно: друг ушел беззаботно и по-детски безжалостно.

Тихие лесные духи,
Они неслышные, как птенцы,
От дерева к дереву летают,
Как мухи,
И водяные едят огурцы...

Пели комары о дикости, холоде и вечности. И тьма вздыхала, пугалась и шарахалась. Тайга шла из вечности прошлого в вечность будущего. Шли дороги и тропы, шли горелые сопки и пни. И, как тихие духи от дерева к дереву, летели, бились воспоминания. Они нежные, жалостливые, но неотступные. Дети, не отдавайте им стариков...

Продолжение следует.

Солнечная мастерская

А. ЖУКОВА

Мастерская

— Лександрыч, погляди-кось, там, в лесу, олень огромадный стоит!..

Аркадий Александрович Пластов собирается и идет в лес. Там, на вырубке, в кустах, стоит, опираясь на толстые ветки, как на ноги, причудливо изогнутый срубленный ствол. Он действительно похож на оленя или еще больше — на сказочного Змея Горыныча.

— Что ж не увезли-то? — спрашивает Пластов.

— Да как его уложишь? Вишь, какой он витой.

Через несколько дней «витой» ствол въезжает в узорчатые ворота Пластовых. Змею Горынычу вырезают оскаленные зубы, вставляют камешки-глаза, и легендарное чудовище, выросшее в русском лесу, прочно поселяется во дворе Пластовых. А русский лес, вплотную подступающий к деревне, продолжает жить своей сказочной, поэтичной и бесконечно прекрасной жизнью.

Как интересно бродить по лесу!.. Вот под дубком, как огромные окостеневшие ветви, лежат тяжелые, сброшенные девятилетним лосем рога. Девять отростков — девять лосиных лет. У лося вырастут рога новые, а эти лес дарит тебе. Они грузные и шершавые на ощупь, как дубовая кора. Ты можешь вешать на них пальто или полотенце или просто так прибить их к стене на память о русском лесе.

Вот лежат сваленные в большую кучу корни бересклета — русского каучуконоса. Корни вырывают из земли, сдирают с них пропитанную каучуком кожицу и сваливают тут же под дубками, в кустах бересклета. Аркадий Александрович Пластов терпеливо разбирает причудливые лесные находки, медленно поворачивает их в руках. Этот похож на русалку, связавшую волосы в модную прическу «конский хвост» — длинные пряди стелются по волнам и льются вместе с течением реки; другой похож на лису, вскочившую на спину забившегося в страхе журавля. А этот ну точь-в-точь ведьма! Аркадий Александрович бережно несет корни домой. Он срезает лишние отростки, слегка подправляет ножиком, слегка подкрашивает и сам удивляется ожившим в его руках неожиданным созданиям.

— Ну, разве благоразумие даст нам придумать что-нибудь подобное? — говорит он.— Такое можно только подглядеть. Подглядеть в лесу.

Русалка, раненная в грудь стрелой. Пьяный черт. Кентавр, поджавший ногу. Все эти создания русского леса живут в просторной мастерской Пластова, как на большой лесной поляне. Здесь все им знакомо: свежие янтарные бревна, из которых сложены рубленые стены; лосьи рога — на них художник вешает пальто; березовый чурбак с большим золотистым наростом—болотоном, покрытый доской и превращенный в стол; букеты лесных цветов, что всегда стоят здесь летом. Мастерская кажется рожденной русской землей, русским лесом. Это почти так: ее построил и украсил безоглядно влюбленный в родную землю художник Аркадий Александрович Пластов.

Лес

В два часа ночи его будит стук в дверь.

— Иди. Красавка ожеребилась.

Десятки раз видел Аркадий Александрович новорожденных жеребят, но сейчас, когда он рисует иллюстрации к «Холстомеру» Толстого, нужно обязательно посмотреть еще раз. Вот и идет он, как говорит, за справками к натуре.

В конюшне горит фонарь. И в его свете стоит новорожденный, еще безымянный жеребеночек — маленький, падает, ноги трясутся, лезет к матери... Через два дня он будет совсем не таким. К вечеру будет не таким! Надо рисовать. Сейчас. Немедленно. Жизнь не ждет. Ее нельзя остановить, как машину, которую утром можно с того же самого места двинуть дальше.

Над деревней блестит луна. Свет ее отражается в черных окнах. И только в одном окне лунные лучи встречаются с лучами лампы,— здесь рисует художник.

Когда живешь одной жизнью с тем, о чем рассказываешь, что любишь,— можно подглядеть множество мимолетных сцен, неожиданных, случайных и одновременно тысячу раз виденных, привычных и милых.

Пластов входит к соседям. На кровати лежит гора ярко-красных подушек, и на фоне сверкающего кумача молодая женщина кормит грудью ребенка. Картина ошеломляет художника своей торжествующей декоративностью и вместе с тем простотой. Набросок. Потом мотив оттесняется тысячью неотложных дел, властной требовательностью начатых больших картин. Проходят месяцы. Но каждый раз, листая папки с рисунками, Пластов натыкается на набросок кормящей матери, и каждый раз вспыхивает в памяти ослепительная картина: полыхающий кумач, нежное материнское лицо. Наконец наступает время продолжать набросок.

— Бабоньки, миленькие, скажите, кто сейчас ребенка грудью кормит?

— Как кто? Таня вот да Прасковья.

Аркадий Александрович собирает краски и направляется к Тане.

— Таня, я пришел к тебе. Помоги мне. Хочу нарисовать, как ты дочку кормишь.

— Пожалуйста, Лександрыч.

Пластов работает.

А жизнь летит.

— Таня, посиди еще раз с дочкой.

— Да ты что, Лександрыч! Она уж большая, вон бегает.

Так зреет картина. Чаще всего она растет медленно, как яблоня, которая яблоки приносит только через несколько лет. Но зато вырастает она тоже, как яблоня,— радостная, залитая солнцем, зеленая от листьев и золотая от спелых, крупных, свежих плодов.

Художник вспоминает

С незапамятных времен деды и прадеды Пластова жили в деревне Прислонихе, в 60 верстах от Симбирска, ныне Ульяновска. Прислониха — русская красавица — весною вся в журчании ручьев, осенью в золотом кольце лесов, подступающих к самой околице. Прислонилась к горам, к покатым холмам, расставила деревянные домики, пасет коров да смотрит на пашни...

Здесь Пластов родился, бегал по лесам мальчишкой. Потом уехал в Симбирск, в бурсу. Вспоминать о бурсе не хочется. На лето приезжал домой, а там — радость за радостью. Однажды пришли богомазы подновлять церковную роспись, сделанную когда-то дедом и отцом Пластова.

— Мы с отцом полезли под купол,— вспоминает художник.— Запах олифы, баночки с красками... Потрясающий, неведомый восторг сжал мое сердце. Тут же я взял с отца слово, что он мне купит вот таких же порошков, я так же натру себе этих красных, синих, огненных красок и буду живописцем и никем больше...

Долго ли, коротко ли, а сбылось: поехал он в Москву учиться на живописца и ни на кого больше.

Началась веселая и трудная студенческая жизнь. Юноше не удалось попасть на живописный — он учился на скульптурном отделении Московского училища живописи. Но все равно художник! Чуть ли не каждый день ходили в Третьяковку, разработали хитрую систему, как проникать в Большой театр пятерым на два билета, потому что все время не было денег. Жадно учились, работали, смотрели...

После революции Пластов вернулся домой, в деревню. Он на время перестал быть художником, стал просто «маломощным середня-

VI ВЫСТАВКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ ЧЛЕНОВ, ПОЧЕТНЫХ ЧЛЕНОВ И ЧЛЕНОВ-КОРРЕСПОНДЕНТОВ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ СССР

А. Пластов. СМЕРТЬ ДЕРЕВА.

На обороте. В ДЕРЕВНЕ.

А. Пластов. ДЕВОЧКА В СИНЕМ ПЛАТКЕ.

ком», секретарем комитета бедноты. Борьба шла острая. Пластова из-за угла ударили топором в висок. Топор скользнул чуть-чуть ниже. Секретарь комбеда выжил, но глубокий, страшный шрам остался на всю жизнь.

Эта жизнь тесно сплелась с борьбой, с нуждой, с чаяниями деревни. В 30-х годах, уезжая в Москву, художник получил от сельсовета справку: «Колхозник А. А. Пластов отпущен на зиму в отхожие промыслы по своей специальности».

В 1935 году в Москве аплодисментами были приняты его картины «Стрижка овец», «Сенокос», «Колхозная конюшня».

Деревня

Каждый год Пластов обязательно высаживает около дома подсолнухи. Они стоят могучие, ослепительные, как небесные светила, шевелят листьями, и вокруг них с гулом летают пчелы. А из окон мастерской виден сад. Без этих подсолнухов, без сада, без лесов и холмов, без Прислонихи Пластов не может представить жизни. Она кажется ему океаном безбрежным, еще во многом не исследованным художниками, хотя здесь как будто ничего не надо искать: трогательные, обворожительные мотивы лежат на поверхности. Рассыпаны перед тобой, как жемчуг. Садись и пиши.

Женщина лежит на груде сверкающего зерна: поработала лето, а осенью вот оно, ее золото... Как зерна, подготовленные к севу, лежат в папках Пластова быстрые наброски: девчонка гонит белых гусей-лебедей по черной осенней земле. Парни на конях ворвались в реку и вспугнули купающихся девчат. Коза, петух и куры греются весной на первом солнцепеке...

Седьмой десяток видят все это глаза Пластова: перед ним всегда родные пейзажи, четвертое поколение жителей Прислонихи в его зарисовках и картинах. Поэтому Пластов не может сказать о себе: «Я люблю деревню». Это так же нелепо, как сказать: «Я люблю свои руки, свое сердце, свою жизнь». На глазах Пластова расцветают и вянут травы, рождаются и стареют люди, организовался и окреп колхоз. На его глазах за 50 лет вырос большой тенистый лес за околицей деревни. А на глазах у леса вырос большой художник — Пластов.

Аркадию Александровичу не надо «изучать жизнь»: он умеет делать все, что делают на картинах его герои, и знает все, что знают они. Это придает картинам невероятную убедительность. И делает смешными в его глазах бесконечные споры о форме.

— Что спорить о том, декоративно обводить контур или описывать его? Пока споришь, время уходит. Глядишь, одну-две картинки и написал бы,— говорит Пластов.

И он пишет. «Бережет каждую минуту», как говорят домашние. Пишет жизнь, которую знает как художник и как крестьянин, много лет косивший, пахавший и сеявший хлеб.

Двери, открытые в мир

Когда вы входите на шестую выставку академиков, открытую сейчас в Москве, вы сразу видите в конце анфилады открытых дверей ярко залитую солнцем, трепещущую свежей, сочной листвой могучую березу. Это картина Пластова «Смерть дерева».

— Я задумал ее давно,— говорит Аркадий Александрович,— лет пятнадцать назад. Все приглядывался, собирал материал. Потом, думаю, надо спешить. А то помрешь — не напишешь. И написал. Видели вы когда-нибудь, как падает дерево? На своем веку я перевалил деревьев немало. Когда валят сильное, многошумное дерево, то самая возвышенность этой трагедии снимает ее горечь. Это надо видеть. Красиво и страшно! Вот бухнуло... загремело, зашумело... а вы остались... И остальные деревья закачались... Словно от страха.

В картине «Смерть дерева» березу валят двое. Молодой парень просто работает — он подрубил, подпилил дерево и теперь валит его, сильный, возбужденный, немножко усталый. А старик опустил пилу и смотрит на дерево. Ему жаль старую березу. Может быть, он видит эту березу маленькой и себя молодым, веселым парнем. Может быть, жизнь березы и своя жизнь молниеносно промчались в его памяти... Береза падает. А кругом сияет солнце, шумит лес, цветы сверкают в зеленой траве...

Картина похожа на дверь, открытую в лес,— так сочно, ярко она написана. У Пластова вошло в привычку ставить в мастерской букет цветов и время от времени оглядываться на него, сравнивая свою живопись с яркостью, гармонией, праздничностью окраски цветущей листвы. Травы, краше которых, по словам Пластова, нет ничего на свете, учат художника колориту. А композицию продиктовало само падающее дерево — картина высока и узка, ее «неустойчивость» как бы подчеркивает трагедию.

— Особенно я люблю писать о детях,— продолжает Пластов.— Нет ничего прекраснее свежего детского лица под солнцем. Нежность красок переходит, можно сказать, в мелодию. Но у детей своя жизнь. Они не только смеются. Они задумываются, печалятся, грустят. И тут надо искать свое выражение, свой цвет. Я написал задумавшуюся, чем-то опечаленную девочку в ярко-синем, как вечернее небо, платке.

Картина «В деревне» кажется насыщенной миром, покоем и тишиной. Композиция этой картины спокойная, устойчивая; такие же свет и цвет. Только в правом углу свалены разноцветные овощи, чтобы по контрасту с ними засверкала белая корова.

— Композиция,— говорит Пластов,— это механизм, где все части согласованы между собой таким образом, что работают дружно по заранее заданной программе...— Впервые такую сцену я зарисовал, когда сыну было года четыре. Теперь столько же внуку,— продолжает Пластов.— И вот наконец я написал большую картину. Это прекрасное ощущение — конец счастливого, мирного дня, то умиротворение духа, которое бывает к вечеру, тот настрой души, который дает вам возможность спокойно уснуть, чтобы завтра с новой силой встать для работы...

ЕСТЬ ЛИ КОНТАКТ?

В своем докладе на Пленуме ЦК КПСС тов. Н. С. Хрущев сказал: «Особого внимания заслуживают вопросы борьбы за качество продукции, против бракоделов, которые наносят вред как всему обществу в целом, так и каждому трудящемуся».

Как работники торговли и промышленности борются за то, чтобы наши люди получали отличные ботинки, ткани, костюмы, мебель, холодильники?.. Эти вопросы интересуют всех.

В ноябре 1960 года (см. № 46 «Огонька») мы проводили своеобразную заочную конференцию «Есть ли контакт?». Речь шла о качестве, ассортименте. В ней принимали участие работники торговли, Московского городского совнархоза и Мосовета. Сегодня мы вновь обратились к участникам этой дискуссии: какие же сдвиги произошли у вас, товарищи, за это время? Приводим мнения участников «заочной конференции».

НОВЫЕ КОНСТРУКЦИИ И... МЕЛОЧИ

В. В. Тихомиров, начальник производственного отдела Управления мебельной промышленности Мосгорсовнархоза

За последнее время ассортимент мебели обновлен на 80 процентов. В прошлом году состоялся 2-й всесоюзный конкурс образцов мебели. Пять премированных наборов включены в план на 1962 год, причем два из них уже пошли в серийное производство. Покупатели могут приобрести новые секционные шкафы, диваны-кровати, кресла для отдыха, кресла-кровати, легкие, современной конструкции стулья, красивый прямоугольный стол, раздвигающийся в длину до 2,2 метра, и многое другое.

А теперь о наших претензиях. Нет, не к покупателям, а к тем, кто не дает нам возможности выпускать красивую мебель и в достаточном количестве.

Первый упрек — Главмосстрою. В 1960 году план строительства мебельных предприятий он выполнил лишь на 78 процентов. Мы ждали, что в 1961 году наверстают упущенное, но дело пошло еще хуже: всего 70 процентов плана. Совет Министров РСФСР и Мосгорисполком обязали Главмосстрой принять самые срочные меры к ускорению строительства мебельных предприятий. Но вот уже скоро конец года, а такие важнейшие для нас объекты, как новые корпуса мебельно-строительного комбината № 1, фабрик №№ 7, 13 и «Лира», все еще далеки от завершения.

Второй упрек — химикам и текстильщикам. Новые конструкции, разумеется, требуют и новых отделочных материалов. Скажем, в этом году нам потребовалось по крайней мере пятьсот тонн поролона, а получили мы пока меньше половины. Что же, неужели опять стружка и мочало? Для новой корпусной и кухонной мебели нужны цветные слоистые пластики и ряд других материалов, но и их мы, к сожалению, не имеем. А ткани! Для современных кресел, стульев, диванов нужны ткани однотонные, крупного плетения, ворсовые, твид, букле. А текстильщики упорно возвращают нас в прошлый век. И все же в этом году мы дадим москвичам мебели на девять миллионов рублей больше, чем в прошлом.

СЛИШКОМ МНОГО «ПОЧЕМУ»

В. Э. Артемьев, директор выставки-продажи мебели в парке «Сокольники»

Девяносто процентов мебели, которой мы торгуем, сделано на предприятиях Мосгорсовнархоза.

4 августа, когда открылась выставка, мы, надо признаться, немного опасались, что мебель советского производства не будет иметь такого успеха, как мебель импортная. И ошиблись. С первого же дня и каждый день на выставку приходят тысячи людей, а в воскресенье публики столько, будто у нас не продажа мебели, а футбольный матч.

Причин, на мой взгляд, три. Спрос на мебель растет — новоселий-то сколько! — и промышленность еще не может удовлетво-

рить этот спрос. Во-вторых, выставка помогла нам показать покупателям вещи в выгодном свете. Они видят их не затиснутыми куда-нибудь в угол темного магазина, а в интерьере. И, наконец, надо отдать должное фабрикам: когда хотят, они умеют делать превосходную мебель.

Когда хотят... А это далеко не всегда бывает. Помните, что говорил на Пленуме ЦК КПСС Никита Сергеевич о неудобной, дорогой, некрасивой и непрочной мебели, которую еще вдобавок выпускают сотнями типов? В самом деле, несколько московских фабрик делают стулья каждая на свой фасон, причем фасонов этих больше десятка, и каждый — далеко не идеал. Другие фабрики выпускают шесть-семь видов обеденных столов, а из них лишь два пользуются спросом покупателей. А сколько аляповатых, старомодных шкафов присылают нам не только из Латвии, Эстонии, Белоруссии, но и с тех же столичных предприятий! Когда-то в дефиците были диван-кровати, теперь их сколько угодно. Но, удивительное дело, два крупнейших московских мебельных комбината, имеющих огромные мощности, делают мягкую мебель куда хуже и безвкусней, чем небольшая фабрика № 12.

На нашей выставке вы увидите комнату, обставленную мебелью одного стиля. Но почти все предметы выпускаются разными фабриками. Покупателю очень редко удается приобрести полную обстановку. Почему же покупатель должен собирать отдельные предметы гарнитура в разных магазинах?

Вот еще несколько «почему».

Почему мебельно-сборочный комбинат № 2 до недавнего времени выпускал старомодные серванты с безвкусной резьбой на стеклах? Видимо, потому, что такой сервант стоит дороже, а значит, фабрике легче выполнить план. Но покупателю-то от этого не легче!

Почему тот же комбинат № 2 выпускает шкафы с дверцами, которые скоро начинают коробиться и перестают запираться?

Почему фабрики №№ 7 и 17 до сих пор делают слишком много устаревших круглых столов и слишком мало столов прямоугольных? Почему?.. К сожалению, этих «почему» наберется еще много, и большинство из них относится к качеству отделки. Тут уж вы, товарищи мебельщики, не сошлетесь ни на химиков, ни на текстильщиков. Все зависит от вас самих.

И все же наша выставка имела успех: очень уж велик спрос на мебель. Мы решили не закрывать ее, теперь она будет работать и зимой. Милости просим, товарищи!

ЗА НАМИ ДЕЛО НЕ СТАНЕТ

В. Г. Трохов,
начальник Управления швейной промышленности Мосгорисполкома

В этом году наши фабрики дадут москвичам три тысячи новых моделей мужского, женского и детского платья. Что? Ту же цифру я называл и в прошлый раз? Что же, так оно и было. Мы действительно дали тогда именно три тысячи моделей, столько же дадим и сейчас. Конечно, какая-то часть моделей прошлого и позапрошлого года перейдет в год нынешний. Но это закономерно: речь идет о тех моделях, которые пользуются неизменным спросом покупателей.

Девяносто процентов новых моделей разработаны нашим «законодателем мод» — Всесоюзным Домом моделей. Вообще должен сказать, что вопросы моделирования сняты с повестки дня, это уже для нас не проблема. Мы можем предложить моделей сколько угодно, на все вкусы.

Чем же мы порадуем женщин? Прежде всего новыми шубками из синтетических тканей, отделанными под натуральный мех. Будут наши женщины ходить в «норках», «колонках», «котиках» и других мехах, рожденных волшебницей химией.

Вот еще одна новинка для женщин — комплект полупальто с юбкой. Мы считаем, что эта новинка вытеснит обычный костюм, который многие считают уже устаревшим.

Мужчины увидят костюмы новых силуэтов, плащи на утепленной подкладке, короткие плащи с кокеткой, бесподкладочные пиджаки и легкие куртки.

Хочу напомнить то, о чем я уже говорил в прошлый раз: мы, швейники, лишены права заказывать текстильной промышленности товар по вкусу. Позвольте процитировать: «До сих пор еще существует система двадцатипятипроцентной нагрузки: хочешь получить 100 метров красивой, доброкачественной ткани, бери еще и 25 метров ткани неходовой». Это было напечатано в «Огоньке» почти два года назад. Хотите знать, что изменилось с тех пор? Двадцатипятипроцентная нагрузка превратилась по отдельным тканям в... тридцатипроцентную, даже больше!

Одним словом, еще и еще раз претензия к текстильщикам: дайте нам красивые и практичные ткани, а уж за нами, швейниками, дело не станет!

Хочу в заключение сообщить об одном важном событии: с нового года местная швейная промышленность передается в ведение Московского совнархоза. Нет сомнения, что это самым благотворным образом скажется на производстве, а самое главное — на качестве продукции...

ДЕЖУРНОЕ БЛЮДО

В. А. Потовин,
заместитель заведующего секцией мужской одежды ЦУМа

Присоединяюсь, как говорится, к предыдущему оратору: у нас тоже претензии к текстильщикам. Ткани, из которых сшиты пальто и костюмы, все те же, что и десять лет назад. Думаю, не ошибусь, если скажу, что то же относится и к женской одежде.

Что касается швейников, то надо признать, что они могут дать неплохие модели. Скажем, с фабрики имени Клары Цеткин получили мы как-то красивые пальто современного фасона из так называемого «студенческого драпа». Покупателям очень понравились эти пальто, и их буквально расхватали.

Но та же фабрика упорно, как и десять лет назад, выпускает пальто модели 6 271 в. к. и модели 1 031 у.к. В.к. и у.к. означают высшее качество и улучшенное качество. Разница? А почти никакой, потому что и те и другие — длинные, тяжелые пальто с жесткими плечами и бортами, широкими, как слоновые уши. Интересно знать, чей это вкус? Во всяком случае, не покупателя.

Всем давно намозолило глаза такое «дежурное блюдо», как плащи стандартно черного, синего и грязно-коричневого цвета. Но они неизменно присутствуют в «меню» белоомутской фабрики.

Обещанные бесподкладочные пиджаки мы действительно однажды получили, но в количестве ничтожном.

А где костюмы-тройки, которые уже давно и безуспешно спрашивают покупатели? Где комбинированные костюмы — я имею в виду пиджак и брюки разных оттенков?

Есть такое выражение: «держать фасон». Оно, как нельзя лучше, относится к одежде. В костюме, например, фасон должна держать бортовка, но она-то как раз его не держит, и фасон быстро деформируется.

Вкусы покупателей растут, мы же почти ничего нового и элегантного предложить им не можем. А в наших магазинах должно быть все самое лучшее, самое красивое и в любом количестве.

* * *

На этом нашу «заочную конференцию» позвольте считать закрытой. Временно, конечно.

Но почему мы ее назвали «Есть ли контакт?»? Дело в том, что еще в прошлый раз работники промышленности утверждали, будто с торговыми организациями у них налажен полный контакт и никаких недоразумений больше не происходит. Работники же торговли, не отрицая контакта, говорили: «Недоразумений еще сколько угодно».

По ходу сегодняшней дискуссии выяснилось, что налицо и то и другое: есть, разумеется, контакт, но и недоразумений, а лучше сказать, недоброкачественной продукции, еще немало.

Выяснилось и другое: покупатели предъявляют претензии к работникам торговли, продавцы упрекают представителей промышленности, а последние, в свою очередь, жалуются на поставщиков: мало новых синтетических материалов, ткани устаревших расцветок и фактуры.

Товарищи химики, текстильщики! Слово за вами. Мы ждем его и надеемся, что это будет слово, которое не разойдется с делом.

Конференцию вел **В. ПРИВАЛЬСКИЙ.**

Фото А. Узляна.

В. В. Тихомиров:
— *Легкие, современной конструкции стулья.*

В. Э. Артемьев:
— Большинство наших «почему» относится к качеству отделки.

В. Г. Трохов:
— Мы можем предложить моделей сколько угодно, на все вкусы.

В. А. Потовин:
— Интересно знать, чей это вкус? Во всяком случае, не покупателя.

ВАРШАВА, 1962

Варшавянки — интересные женщины... Мы, варшавяне мужского пола, втайне гордимся этим. Однако, как ни странно, в Варшаве уже четвертый год происходят выборы не «королевы красоты», а «короля красоты».

Дело в том, что этот «король» — дом! Новый жилой дом, в котором поселились те самые красивые варшавянки и скромные, гордящиеся ими представители мужского пола. Дом, который по условиям конкурса должен отличаться не только красивым архитектурным оформлением, но и удобной планировкой квартир, добротной их отделкой. Словом, дом, который доставит людям подлинную радость.

Инициатива ежегодного выбора и премирования лучшего дома принадлежит газете «Жице Варшавы». В выдвижении домов-кандидатов участвуют весьма серьезные организации. В октябре «Жице» опубликовала список десяти лучших домов, а также новых варшавских поселков и обратилась к читателям с просьбой высказать о них свои замечания. В этом году победителем конкурса стал дом № 99/101 на Черняковской улице.

Варшавяне очень любят свой город и с любовью отстраивают его. Каждый год в сентябре они дружно выходят на стройки столицы. И в нынешнем году варшавяне работали немало. На строительных площадках можно было встретить депутатов сейма и городской рады народовой, домохозяек, людей самых разных профессий, студентов. На Мокотуве главным объектом работ было строительство парка «Морское око». В благоустройстве Гданьской набережной Вислы принимали участие руководящие работники и аппарат Варшавского комитета ПОРП.

Площадь зеленых насаждений в столице скоро достигнет тысячи гектаров; в этом году она увеличится на 25 гектаров.

В Варшаве повсеместно внедряются индустриальные методы строительства, монтаж зданий из готовых узлов, широко применяются пластмассы. В поселке Служевец на юге Варшавы на площади 65 гектаров возник «поселок прототипов». Все дома в этом поселке опытные, строятся разными методами.

Мне приходилось часто слышать вопросы: как обстоит дело с восстановлением Варшавы, долго ли придется еще ее восстанавливать?

Варшава является уже восстановленным городом, притом несравненно более красивым, чем прежде. В августе 1960 года количество жилых помещений в городе уже превысило довоенный уровень. Варшава восстановлена. И как! За очень короткий срок город, варварски разрушенный фашистами, стал еще краше, чем был. Это подвиг. И его могли совершить только свободные труженики.

Из нашего города исчезли трущобы, исчезает само понятие городских окраин, лишенных каких-либо удобств. На их месте возникают новые, благоустроенные поселки. Больше чем наполовину увеличилась водопроводная и канализационная сеть, на одну треть — газовая. В старой Варшаве квартиру с ванной и центральным отоплением мог иметь только богатый человек. В 1939 году лишь 6 процентов квартир имели центральное отопление, а теперь их в десять с лишним раз больше.

Наша общественность уделяет сейчас много внимания вопросам общественного питания. Проводится кампания «гастрономического года» под лозунгом: дешево, вкусно, быстро кормить трудящихся. В этом году в Варшаве запланировано открыть еще десять ресторанов-экспрессов на 1 680 мест, в том числе большой ресторан «Заязд» вблизи главного вокзала и такой же «Бар на Кемпе» в правобережном поселке Саска Кемпа. Рестораны-гиганты появятся в новых домах так называемой «восточной стены» Маршалковской улицы, где строительство сейчас идет полным ходом. Усиленно готовятся кадры для этих предприятий: организованы курсы переподготовки работающего персонала, сотни молодых людей учатся в гастрономическом техникуме. Вопросы общественного питания рассматривались недавно на пленуме районного комитета ПОРП «Варшава-Центр», а в скором времени они будут стоять на повестке дня пленарного заседания Варшавского городского комитета партии.

Не забывают варшавяне и о пище духовной. После освобождения Варшава была, вероятно, единственным городом в мире, где число театров превышало число кино. Это не значит, что театров было тогда очень много, а просто кинотеатры насчитывались единицами. Сейчас в нашем миллионном городе 20 театров и 77 кинотеатров. Заканчивается восстановление прекрасного старинного здания Большого театра. С нового года в восстановленном здании начнутся репетиции.

Советские друзья, навещая Варшаву, часто обращают внимание на здание оригинальной архитектуры, украшенное мозаичными панно, с крышей, напоминающей волнующуюся ниву. Это открытый год назад Дом крестьянина на площади Повстанцев Варшавы. Здесь действует юридическая консультация, агротехнический консультационный пункт Общества инженеров и техников сельского хозяйства, проводятся консультации для кружков театральной самодеятельности, происходят встречи с писателями и актерами, показы мод.

В заключение — информация об одном любопытном начинании варшавян. Комиссия столичной рады народовой, стремясь поднять значение акта гражданского бракосочетания, сделать его более торжественным и праздничным, утвердила состав специального коллектива, которому поручено разработать в деталях соответствующий церемониал. Думается, что это одобрят все возрасты, «покорные любви». Недовольными могут оказаться только духовные отцы, опасающиеся конкуренции.

Так выглядит Аллея Ерозолимске ночью.

Максимилиан **МИНКОВСКИЙ**,
главный редактор журнала
«Виднокренги»

Счастливое событие: начиная с этой минуты инженер Михаил Шатковский и медсестра Ольга Свидан — одна семья.

ЩАСТЯ ВАМ, ДРУЗІ!

А. УЗЛЯН

Фото автора.

Дворцы бывают разные: Дворцы культуры, Дворцы пионеров, Дворцы спорта. А в Дрогобыче есть Дворец счастья. В его небольших залах происходят только счастливые события. Здесь женихи и невесты становятся супругами, новорожденные получают имена, а награжденные — ордена, тут празднуют юбилеи...

Но сперва немного истории. Идея создания Дворца счастья принадлежит общественности города, в первую очередь депутату Верховного Совета УССР Нине Валаге, учительнице Юлии Дякун, пенсионеру Герасиму Разумному. Депутаты городского Совета охотно помогли им. Председатель горсовета Анатолий Стратонов передал Дворцу мебель из своего кабинета. Штат Дворца состоит из... одного человека. Все остальные — а их немало — работают на общественных началах.

Радостные события здесь происходят каждый день. Начинается, скажем, с того, что городская газета «Радянське слово» под рубрикой «Щастя вам, друзі!» помещает объявление о предстоящем торжественном бракосочетании. Это одна из немногих наших газет, печатающих такие приятные объявления.

Дворец открылся накануне первомайских праздников 1961 года. В первый же день состоялось сорок свадеб. С той поры здесь зарегистрировали более тысячи таких счастливых событий.

Однажды во Дворце появился местный священник. Не любопытство привело его сюда, а тревога: за последние полтора года в церкви святой троицы, где он служит, обвенчалась только тридцать одна пара, а в церковной купели крестили в пять раз меньше младенцев, чем обычно.

Теперь самые юные граждане Дрогобыча получают свое имя во Дворце счастья. Происходит это в торжественной обстановке. Во-первых, младенец получает почетных отца и мать, которые будут заботиться о дальнейшей судьбе своего «крестника». Во-вторых, родителей обязательно поздравляет почетный церемониймейстер, он же депутат городского Совета Анатолий Шевченко. В этом человеке много обаяния и добродушия. И внушительные усы. Для такого случая церемониймейстер надевает все свои регалии (он подполковник в отставке) и широкую алую ленту с гербом Советского Союза.

Но на этом церемония не окончена. Родители отправляются в Парк новорожденных и в честь нового члена семьи сажают деревцо. Чудесная традиция! Она преобразила некогда заброшенный пустырь — сейчас там уже растут сотни молодых березок, лип, кленов. И, конечно, многие из новорожденных «небесные тезки»: Юрии и Германы, Андрияны и Павлики.

...Молодой человек получает паспорт. Виновников торжества, их родителей, друзей приглашают во Дворец, и начальник городского отделения милиции подполковник Андрей Усик поздравляет с получением паспорта.

Пройдут годы, и эти юноши и девушки, быть может, придут сюда же отпраздновать свой трудовой юбилей. Один из таких праздников уже был.

...Молодые годы Ивана Михайловича прошли в панской Польше. Приходилось бывать безработным годами. Но вот уже много лет он старший оператор нефтеперерабатывающего завода, кстати сказать, предприятия коммунистического труда. Тридцать пять трудовых лет за плечами у Ивана Михайловича, орден «Знак Почета» и медаль «За трудовое отличие» на груди. И сегодня во Дворце счастья звенят бокалы, друзья поздравляют юбиляра, а секретарь горкома партии В. И. Порайчук вручает ему почетную грамоту.

А вот еще одно торжественное событие. Майор в отставке Алексей Острога совершил подвиг: разминировал потайной склад авиабомб, оставленный гитлеровцами в 1944 году. Правительство наградило смельчака орденом. Во Дворце счастья председатель горсовета А. Стратонов вручает Алексею Остроге Красную Звезду.

Есть в этом Дворце и комната цветов. А подарки можно купить в небольшом магазине, который стал как бы филиалом Дворца счастья.

Щастя вам, друзі!

— Как вашего назвали? Павлик? А мой — Андриян!

— Получив советский паспорт, береги его,— говорит подполковник Усик Юлии Сивохип.

Награда за подвиг.

Это происходит в «шампанской» комнате — тост в честь юбиляра.

Не забудьте купить подарок!

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ

«В правой руке Магдалены была зажата губная помада, и щеки заливал искусственный румянец...»

Найдя в развалинах чью-то сумочку, она выкрасила щеки губной помадой: девушка знала, что если она будет выглядеть бледной и слабой, ее убьют. Поэтому «она хотела выглядеть красивой». Так и называется рассказ М. Бирзе об одном из немецких концлагерей. Хлыст надзирательницы преследовал Магдалену, но стена обрушилась и задавила обеих: и фашистку-палача и белокурую латышку.

А голодный Лапинь из рассказа «Яблоко» тянул руку к брошенному яблоку, и оно было для него прекраснее солнца. Лапиня застрелили у колючей проволоки.

Лапинь любил жизнь, как и Магдалена, как Лаура из рассказа «На обочине войны», доверившаяся во время бегства хозяевам хутора, игравшая вечером на рояле, а утром убитая ими.

О фашистской неволе писано много, и трудно не повториться. Но рассказы Бирзе, как сама жизнь, просты, сжаты и правдивы. Главное внимание отдано внутренней жизни героев. Кажется, написано не торопясь, а все очень кратко и ясно. Пять рассказов — пять маленьких трагедий — напоминание о зловещем фашизме. В то же время это утверждение великого интернационального братства, которое выдержало испытание и за колючей проволокой, и на «селекциях», и под палками и хлыстами, и у края разверстых могил.

Читая рассказ «На обочине войны», я невольно подумал, что у Бирзе не только дар псих[illegible]ога. Прекрасны его картин[illegible] северного края, в котором гибнет Лаура. У народа, превратившего эту мокрую и неблагодарную почву в плодородные нивы, велика любовь к красоте и труду. Ну хорошо, подумалось мне, Харалд — убийца Лауры, кулак и предатель, а где же те люди, чьими руками создано все это? И мне показалось, что Бирзе стоит у «золотой жилы», что он может не только обвинять, но, видимо, быть щедрым, ласковым и нежным.

С волнением я стал читать мирные рассказы Бирзе. Лирические — о детях — как бы помогают перейти к новым темам.

Остро критический рассказ об «ответохотниках», где, между прочим, лесничий говорит о районном прокуроре, для которого не совсем удачно «организовали» охоту: в старину для баронов «зайцев к деревьям привязывали...»

Обо всем сказано иронически мягко, но удар всегда верен, чувствуется сила и талант. Местами напомнит русскому Чехова или Тургенева по построению рассказов, по чувству родной природы. Все, однако, без претензий и подражания.

Вот рассказ «Похороны». О чем он? Умерла одинокая женщина. За ее дом борется старый колхозник, он хочет, чтобы дом достался его сыну — ее крестнику. Старик добивается этого неправдами. Но сын отказывается взять дом. Зачем ему все это? Сын уже другой, совершенно новый человек. В рассказе нет пейзажей с тракторами, но есть новая душа человека. Бирзе и тут решил все по-своему.

Бирзе прошел свою творческую молодость, он созрел как художник. И он словно стоит на перекрестке. Куда бы он ни пошел, читатель будет ждать его книг, желая увидеть жизнь его глазами.

Латышская литература широко переводится на русский язык, но в этой работе собственно литературные успехи переводчиков довольно редки.

Юрий Каппе не превысил общепринятых норм. «Они падали замертво от одного удара ореховой палкой, и была только морока перетаскивать их»,— пишет он. «Эрнис побежал, наподдавая старые... картофелины...», «Иной гриб покрупнее наподдавал ногой...»

Не слишком ли много «мороки» переводчик «наподдавал» в поисках народного языка?

Миервалдис Бирзе. Как родился рассказ. Изд-во «Советский писатель». 1962. 202 стр.

Николай ЗАДОРНОВ

95-й, истребительный

Роман Геннадия Семенихина «Над Москвою небо чистое» воспроизводит суровую, полную опасностей, горестных потерь и блистательных успехов боевую жизнь летчиков 95-го истребительного полка в начале войны. От вылета к вылету мужали их характеры, росло боевое мастерство. Читатель встречается с героями полка, его командиром Демидовым, комиссаром Румянцевым, комэсками Боркуном и Султан-ханом, молодыми летчиками Стрельцовым и Вороновым, мотористом Челноковым и другими авиаторами.

Каждого из них автор наделил своим характером. Но они едины в одном — в страстном стремлении выстоять под ударами врага победить во что бы то ни стало. И в судьбах людей, о которых рассказывает эта интересная книга, раскрываются типичные черты того поколения, которое в сорок первом году приняло на себя первые удары врага. С профессиональной точностью, без излишних «красивостей» в романе описаны многочисленные воздушные бои. Читатель словно сам находится в кабине истребителя, ведет огонь по врагу или же, как это сделал комэск Боркун, таранит неприятельские бомбардировщики, не допуская их к Москве.

«Над Москвою небо чистое» — хорошая книга о летчиках, мужественных, бесстрашных, которые в годы войны не щадили ни крови, ни самой жизни для победы над врагом.

Г. Семенихин. Над Москвою небо чистое. Роман. Воениздат. 1962. 368 стр.

Полковник Н. ДЕНИСОВ

ИЗ ОДЫ ОСАДЬЕФУ

Мне незачем пространно говорить о всех пагубных делах и действиях колониализма и империализма. Я не сомневаюсь, что вы не меньше знаете о всех этих черных делах. Однако мы черпали вдохновение в истории и в нашем славном прошлом, и, подобно Ленину и другим великим лидерам вашей страны, мы восстали против колониализма и империализма в Гане и сокрушили их со всей решительностью.

Из речи д-ра Кваме Нкрума на митинге дружбы между народами Советского Союза и Республики Гана 24 июля 1961 года.

Кваме Нкрума

Джон ОКАЙ,

(Гана)

Доктору Кваме Нкрума, президенту Республики Гана, в честь его награждения международной Ленинской премией «За укрепление мира между народами».

Для тех,
Кто придет после нас,
Да будет записано,
Тем,
Кто ушел до нас,
Да будет передано,
Что в таком-то и таком-то
Месте,
В таком-то и таком-то
Веке
На ноги встал
Некто,
И вышел вперед
Из толпы,
И преклонил колени,
И стал возносить мольбы
Именем человека
Под ударами хлесткими
Ливня,
Под лучами палящего
Солнца;
Стал он коленями голыми
На землю в колючках:
Камню и палке,
Огню и воде,
Росе и пыли,
Саням и спутнику,
Креслу, циновке,
Песку и пеплу,
Бобам и маису,
Резине и коже
Он возносил мольбы.
Молил он о том,
Чтоб для людей
Молоко дарила корова,
А не лаял оскаленный пес;
Чтоб люди слушали
Канареек песню,
А не песню
Заряженных пистолетов;
Чтоб люди встречались
И руки жали,
А не сжимали кулаки;
Чтоб люди видели
Яблонь цветенье,
А не колючки
Концлагерей.

* * *

В Кокуме, Каньянге,
Танвалэ и Такурэ,
В Кологo, Кинтампо,
Тумфукроме и Течимане,
В Кодиди, Кеджеби,
Твелеби и Тенгреле,
В Кайоро, Кадемо,
Твемани и Тантали,
В Килинге, Китунде,
Тонкото и Тукобо
Мы произносим имя твое,
Кваме Нкрума Осадьефу,
Мы называем имя твое,
Кваме Нкрума Кантаманто [1].
Ты — ветер, что отделяет
Мякину от зерна,
Плуг, что взрывает
Плодородную почву,
Маяк, что указывает
Дорогу морским судам,
Деревня, что кров дает
Верным детям нашей земли.

* * *

Этот человек
Многое ненавидит,
Ухо его ненавидит уши,
Которые слышат
Предательский заговор
И его от мира
В тайне хранят.
Глаз его ненавидит глаза,
Которые видят
В злостном молчанье
Шнур, подведенный
К взрывчатой мине.
Рука его ненавидит руки,
Которые на совещаньях
Голосуют за сохраненье
Колониальной системы;
Рука его ненавидит руки,
Которые закон подписали
Об изгнанье
Туземцев Африки Южной
В дальние, в бедные
Районы.
Рот его ненавидит рты,
Которые, улыбаясь, кричат
Команду гнусную
К истребленью
Народа в Алжире, Анголе и
Конго.

* * *

Слава отцу семейства!
Живут под его заботой
Дети и мать,
Ферма
И скот на ферме,
И дом деревенский.
Сердце отца
Всем должно сочувствовать,
Ткани его
Всех должны одеть,
Голова его
Всех должна запомнить,
Руки его
Всех должны обнять,
Ворота дома его
Всякого гостя должны
приветить,
Кувшин прохладный его
Каждого гостя должен напоить.
Обо всем он должен услышать:
О ноющем зубе,
Нелюбимом брате,
Потерянном гребне,
Обиженной сестре,
Оброненном грошике,
Злой собаке,
Мелкой сваре,
Незажившей ране.
Все он должен увидеть:
Трещину в стене,
Стельную корову,
Жмущий башмак,
Сломанную мотыгу,
Течь в крыше,
Спелые орехи,
Изношенную куртку,
Разбитый горшок,
Усталую метлу.
Он должен журить,
Он должен хвалить
И слезы осушать.
Он с каждым рожденьем
родится
И с каждою смертью умрет.

* * *

Три точки нужны
Африканскому очагу,
Чтоб на него поставить котел;
Настанет пора, когда котел
На три точки станет в очаг;
Настанет пора, когда африканец
В Африке сможет свободно,
Не думая о загражденьях
Из проволоки колючей,
Пройти по любому лесу,
Сидеть у любого озера.
Настанет пора, и все страны,
Все народы Африки
Станут единой семьею,
Друг с другом начнут делиться
Богатствами недр своих,
Плодами труда своего.
Единой семьею станут
Африки все народы!
А до той поры
Африки сильные руки
Всюду разить должны
Насильников и угнетателей;
И пока мы их не прогоним,
Мы сражаться должны —
До последней дубинки,
До последнего камня,
До последнего зернышка
В закромах,
До последней капли
В тыквенной фляге.

* * *

Ты бросил камешек в пруд,
И круги широко разошлись.
Окрест разносится грохот:
Рухнул жестокий враг!
Из деревень соседних
Виден дым, столбом
Поднимающийся в небеса.
Это дым от костра,
Который сложили мы
Из тяжелых дубинок,
Чертежей, запятнанных кровью,
Изо всего, что нам принесли
Угнетатели и каратели.
И те, кто душою с нами,
Видят, как дым клубится,
И с нами ликуют.
И ныне тебе
Мы несем приношенья свои,
Бесстрашный и мудрый воитель:
Рыбачий невод,
Учителя мел,
Весло гребца,
Рубанок плотника,
Пастуший посох,
Топор лесоруба.
Пусть эти дары придадут
Силу твоим плечам,
Силу коленям,
Силу локтям.
Трудись на славу, ешь на славу,
Думай на славу, пей на славу!
Пусть эти дары придадут
Силу твоим плечам!

* * *

В Бегоро, Беносо,
Аньинаме и Аллате,
В Бимбилии, Бинабе,
Адоуе и Асмале,
В Бунгуэми, Бофиаси,
Асиакве и Амойе,
В Бомпате, Бантаме,
Ажемре и Аджане
Мы произносим имя твое,
Кваме Нкрума Осадьефу,
Мы называем имя твое,
Кваме Нкрума Кантаманто.
Ты — мотыга, что землю
взрыхляет,
В руках земледельца зажатая,
Весло, что путь пролагает
Челну по дороге водной,
Закат, что зовет на отдых
К дому после работы,
Почва, что принимает
Миллионы зерен посева.

Перевел с английского
В. РОГОВ.

[1] Осадьефу (Победоносный), Кантаманто (Тот, кто держит свое слово) — древние титулы вождей.

ДЕРЖАВНАЯ ШАПКА АФРИКИ

Н. ХОХЛОВ

Фото автора.

Чье сердце останется спокойным при одной лишь мысли, что можно повидать овеянную легендами гору Килиманджаро?! Не на снимках, не в фильме, а своими глазами — поехать к ее подножию и пожить там.

Мы летим на крохотном самолетике в Моши, небольшой городок, пристроившийся у самой горы. Самолет я нанял в Дар-эс-Саламе у частной компании «Кэмплинг бразерс хангер». Летим вдвоем с английским летчиком. На груди его только что приколотый значок с портретом Юрия Гагарина. К стеклу прикреплена фотография Германа Титова. Про нашу летающую стрекозу говорят, что она почтительно отклоняется от намеченного маршрута, завидев встречного воробья. Пусть забавляются шутники. Мы все-таки летим. И на борту, кроме нас, еще два космонавта!

Самолетик, напоминающий подпрыгнувший в воздух мотороллер, преодолевает низкие облачные перевалы и с дрожью, как бы робея, пробирается над прибрежными волнами Индийского океана. Справа — подсвеченная восходящим солнцем песочная муть океана, слева, за береговыми залысинами, простирается лес. Летчик поворачивает влево и держит курс на северо-запад. Летим низко — хорошо видны лесные поляны, деревушки, дороги, лодки на реках. Пальмовые рощи сверху кажутся разбросанными кочнами капусты, взлохмаченными при переброске. Возвышаются сероватые стволы баобабов.

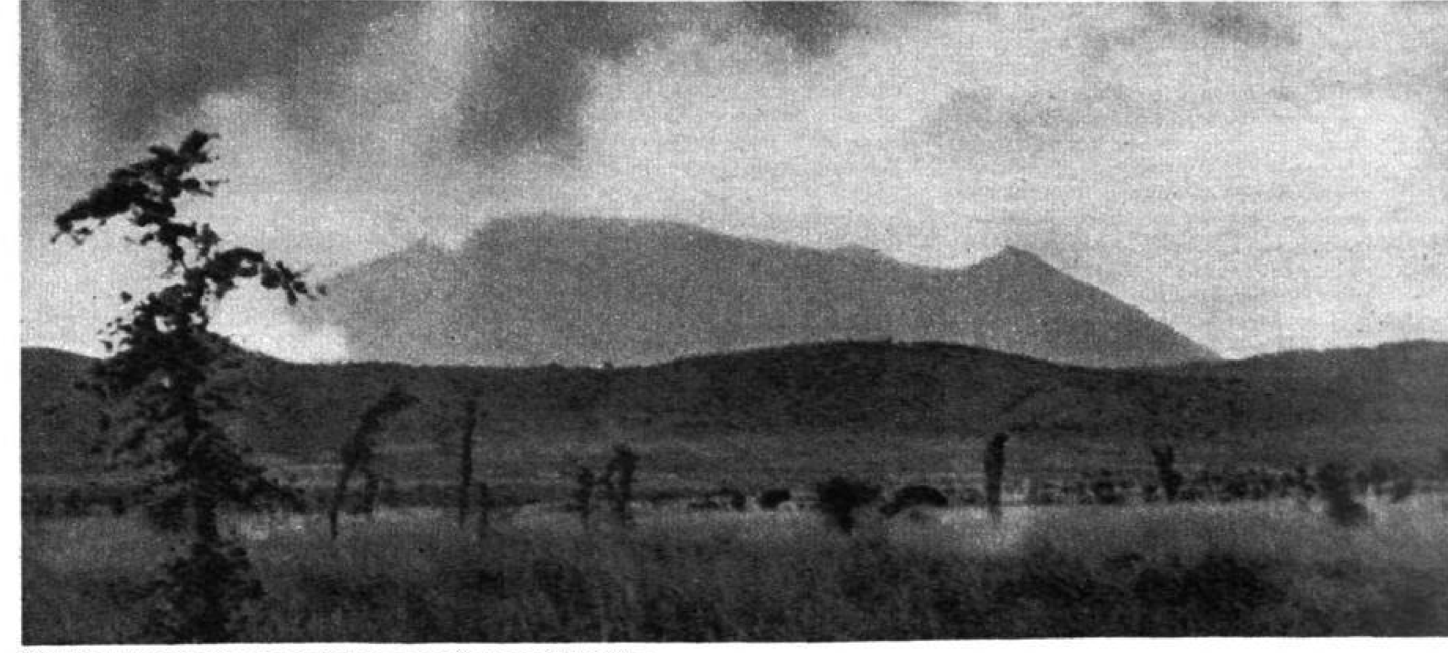
Я вспомнил рассказ Эрнеста Хемингуэя «Снега Килиманджаро». Этому произведению писатель предпослал такой эпиграф: «Килиманджаро — покрытый вечными снегами горный массив высотой в 19 710 футов, как говорят, высшая точка Африки. Племя масаи называет его западный пик «Нгайэ-Нгайя», что значит «Дом бога». Почти у самой вершины западного пика лежит иссохший мерзлый труп леопарда. Что понадобилось леопарду на такой высоте, никто объяснить не может».

Я знал, что иссохший, мерзлый труп леопарда африканцы ассоциируют с колониализмом. За несколько дней до провозглашения независимости тогдашний премьер-министр Джулиус Ньерере пригласил к себе лейтенанта Александра Ниирендa и вручил ему черно-желто-зеленое знамя независимой Танганьики, а также факел. Флаг надо было водрузить на макушке Килиманджаро.

— Танганьика,— сказал он,— юная нация, нация только рождающаяся. Мы должны самоотверженно трудиться, чтобы идти вперед. Поэтому мы хотим, чтобы это восхождение служило символом нашего подъема в гору.

9 декабря 1961 года, в час, когда наступает рассвет, Александр Ниирендa, миновав труп леопарда, достиг высшей точки Килиманджаро, водрузив там трепещущий танганьикский флаг.

...А гора все разрасталась и разрасталась, раздавалась вширь и перед самым Моши, когда самолет пошел на снижение, скрылась в облаках. Килиманджаро редко показывает свой головной убор. Существует предание, будто вершина освобождается от паранджи облаков лишь тогда, когда принесена жертва. Трон богов — одно из местных названий Килиманджаро. А лингвисты происхождение названия объясняют просто: «килима» — гора на языке суахили, а «нджаро» — на языке масаи. Правда, такое толкование не оставляет места для поэтического вымысла, но Килиманджаро, державная шапка Африки, высочайшая точка всего континента, от этого не страдает...

Килиманджаро редко показывает свой головной убор.

Когда мы летели на самолете, была отлично видна вершина горы с пластами вечных льдов, спускающимися вниз, подобно сосулькам на волшебной бороде деда-мороза. А когда я приехал в Моши, поселился в отеле «Ливингстон» и открыл окно, выходящее прямо на Килиманджаро,— я не увидел никакой горы — пред глазами рос лес, убегающий вершинами к горизонту. Лицом к лицу — лица не увидать!

От 6 до 7 часов утра — не каждый день — показывается вершина. Можно себе представить, с какой поразительной силой действовал этот снег, вернее, лед, на воображение древнего жителя Танганьики! Вокруг на сотни и тысячи километров живут люди, которые слыхом не слыхали о каком-то снеге. Они привыкли иметь дело с вечнозелеными растениями — пальмами, баобабами, акациями, мвуле — красным деревом, ного — мягким деревом, камфарным деревом, эбеновым. Все рядом с ними залито желтым океаном солнца. А тут вдруг какой-то великан дотянулся своей мощной рукой до вершины и покрыл льдом часть некогда огнедышащего вулкана-зверя!

В Моши, Аруши — двух городах, расположенных у подножия Килиманджаро, проводят свои отпуска многие бизнесмены из Нью-Йорка, Чикаго, Вашингтона, из Лондона и Манчестера, из Бонна и Гамбурга, из Парижа и Марселя, из Мадрида и Тель-Авива. Вокруг Килиманджаро богатейшие плантации кофе. Выращиванием этой культуры занимается в основном народность чагга, насчитывающая 360 тысяч человек. Исторические источники сообщают, что арабы знают кофе как бодрящий напиток уже более 600 лет. А к подножию Килиманджаро зерна кофе завезены всего 50 лет назад. Поросшие лесом склоны гор были превращены в плантации: лес вырубали, а участки шли под кофе. «Кофейное дело» сулило барыши, и оно разрасталось, пускало корни во вновь открытом плодородном районе. Для сбыта продукции пришлось строить железную дорогу; она идет отсюда до порта Танга, что на Индийском океане.

В Дар-эс-Саламе тогдашний министр торговли и промышленности Танганьики, а ныне представитель страны в Организации Объединенных Наций г-н Н. Свай, родившийся в семье чагга около Килиманджаро, советовал мне непременно побывать в кооперативе. В беседе г-н Свай выразил убеждение, что по пути кооперирования должно пойти все крестьянство страны, что принцип коллективного владения землей должен распространиться не только на плантации кофе, но и сезаля, хлопка, табака и других экспортных культур.

Мы сидим в кабинете главного советника кооперативного объединения Килиманджаро англича-

Патрик Хемингуэй с дочкой.

нина г-на Беннета. Он в юношеские годы приехал в Танганьику и вот уже более 35 лет живет в окрестностях Килиманджаро. Г-н Беннет пользуется авторитетом не только в Моши, где его знает каждый крестьянин, но и во всей стране.

Главный советник познакомил меня с африканцами, ставшими большими знатоками возделывания кофе на экспорт. Вот что они рассказали мне.

Земля под кофейными плантациями принадлежит племени чагга. Целые семьи трудятся на плантациях. Кооператив покупает кофе и продает продукцию непосредственно потребителю. В Моши по инициативе кооператива построена фабрика по обработке кофе. Кооперативного капитала не хватило, чтобы возвести здание фабрики и закупить оборудование, пришлось вести строительство на паях — половина капитала принадлежит английским банкам, которые и сейчас дают кооперативу деньги в кредит под высокий процент — от 8 до 10 годовых!

Ежегодно с плантаций Килиманджаро отправляется не менее 6 тысяч тонн кофе. Крестьянин на приемочном пункте получает, смотря по сезону, от 3 до 5 шиллингов за килограмм кофейных зерен. После некоторой обработки кооператив продает кофе на два шиллинга дороже. Доход идет на выплату зарплаты служащим, на строительство помещений, на обновление оборудования. Кооператив имеет свою школу, отель, бар, ресторан, свою лабораторию, в которой ставятся опыты по улучшению сортности кофе.

Конечно, кооператив Килиманджаро выступает в качестве перекупщика, но куда более покладистого по сравнению с европейскими плантаторами-живодерами. На продаже кофе солидно наживаются английские банки, без которых кооператив пока не может обойтись. Немалую долю дохода перехватывает полуанглийская фабрика. Выручка застревает и в карманах советников, экспертов, «приглашенных» из Европы и получающих зарплату в десять раз большую, чем служащие из местных жителей. Дело пойдет куда лучше, если финансировать кооператив будет национальный танганьикский банк под более низкие проценты. Правительство Танганьики планирует создание именно такого банка.

В Моши я повстречался с верховным вождем племени чагга, его зовут Абдель Шангали. Передо мной сидел высокий, бритый, перевaливший за черту так называемых средних лет человек в очках. Верховный вождь начитан и производит впечатление образованного человека, хорошо осведомленного обо всех событиях современного мира. Знает он по литературе и о Советском Союзе. Абдель Шангали выразил огорчение по поводу того, что у меня не оказалось при себе советских монет. Верховный вождь племени чагга известен как крупный нумизмат.

Во время беседы я не обнаружил у вождя радужного настроения. И все это объясняется происходящими важными переменами в жизни Танганьики. Власть его рода, чья история уходит в глубь веков, за последние годы заметно пошатнулась. Теперь подданные игнорируют, обходят вождя на каждом шагу. Кооператив не платит ему дани. Знатный род оскудевает. Политические события тоже идут мимо него: Абдель Шангали не избран в парламент Танганьики.

Живя в Моши, как-то неудобно не побывать в Аруши — соседнем городишке. 50 миль, разделяющих эти города, надо было проехать еще и потому, что в Аруши дважды бывал неутомимый путешественник Эрнест Хемингуэй. Здесь он охотился, выезжал к кратеру потухшего вулкана Нгоронгоро. И здесь, на окраине Аруши, живет сын Хемингуэя Патрик с женой и маленькой дочкой Эдвиной. Весельчак, заядлый охотник, любитель шумных компаний, Пат встретил меня радушно.

— Из Москвы? — с неподдельным изумлением сказал он.— Это по крайней мере интересно! А какая там сейчас погода? Наверное, снег валит валом. У вас вечно снег...

Я рассказал Пату о том, какими большими тиражами издаются у нас книги Эрнеста Хемингуэя, какой болью в сердце советских читателей отозвалось известие о его безвременной кончине.

— Да, да,— говорит Патрик.— Ужасно... Ужасно! У отца остались неосуществленными интересные творческие планы. Вы знаете, он всю жизнь мечтал написать книжку о России. Он много думал также об Африке, ее судьбах. Признаться, я только сейчас уловил логическую связь между этими двумя замыслами отца — написать о России и об Африке. Нет, это не простое совпадение в планах художника. Современная Африка поднимается во весь рост. Гигант, ох, какой гигант эта Африка!

А когда я снова начал говорить, Пат вдруг прервал меня и сказал единственную фразу по-русски:

— Говорите, пожалуйста, медленнее.

Сказал и рассмеялся: ведь наш разговор шел на английском языке, и Патрик произнес эти русские слова, чтобы доставить мне удовольствие!

Он очень хочет побывать в Москве. На прощание Пат подарил мне фотокарточку: он присел около убитого леопарда и поглаживает его изящную шкуру, усыпанную симметричными рядками глазастых черных угольков на беловато-желтом фоне...

В тот же вечер в кинотеатре «Эверест» в Моши я смотрел документальный фильм западногерманских натуралистов об их пребывании на плато Серенгетти, в национальном парке того же названия, в деревнях, населенных племенами масаи. Фильм производит огромное впечатление. В нем нет актеров, в нем запечатлены картины девственной природы, сцены охоты, быт, нравы местных жителей. Фильм этот дался кровью в буквальном смысле слова: его удачи куплены ценой жизни одного смельчака, молодого немца. Чтобы поймать нескольких зебр, этот немец открыл верхнее окно в самолете, высунулся по пояс и, когда крохотный самолетик поравнялся со стадом диких животных, бросил аркан на шею зебры. Отличный бросок! Перепуганное животное с яростью бросилось удирать, но с самолетом зебре соперничать немыслимо. Вскоре она растянулась на земле. Самолет сел. Зебра была поймана. Какой-нибудь зоопарк Европы или цирк пополнится ценной представительницей африканской фауны. Охотник вошел в азарт: самолет берет разбег, снова догоняет стадо зебр и парит над ним. Снова раздвинулось верхнее окно. Бросок. И снова петля попала на шею животного, но более мощного. Зебра делает энергичный скачок вперед и вырывает человека из окна самолета...

Удивляет мастерство съемок и хладнокровие оператора: ведь он видел, как охотник разбился насмерть.

Возвращаясь из Аруши в Моши, я заезжал в деревни чагга и масаи. По уровню развития, по общей культуре быта чагга далеко ушли вперед от масаи. У них большое тяготение к учебе, к знаниям. Они дружелюбны и общительны, в беседах проявляют неподдельную искренность, а если они почувствуют к вам дружеское расположение, то поведают вам все свои тайны, касающиеся семейной жизни, взаимоотношений с соседями и т. д. Их домики, сооруженные из глины и травы, отличаются чистотой и убранством в хорошем вкусе. Чагга быстро отказываются от далеко не лучших традиций племени: на их телах и лицах нет рубцов, знаков, искусственных наростов.

А до масаи еще не дотянул ветерок цивилизации. В некоторых отдаленных деревушках они добывают огонь первобытным способом, крутя сухую палку в углублении камня. К пище они крайне нетребовательны и, кажется, не так уж строго следят, сварено мясо или нет, созрел плод или ему следовало бы еще повисеть на ветках. Масаи очень любят животных, держат много коров и коз. Чего только они не делают из кож! Плетеные бусы, разновидность кожаных бахил, шапки, сумочки, кошелки, накидки, напоминающие плащи. Женщина из племени масаи, шествующая в праздничный день по деревенской улице, достойна внимания живописца. Дитя своей народности, она чуть ли не со дня рождения начала получать живые метки масаи. Именно метки и именно живые: ведь резьба, сделанная на нежной детской кожице, остается на всю жизнь! Эти рубчики, идущие то в два, то в три ряда, то короткие, то длинные, крестики и точечки около самых ямочек смуглых щек — своеобразные иероглифы. Человек, посвященный в тайны племени, без труда может по ним узнать, происходит ли женщина из знатного рода или же мимо него прошла дочь пастуха. А пожилой африканец точно скажет, кто вот этой красавице делал на щеке и груди знаки племени — среди таких мастеров бывают настоящие виртуозы, и их знает вся округа.

У масаи врожденная страсть к различным украшениям. В каждое ушко женщины ухитряются продеть по две-три серьги диаметром в 15—20 сантиметров! Массивное серебряное кольцо продето в носу. На шее — целый набор разноцветных и разнокалиберных ожерелий. Кольцам и браслетам на пальцах рук, на запястьях, а также выше локтя нет счета! Металлические завитушки, блестящие на солнце, охватили ее стройные ноги. Поверх всех кованых, отлитых и плетеных украшений на груди на цепочке висит коготь леопарда — подарок мужа, славнейшего охотника, храбреца из храбрецов. А она, его жена, с гордостью носит эту реликвию, то и дело напоминая встречным и поперечным о том, какой у нее боевой друг в жизни.

Здесь, в одной из деревушек масаи, я вспомнил любопытный случай, происшедший в столице Кении — Найроби. Там в центре города есть магазин сувениров. Среди них и отделанные когти львов и леопардов. Их охотно раскупают приезжие из Европы и Америки. Однажды к покупателю, богатому джентльмену, подошел африканец и отобрал у него леопардовый коготь с указательный палец величиной. Тот смутился, не понимая, в чем дело. Африканец не говорил по-английски, но тут же нашелся переводчик, который все объяснил.

— Его жена не имеет права носить на своей груди коготь леопарда,— говорил африканец, показывая на покупателя.— Глядя на нее, все подумают, что этот господин в Африке сам убил опасного хищника. А он не убивал леопарда. Это нечестно!

Ну, а женщинам из племени масаи нечего беспокоиться: они носят когти леопардов, убитых их мужьями, носят те самые когти, которые могли оставить на теле охотника смертельный след...

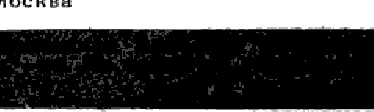
Интересно посмотреть, как кормят детей в масайской деревушке. Хозяин пригоняет с поля двух-трех коров. Он намерен сейчас покормить детей, особенно вот этого малыша, которого точит какая-то болезнь. К месту действия сходятся соседи — одни лицезреть, другие помогать. К животному подступают четыре человека: один держит за рога, а трое, изготовившись, присели около. Тот, который присел на корточках с луком, нащупывает на коровьей шее артерию и, натянув тетиву, пускает стрелу. В тот же миг третий подставляет к открытой ране огромный выделанный рог. Рог наполнен. Теперь надо остановить кровь, что и делает четвертый участник этой церемонии, оставшейся в наследство племени с незапамятных времен. Он своего рода маг, так как самолично изготовил снадобье, незамедлительно останавливающее кровь.

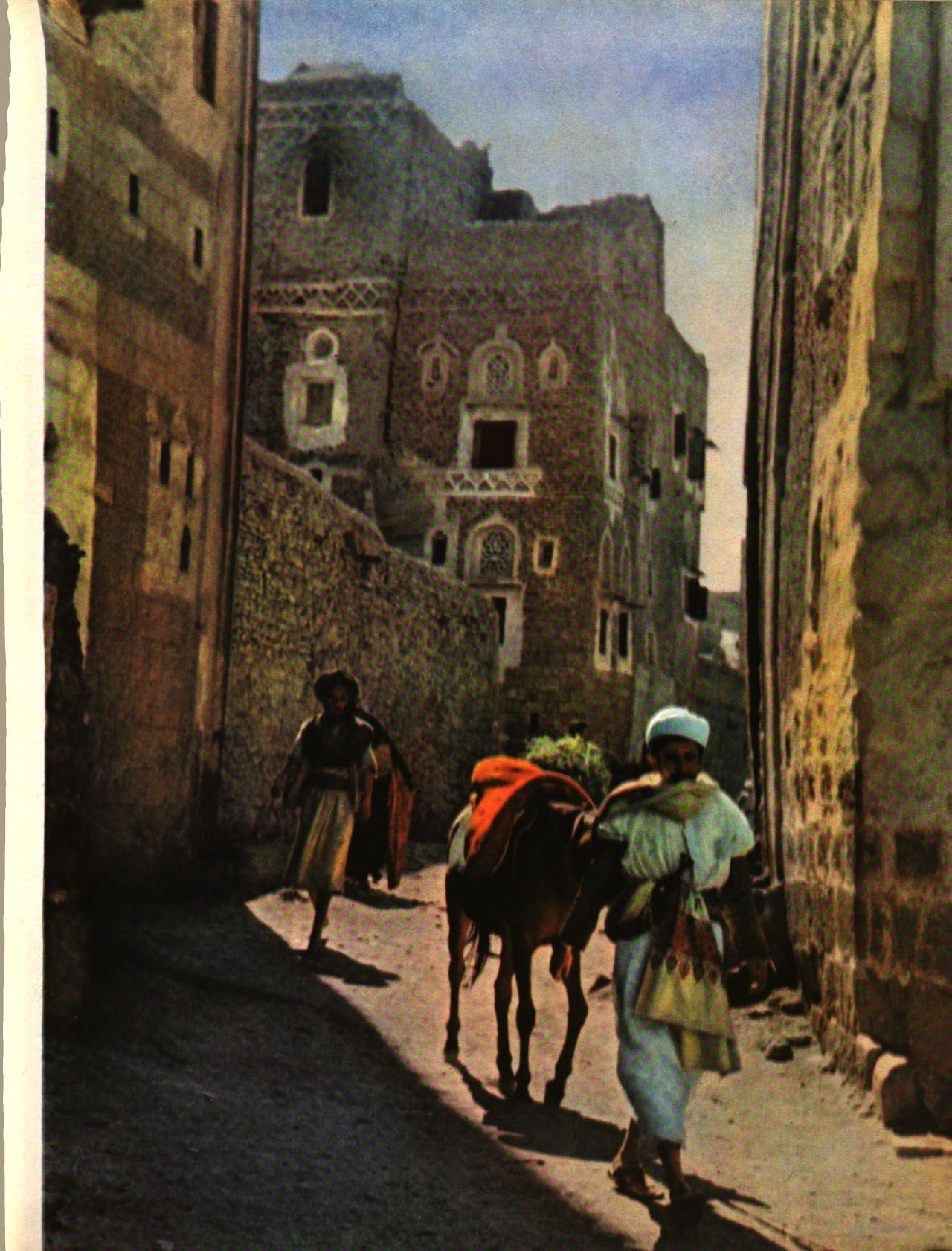
После этого начинается кормление детей. Кровь смешивают с молоком, полученным от той же коровы. Рог вручают малышу, и тот наслаждается напитком, который, согласно поверьям, ведет ребенка по дороге настоящего мужчины...

Над городком толпятся облака, опять прикрывшие сахарный купол Килиманджаро с его троицей — пиками Кибо, Мавензи и Шира. Там, в вышине, рождаются чистые струи бодрящего горного воздуха. Там вот уже год развевается национальный флаг Танганьики. Только год. А сколько знаменательных перемен! Напрасно изощряются английские газеты, говоря о том, что Танганьика занята «лихорадочными поисками национального лица». Оно уже обретено, это национальное лицо!

Вершина Килиманджаро с накинутой на нее сезалевой косынкой снега сияет и улыбается Республике Танганьике.

Дар-эс-Салам — Килиманджаро — Москва

Укрыт горами город Таиз.

Яркими тканями славятся мастера из Ходейды.

Йемен пробуждается

В. КУДРЯВЦЕВ

Я смотрю на цветные фото, опубликованные рядом, узнаю общий вид бывшей имамской столицы Таиз и одну из улочек республиканской столицы Сана.

Большинство улиц в Таизе немощеные, кварталы бедноты поражают примитивностью своих построек, материю красят здесь так же, как на снимке,— как много десятков лет назад. Феодализм, господствовавший здесь до последних недель, сковывал жизнь, заставлял ее вращаться медленно, как колесо допотопного колодца, вращаемое верблюдом.

Между тем страна действительно красива, особенно ее основная горная часть — Джебель. Прекрасны вершины, ущелья и долины. Их нельзя назвать суровыми. Нет, они ласкают взор своими причудливыми формами, в которых есть мягкость, красочность, перспектива. Джебель не может пожаловаться на отсутствие влаги: его вершины задерживают облака, идущие с Индийского океана, обильные дожди обеспечивают плодородие. Титанический труд крестьянина, в корзинках и мешках перенесшего землю из долин на террасные поля в горах, дает в содружестве с природой два-три урожая пшеницы, дурры и кукурузы в год. Хороши урожаи фасоли, бобов, овощей. Богат Джебель цитрусами, бананами, виноградом. Здесь растет знаменитый йеменский кофе «мокко», хотя в окрестностях порта Моха, давшего это название, нет ни одного кофейного дерева.

Но земля принадлежала феодалам, крестьянин трудился на ней как батрак или издольщик, получая только треть урожая. Остальное шло к богатеям, которые вкупе с ростовщиками и скупщиками душили крестьян. Бедна была жизнь крестьян, составляющих основную часть населения страны. Их дома, сложенные из камня, внутри были «обставлены» только циновками да домоткаными коврами. Даже стекла не было в окнах. Вместо него вставлялась тонкая пластинка алебастра, пропускающая тусклый свет, такой же тусклый, как сама жизнь крестьянина.

Подавляющая часть населения была неграмотной, имам запрещал кино и книги, в быту царили феодальные порядки, публично совершались казни, девятилетних девочек нередко выдавали замуж.

Не легче жилось народу и в городах. Немощеные, пыльные улицы, никакой канализации. Многие йеменцы не имели постоянной работы. Случайный заработок, что-то из отбросов со стола богатых, реже милостыня — так и перебивались тысячи людей. В гостевом доме Дар-эд-Диаффе стоимость суточной пищи равна двум риалам, а бедняк ограничивался тратой полбукши (в риале 40 букшей).

Я не сгущаю краски. Побывав во многих арабских странах, я могу сказать, что Йемен стоял, без преувеличения, на одном из самых последних мест.

Но пришел конец долготерпению йеменского народа. Имамский режим, казавшийся прочным, насквозь прогнил. Понадобилось несколько выстрелов из самоходного орудия по дворцу— и режим пал, а имам трусливо бежал под защиту Саудовской Аравии и ее иностранных покровителей.

Народ встретил республику с большой надеждой. Племена одно за другим объявляли о своей верности правительству республики, поставляя тысячи ее защитников. Здесь для этого не нужна мобилизация, поскольку все вооружены и в любой момент готовы к защите. Никогда политическая жизнь не била ключом так, как сейчас: необычные для Йемена митинги и демонстрации проходят повсюду. Воля народа к свободе и прогрессу как бы прорвала феодальную плотину и бурным потоком вылилась наружу.

Часовой здоровается с вами за руку. Нарушение дисциплины? Нет, это просто человеческая гордость, самоуважение, впервые проявившиеся открыто.

Направляюсь в машине из Таиза в Ходейду. По дороге подсадили случайных спутников. Они завели по-восточному шумный спор о мероприятиях нового правительства. Что это, недовольство? Нет, люди впервые могут вслух обсуждать государственные дела, не опасаясь, что их закуют в колобуши—кандалы или отсекут где-нибудь на площади голову.

Новое ворвалось в Йемен со стихийной силой. Разрабатываются меры по улучшению жизни крестьянства, созданию промышленности, упорядочению финансов, развертыванию торговли. Нужно найти новые взаимоотношения между правительством и племенами, поскольку раньше они строились на принуждении.

Йемен не одинок, делая первые шаги к прогрессу. На его стороне арабские государства, скинувшие гнет империалистов, новые независимые государства Африки и Азии. Хорошо знают в Йемене о помощи друга — Советского Союза.

Без порта Ходейда, построенного с помощью Советского Союза, Йемен был бы значительно ослаблен перед лицом своих внутренних и внешних врагов. Ему пришлось бы полагаться на Аден, где сидят английские империалисты. Их «симпатии» к йеменскому народу увековечены в развалинах городов, разбомбленных английскими войсками в 1956 году. Через Ходейду вливаются в новый Йемен те животворные соки, которые позволяют ему бороться за закрепление исторической победы над имамским режимом, одержанной в дни переворота в октябре.

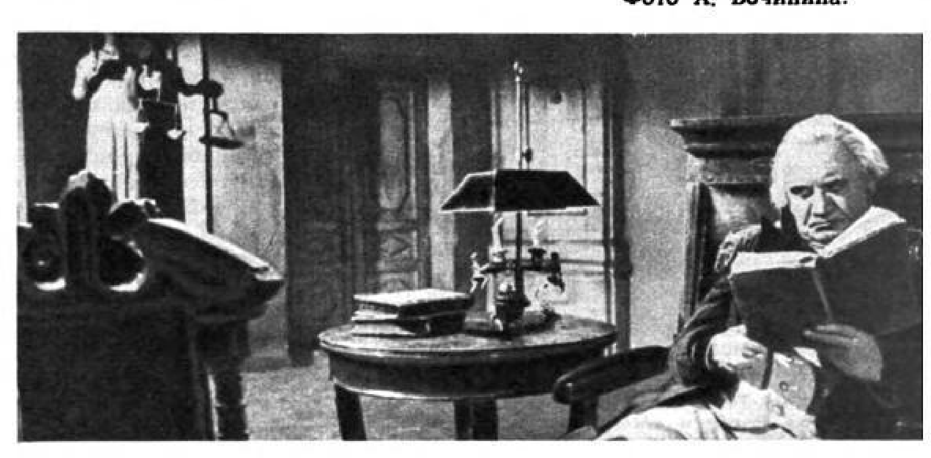

НЕ УСПЕЛИ ЗАКОНЧИТЬСЯ КОНЦЕРТЫ легкой эстрадной музыки и песни, сопровождавшие работу IV пленума Союза композиторов РСФСР, как со сцен столичных концертных залов зазвучала музыка участников Всесоюзного смотра творчества молодых.

Тема мира и любви — в симфонии Константина Орбеляна, оратории «Поступь мира» Арво Пярта, в фортепьянном концерте Сулхана Насидзе, народных украинских песнях Леонида Грабовского...

На снимке: композиторы Т. Хренников, А. Хачатурян, К. Орбелян, Э. Мирзоян.

Фото А. Бочинина.

«ВОЙНА И МИР» — написано на металлических коробках, куда бережно уложены первые сотни метров отснятой пленки. Скоро в Закарпатье, под Мукачевом, будут сниматься сцены Аустерлицкого и Шенграбенского сражений. В роли Кутузова — народный артист РСФСР Борис Евгеньевич Захава.

ВИТТОРИО ДЕ СИКА И СОФИ ЛОРЕН, которых мы видим на фото, работают сейчас над фильмом «Пленники из Алтоны» по пьесе Жана-Поля Сартра. Музыка для этого фильма написана Дмитрием Шостаковичем. Действие происходит в Гамбурге и в бывшем концентрационном лагере Белзен-Берген, на территории Западной Германии, куда де Сика выезжал, несмотря на все чинимые ему препятствия. Западногерманская пресса уже заранее призывает бойкотировать антифашистский фильм, когда он выйдет на экраны.

АКТРИСА ОДРИ ХЭПБЕРН, запомнившаяся всем по американскому фильму «Война и мир», снимается в новом фильме «Моя прекрасная леди». Фильм сделан по мотивам пьесы «Пигмалион» Бернарда Шоу.

Л. ВИРИНА

ВЗГЛЯД В Л

В Киеве театральные афиши осенью расцвели по-весеннему. Чего только на них нет! Гастроли... Премьера... Концерт-отчет... Остановимся. Поразмыслим. И скупой текст анонсов зачастую скажет о многом.

Два года назад, на открытии Декады украинской литературы и искусства, народные артисты СССР Микола Ворвулев и Белла Руденко завоевали широкое признание столичного зрителя, выступая в опере Г. Майбороды «Арсенал». И все же как было не волноваться перед встречей с москвичами!

Репетиции, поиски, снова пробы... Так живет в эти дни Белла Андреевна Руденко, пожалуй, самая молодая в стране народная артистка СССР. Недавно ей восторженно аплодировала Норвегия, а до этого Венгрия, Румыния, Англия... Из Франции Белла Руденко несколько лет назад привезла диплом первой степени. А недавно с очередного певческого «поединка» возвратились победительницами из Тулузы молодые солисты театра Галина Туфтина и Зоя Христич. Украинское вокальное искусство уверенно набирает мировой размах. Но ошибкой было бы при этом лишь отдать дань успеху группы одаренных мастеров. Творчески крепнет весь многообразный, сложный коллектив. Не случайно всем ансамблем, а не отдельными партнерами восторгались солисты театров «Гранд опера» Густав Ботье и «Метрополитен опера» Джером Хайнс, приезжавшие в Киев. Для них слаженность и высокая культура всех исполнителей оказалась дивом.

Однако сделаем непременную скидку на вежливость гостей. Подойдем к Театру оперы и балета имени Т. Г. Шевченко нелицеприятно, как и положено хозяевам. И тогда заметим, что нет-нет да и заполнит сцену старомодная помпезность, все еще выдаваемая за оперный «язык». Она-то и тянет за собой условно величавых героев, оцепеневшие позы хора, золоченую мишуру оформления...

Прекрасный оркестр, богатые голоса, стремление большинства исполнителей к глубокой человеческой правде, четкой мысли, национальному своеобразию — всем этим радуют этапные спектакли театра, тот же «Арсенал», «Судьба человека», «Мазепа», «Тарас Бульба». Но рядом с ними как же огорчителен «Алеко»! Вместо гимна вольнолюбию — цыганская экзотика, вместо утверждения истинной, гордой страсти — слащавый мелодраматизм.

Масштабность сегодняшнего искусства не в показном великолепии, громе литавр, котурнах, декламации. Пафос современности — в величии и силе характеров. Кажется, это хорошо понимают в театре. А просчеты?.. Что ж, они неизбежны для коллектива движущегося, стремящегося вперед. Именно стремление вперед и определяет, на наш взгляд, творческое лицо оперного театра.

Ну, а каковы лица других киевских театров?

Названия, перечисленные на их афишах, лишь приблизительно скажут о направлении сценических коллективов. Ведь в том кроется великое чародейство сцены, что в ее свете преображаются, порой становясь сюрпризом даже для драматурга, давно известный текст, хорошо знакомые роли...

Не станем сокрушаться из-за появления в репертуаре Академического украинского театра драмы имени Ивана Франко «Игры без правил» Л. Шейнина.

Конечно, философская устремленность в сочетании с мудрой народной простотой, издавна определяющие почерк франковцев, на первый взгляд мало чем могут объяснить работу над пьесой-детективом. И все же, разве лучшие образы и наиболее острые конфликты пьесы не открыли перед театром возможностей для горячего разговора о подлинной революционной бдительности, основанной на вере в человека? Разве не подняты до публицистического обобщения гневные мотивы пьесы: нет преступления без наказания, жизнь рано или поздно заклеймит предателя!.. Свидетельство таких удач — игра Н. Ужвий в роли Вельмут и В. Добровольского, создавшего образ полковника Малинина. Артисты успевают сказать залу многое: людям открывается и величие истины, победившей в душе Малинина, и горечь прозрения Вельмут.

Здесь — настоящее богатство раздумья. Поэтому роли полны творческих находок. Их запоминаешь. Зато все остальное бесцветно. И хотя исполнители стараются развлечь зрителя, в зале — удивительная вещь! — все явственнее воцаряется скука. Впрочем, так ли уж это удивительно? Нагромождая внешние эффекты, режиссер вытеснил со сцены логику жизни, здравый смысл, и среди пестрых фигур — то зловещих, то клоунских — потерялся замысел спектакля. Думаешь: а существовал ли он вообще?.. Что собирался открыть зрителю театр свое, заветное?.. И ответа не находишь. Внутренняя цель отсутствует в спектакле, ибо отсутствует единство между творческими принципами франковцев и режиссера И. Гриншпуна, приглашенного в Киев для постановки пьесы Л. Шейнина из Одессы.

Мы не против режиссеров-«пришельцев». Свежий взгляд, смелая мысль способны разбудить фантазию коллектива, умножить его искания. Однако при условии, что режиссер и театр — единомышленники! Это подтверждает опыт самих же франковцев.

Вот еще один новый их спектакль — «День рождения Терезы» Г. Мдивани. Еще один постановщик «со стороны» — Д. Алексидзе. Внешне стиль постановки вовсе необычен для бытовой и вместе с тем подчеркнуто психологической манеры театра. Броские, явно условные мизансцены, яркие, словно сконцентрированные выражения чувств героев, стремительность и лаконизм во всем. Но по художническому мировоззрению и масштабам мысли, по верности реализму видишь полное родство театра и постановщика. Не потому ли героическая тема так свободно и значительно прозвучала в спектакле! Радостно и свободно раскрылось в нем новыми гранями яркое дарование народной артистки СССР П. Куманченко в роли Терезы, и так уверенно, звонко сказала о себе талантливая молодежь!

Режиссер отбросил мелочи во имя главного — утверждения народного подвига, отказался от мелодраматических соблазнов ради суровой и прекрасной правды жизни. И он вознагражден. В его спектакле не оказалось фальши, случайных или лишних деталей. Работа Д. Алексидзе близка лучшим франковским спектаклям — «Макару Дубраве», «Гибели эскадры», «Думе о Британке». Как и в них, сплелись здесь гнев и юмор, героика и комедийность, размышление и страсть.

И все же в опыте создания «Дня рождения Терезы» есть некая горечь.

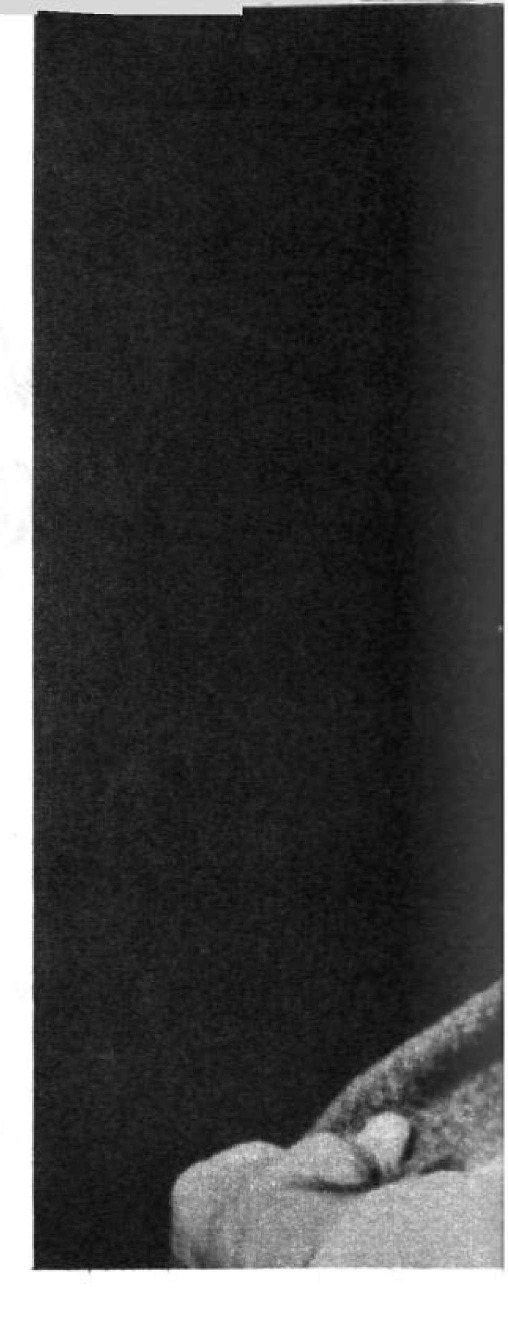
Принято считать, что спектакль совершенствуется со дня премьеры. На этот раз происходит обратное. Время разрушает постановку. Теряется благородная простота и сдержанность, разрывается ритм, слабеет тот невидимый, но во всем ощущаемый прежде внутренний стержень, так прочно объединявший исполнителей, композитора, художника. Причина прозаична, но ясна. Режиссер уехал к себе домой, в Тбилиси. В театре исчезла твердая рука, направлявшая и весь спектакль в целом и каждого из его участников.

«День рождения Терезы» так же, как — по-своему — «Игра без правил», настоятельно подсказывает, что франковцам с их актерскими силами нужен не случайный, а постоянный творческий руководитель. И непременно родной, близкий устремлениям и заветным традициям театра.

Близкий — не обязательно «свой». Режиссер В. Оглоблин, поставивший на франковской сцене еще одну премьеру — пьесу украинского писателя Н. Руденко «На дне морском»,— давно трудится в коллективе театра. Тем не менее и в предыдущих его спектаклях и в последнем столько чужеродного, далекого от принципов украинского МХАТа, как назвал франковцев Москвин, когда приезжал к нам в Киев. Забвение личного во имя общего, главного дела — вот о чем написана пьеса Н. Руденко. Произведение — во многом драматургически незрелое — привлекает безусловной значимостью и остротой конфликта, страстью, честностью.

К сожалению, значимость эта как-то ослабла, потерялась на сцене. Искусственно преувеличенное столкновение матери с сыном, ослепленным горем и обидой, движет событиями. Отсюда ощущение их неоправданности.

Опытному постановщику В. Оглоблину помочь бы автору-дебютанту. А режиссер усугубил мелодраматизм пьесы. Зловещая

Сцена из спектакля «Центр нападения умрет на заре».

«На дне морском» Н. Руденко. Мать — Н. Ужвий, сын — П. Морозенко. Фото Б. Львова.

ИЦО

атмосфера кладбища, натуралистично решенные сцены пыток в гестапо, истерика, которой подвержены и палачи и жертвы... Все это приходит в противоречие с мужественной, суровой темой пьесы и оказывается не к лицу театру, славящемуся своей приверженностью к высокой художественной правде и благородной простоте.

Правда, есть и в новом спектакле роли, ставшие взлетами, образы-откровения. Вновь покоряет игра Н. Ужвий (Оксана Луговая). Непосредствен и чист Микола в исполнении молодого артиста П. Морозенко. Но эти актерские удачи достигнуты вопреки общему замыслу спектакля.

«Лицо» театра... Пусть же не поймут нас, будто в угоду ему мы требуем стандарта.

Напротив, разнообразие спектаклей лишь выгодно оттеняет единство традиций, постоянство идеалов.

Что общего, казалось бы, между новыми постановками Русского драматического театра имени Леси Украинки — спектаклями «Лес» Островского и «Центр нападения умрет на заре» Куссани? Образец русской классики — и новинка современной аргентинской драматургии. Один спектакль подчеркнуто реалистический. Другой — сценический гротеск, где торжествует откровенная условность. Казалось бы, контраст? Если сравнивать форму, да. Но стоит задуматься над сутью, и в несхожих спектаклях откроется общность. Она — в подходе к драматургическому материалу. В драгоценной способности тактично и четко, без насилия над пьесой воплотить на сцене идеи, созвучные современности. В стремлении театра посвятить свое творчество большим целям.

Сколько сценических рождений знает «Лес»! Какие великаны отечественного актерского искусства связаны с прославленной пьесой! И вот открылась еще одна новая — киевская — страничка ее биографии. Новое прочтение «Леса» смело предложил народный артист СССР Михаил Романов. Бытовая драма сознательно отодвинута им на второй план. Основа спектакля — гимн таланту человека, красоте человека, его свободной мечте и гордому духу.

Возможно, Несчастливцев — М. Романов ближе к Горькому, чем к Островскому. Этакий могучий, несгибаемый бунтарь, он влюблен в жизнь и людей, весь открыт им навстречу... Никто не будет утверждать, что кисти Островского не свойственны мазки такие широкие и сочные, краски такие яркие и светлые. И все-таки точка зрения на пьесу у М. Романова — режиссера и артиста,— конечно, необычная, спорная. Даже самое понятие «лес» словно пересмотрено им в спектакле: образы солнечные, могучие, жизнетворные преобладают на сцене. Этим постановка М. Романова пьесы «Лес» заставляет вспомнить о «Власти тьмы», поставленной в Москве Б. Равенских. Какие-то «каноны» в трактовке классики нарушены. Но разве это эксперимент сам по себе?

Старое прочтено взглядом современника, выхватывающего из картин прошлого то, что всего нужнее сегодняшнему дню...

Живая оригинальность сценического решения свойственна и спектаклю «Центр нападения умрет на заре». Режиссер Н. Соколов избегает психологизации — образы героев откровенно плакатны. Лаконизм оформления еще больше подчеркивает условность постановки. Но вместе с тем в спектакле рассказана большая правда о капиталистических джунглях. Продажная суть общества, где человек — лишь объект купли-продажи, разоблачена метко и гневно. Ярко утверждены на сцене народный ум, доброта, справедливость...

Стремление переосмыслить драматургический материал, выйти за внешние сюжетные рамки, согреть пьесу дыханием нынешнего времени — вот то общее, что объединяет столь несхожих режиссеров, как М. Романов и Н. Соколов. Никакого дублирования мыслей и решений, однако тот же принцип подхода к пьесе, та же зоркость прочтения...

Для киевлян Театр имени Леси Украинки — испытанный, желанный собеседник. Аншлаги тут привычны. Они и на премьерах и на тех спектаклях, чья жизнь измеряется десятилетиями. И все ж обманчивой будет успокоительная мысль о полном благополучии в театре. Давно здесь не появлялись на сцене пьесы, открытые коллективом, созданные в содружестве с авторами. Радостно, что в Москве с успехом идут драматические произведения киевлян. Но как не досадовать, что в Киеве порой их «проглядывают»! Поневоле возникает тревога: не кроется ли за подобной «близорукостью» просто нежелание рисковать, расчет на «беспроигрышную» пьесу? Для творческого коллектива, чей удел всегда искать, дерзать, такой расчет неминуемо оказывается проигрышем.

Хорошо знают об этом в Театре музыкальной комедии. Ведь именно резкий поворот к оригинальному репертуару, отказ от проторенных троп определили здесь заметный в последнее время творческий подъем. После гастролей в Москве театр начал свой двадцать девятый сезон. И как же тесно на его афишах — Милютин и Рябов, Листов и Соловьев-Седой, Легар и Оффенбах... А в ближайших планах есть и еще новые названия, а в списках исполнителей рядом с заслуженными, известными мастерами значатся многочисленные дебютанты.

Так было, так не б

Все, что написано в этой повести,— чистая правда, ничем не приукрашенная: ни побочными рассуждениями автора, ни обобщениями, ни восклицаниями, ни ахами, ни вздохами. Взят кусок жизни, неотесанный, простой, грубый, и положен на стол: разглядывайте, размышляйте. Так было!

Так было, но так больше никогда не будет. Это — прошлое, совсем недавнее прошлое, но оно навсегда кануло в вечность. Имени Сталина вы не встретите на всем протяжении повести, только в одном месте, в описании лагерного вечера после рабочего дня, мелькнула как бы случайно брошенная реплика: «Пожале-ет вас батька усатый! Он брату родному не поверит, не то что вам, лопухам!» — и только! Но вся повесть, с первой строки до последней,— суровое, беспощадное осуждение того — увы, далеко не короткого — отрезка нашей жизни, который вошел в историю под названием культа личности, когда произвол и беззаконие сделались явлениями настолько обычными, что многие наивные (или злонамеренные) люди всерьез думали, что так должно и быть, что без этого, как говорится, не проживешь. Лес рубят — щепки летят. Но ведь летели не щепки, а люди, человеческие жизни. Те самые люди, о которых с высочайшей трибуны было объявлено, что они и есть наиценнейший капитал — дороже золота и серебра. Не осмеливаясь сомневаться, веря и вместе с тем содрогаясь, люди шептались по углам, именно шептались, а не говорили: «Он ничего не знает». Но он знал все!

Читая эту суровую и честнейшую в своей суровости повесть, некоторые готовы проливать сентиментальные слезы: «Ах, колючая проволока!», «Ах, конвой!», «Ах, параша и баланда!»... Дело не в этом. Тюрьма, как известно, не ресторан, тюрьма по сути своей — вещь жестокая, даже если в камерах или лагерных бараках стоят цветочки. Дело в том, что за колючей проволокой, отрезанные от всего мира, от жизни и света, сидели люди, ни в чем не повинные, такие же честные, как и те, кто жил на воле,— такие же коммунисты или беспартийные, труженики, солдаты. Они были жертвами, а не преступниками, их покарал не закон, а беззаконие. Если человек сидит в тюрьме за то, что он убил или украл,— он знает, за что он сидит и, как бы он ни был развращен или озлоблен, понимает, что иначе нельзя. Человек невинный страдает вдвойне, и страдания его ужасны.

Иван Денисович Шухов, простой крестьянин, герой повести, получил десять лет за то, что попал в окружение и, выйдя оттуда, сдуру брякнул: в плену был. А он и в плен-то не успел попасть, да разве ему поверили? «Считается по делу, что Шухов за измену родине сел. И показания он дал, что таки да, он сдался в плен, желая изменить родине, а вернулся из плена потому, что выполнял задание немецкой разведки. Какое же задание — ни Шухов сам не мог придумать, ни следователь. Так и осталось просто — задание».

И поволокли его, беднягу, «по кочкам», как говорят в лагерях. Да и товарищи его такие же «преступники», как он сам; их тоже «поволокли по кочкам» за здорово живешь, неизвестно за что: Сенька Клевшин, предварительно отсидевший в Бухенвальде; морской офицер — кавторанг; Цезарь Маркович, интеллигент — догадаться можно, что он что-то кому-то невпопад сказал да и попал в сеть, как пескарь; бригадир Тюрин, виновный в том, что был он сын кулака, неизвестно еще какого...

В тюрьме и в лагере человек предстает перед всеми как бы в раздетом виде. Все наносное спадает с него, весь он виден насквозь, просвечивает, как стеклышко. Вот и Иван Денисович Шухов, простой русский человек, крестьянин и солдат, тоже виден насквозь, как стеклышко. И какая же чудесная душа у этого человека, на плечи которого свалилась самая тягчайшая беда, какая только может быть! Он, безвинный арестант, каторжник, жертва произвола, сохранил в кромешном аду и физические силы, и моральную опрятность, и человеческое достоинство. Он не жалуется, не взывает к небесам, не сетует на судьбу-злодейку, не посылает проклятия тем, кто уготовил ему, безвинному, столь горькую участь. Он борется за жизнь, за кусок хлеба, за лишние двести граммов — а лишних двести граммов — это и есть средство выжить,— не унижая себя, не пачкая душу: он работает, в труде привыч-

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ГИТЛЕРОВСКОМУ АСУ

Обложка второго издания книги Г. Руделя «Пилот штукас».

Вот он, нынешний «аргентинец», а в прошлом гитлеровский ас, Ганс-Ульрих Рудель, после того как его сбили советские зенитчики.

Господин Рудель, я прочитал Вашу книжку «Пилот штукас». Не буду спорить, стоило ли браться за перо, чтобы похвастаться содеянным Вами в годы второй мировой войны над истерзанными землями, захваченными гитлеровскими войсками.

Не буду спорить потому, что мои взгляды и взгляды моих боевых товарищей на солдатскую честь, видимо, диаметрально отличаются от тех, которых придерживаетесь Вы и Ваши издатели.

Да и не за тем я прочитал «Пилот штукас», чтобы узнать Ваши взгляды. Они и без того ясны, если уж Вы не решаетесь возвратиться даже в Западную Германию и скрываетесь в Аргентине. Если, как об этом, захлебываясь от удовольствия, сообщает в предисловии издательство «Баллантайн букс», сам фюрер в наградном листе написал, что «Ганс-Ульрих Рудель отличился превыше всех прочих офицеров и солдат», и сам, собственной рукой, набросал эскиз уникальной награды — награды, предназначенной только для Вас...

Нет, не Ваши взгляды и не Ваша похвальба привлекли мое внимание к «Пилоту штукас» и побудили написать это письмо, а... Ваши сомнения и недомолвки.

На странице 84, где Вы говорите о своих «подвигах» под Орлом и Курском, написано: «В течение последних недель мой полк понес тяжелые потери. Мой друг по летному училищу старший лейтенант Вутка — командир восьмого звена, погиб; погиб и капитан Шмидт, брат которого незадолго до того был сбит в воздушных боях над Сицилией. Самолеты Вутка и Шмидта взорвались, то ли войдя в пике, то ли при бомбометании — это осталось неясным. Возможно, взрывы были вызваны актами саботажа... В то время, несмотря на самое тщательное расследование, мы не могли найти никаких определенных доказательств».

удет

(О повести А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», «Новый мир» № 11)

ного работника черпая моральные силы и забвение. Когда на строительной площадке, обдуваемой студеным ветром, он начинает укладывать шлакоблочную стену, то «и не видел больше Шухов ни озора дальнего, где солнце блеснило по снегу, ни как по зоне разбредались из обогревалок работяги — кто ямки долбать, с утра недодолбанные, кто арматуру крепить, кто стропила поднимать на мастерских. Шухов видел только стену свою — от развязки слева, где кладка поднималась ступеньками выше пояса, и направо до угла, где сходилась его стена и Кильгасова. Он указал Сеньке, где тому снимать лед, и сам ретиво рубил его то обухом, то лезвием, так что брызги льда разлетались вокруг и в морду тоже, работу эту он правил лихо, но вовсе не думая. А думка его и глаза его вычуивали из-подо льда саму стену, наружную фасадную стену ТЭЦ в два шлакоблока». Кончил работать Шухов и, «хоть там его сейчас конвой псами трави, отбежал по площадке назад, глянул. Ничего. Теперь подбежал — и через стенку, слева, справа. Эх, глаз — ватерпас! Ровно! Еще рука не старится».

Арестант Шухов искренне радовался делам своих подневольных рук. Он работал и был в это время счастлив, хоть и стегали его злые ветры и в животе бурчало от вечной голодухи и мысли вертелись вокруг того, как бы еще добыть хоть маленький кусок хлеба для того, чтобы пережить этот день и припасти силы для следующего.

Даже когда Иван Шухов «шестерит» для богатенького, получающего посылки Цезаря, то все равно ясно понимаешь и чувствуешь, что делает он это от тугой нужды и делает так, что человеческое достоинство его остается незапятнанным, непоколебленным и что он вовсе не несчастней счастливого Цезаря, который может, подмазав сальцем начальство, устроиться на время в конторе. Недолговечно такое лагерное счастье: пройдет год, другой, третий — забудут тебя, оборвутся твои связи с внешним миром. И горе тебе, если ты не нашел места под тусклым лагерным солнцем, не нашел своего дела, которому можешь отдаться и в нем черпать и забвение и вдохновение, без чего нельзя прожить, как без птюхи — пайки тюремного хлеба! Фетюков, лижущий миски, конечно, пропадет. Пропадет и кавторанг — старается он, а сил и навыков мало, мерещится перед его глазами прежняя жизнь, не приходит забвение и не уходит тоска — самый лютый враг «зэка», хуже любого свирепого конвоя.

А Шухов восемь лет уже отсидел и не погиб и не погибнет — в это веришь, потому что веришь в силу его духа, показанного писателем с такой любовью и талантом. И Тюрин не погибнет: он нашел свое место, сильный человек, закаленный двумя сроками, досконально, напрожог, знающий лагерную жизнь. И, наверное, не пропадет и тот железный безымянный старик, как бы мимоходом названный в повести «Ю-81», сидевший по лагерям несчетно, с лицом, «до камня тесанного, темного» («трехсотграммовочку свою не ложит, как все, на нечистый стол в росплесках, а на тряпочку стираную»).

Я не знаю А. Солженицына, но наверняка угадаю его судьбу: только тот, кто был там, кто пережил все это каждой жилкой своего естества, мог дать такую исчерпывающую и точную панораму жизни заключенных в ежовско-бериевское время, создать волнующий документ обвинения канувшего в прошлое периода культа личности. Но это не только документ. Это — художественное произведение, написанное рукой великолепного мастера, умеющего коротким, как бы случайно брошенным мазком, точно подмеченной деталью, выразительной репликой, двумя-тремя оброненными словами дать законченную характеристику человека и его чувствований во всем их своеобразии и своеобычности.

Пришел в литературу новый большой писатель.

Как это ни покажется странным, несмотря на трагичность всей обстановки, в которой протекает повесть, она оставляет впечатление оптимистическое, ибо укрепляет в вас веру в нашего человека, в его моральную силу и чистоту.

Несомненно, кое-кто, прочитав повесть А. Солженицына, скажет: «Зачем понадобилось ворошить ушедшее, растравливать, все это было и прошло». Нет, нужно! Нужно и для нашего настоящего и для будущего. Как точно выразился в своем предисловии к повести А. Твардовский, появление ее «как бы освобождает душу от невысказанности того, что должно было быть высказано, и тем самым укрепляет в ней чувства мужественные и высокие». Появление этой повести важно еще и потому, что она наглядно показывает, что для нашей литературы нет и не может быть запретных тем, недоступных участков жизни. Любая правда, какой бы суровой она ни была, лучше сладенькой лжи. Ложь или утаивание правды, что одно и то же, несовместимы с искусством, с достоинством художника.

Повесть «Один день Ивана Денисовича», написанная в тональности ее героя, ограниченная местом действия и коротким отрезком времени, не претендует и не может претендовать на исчерпывающее изображение всего пережитого нами в период культа личности. Несомненно, придет время, и литература наша осмыслит и расскажет все. Для этого потребуются сильные таланты, истинно шекспировские краски.

А. Солженицын имел моральное право написать свою повесть. Именно это моральное право автора придало произведению мужество и красоту, наделило его, насытило знанием жизни, правдой, честностью.

Повесть «Один день Ивана Денисовича» — глубоко партийное произведение. Мастерство писателя, его талант служат партии, с трибуны XX и XXII съездов вскрывшей и разоблачившей преступления, беззакония, произвол периода культа личности.

Ник. КРУЖКОВ

И в следующей главе на странице 93: «Погиб капитан Антон, принявший командование 9 звеном после гибели Хорнера. Его самолет взорвался перед самым пике, так же необъяснимо, как случалось уже несколько раз до этого. Ушел от нас еще один из «старичков», кавалер рыцарского креста».

Что ж, нетрудно развеять Ваше недоумение! Вспомните, Рудель, где базировался Ваш полк, когда происходили эти непонятные Вам таинственные взрывы? На аэродроме у небольшого местечка Сеща на Брянщине — в книге Вы упоминаете это местечко.

Но Вам и невдомек было, что в Сеще существует и действует советская подпольная организация, тесно связанная с насильно мобилизованными Гитлером поляками и чехами из части, обслуживающей аэродром.

Это они, советско-польско-чехословацкие подпольщики, ставили магнитные мины на «штукас» Ваших друзей по разбою. И Ваши друзья, поднимаясь в воздух, не подозревали, что в укромном местечке меж бомб, которые предназначались для бомбежки наших городов и сел, взрыватель советско-польско-чехословацкой мины отсчитывает последние минуты их жизни...

А если Вы захотите поподробнее узнать, как эти мины проносили на аэродром и устанавливали на самолетах, прочтите книгу «Вызываем огонь на себя» советского писателя О. Горчакова и польского — Я. Пшимановского, вышедшую в 1960 году в издательстве «Молодая гвардия».

Из этой книги Вы узнаете и имена подпольщиков, от карающей руки которых «ушли» Ваши однополчане — «старички», все эти вутки и шмидты...

И быть может, Вы и Ваши подражатели и последователи — те, для кого выпустило «Пилот штукас» издательство «Баллантайн букс»,— прочитав книгу О. Горчакова и Я. Пшимановского, поймете, как опасно приходить на чужую землю завоевателю с мечом, со «штукас» и даже с водородной бомбой...

Особенно на нашу землю.

Владимир ПАВЛОВ,
Герой Советского Союза,
бывший партизан

Аня Морозова — она стирала Вам белье, г-н Рудель, и... руководила подпольем на сещинской авиабазе.

Вендолен Рабличка. Герой-чех как помощник казначея на авиабазе выплачивал Вам зарплату, г-н Рудель, и... одновременно наводил на аэродром советские самолеты.

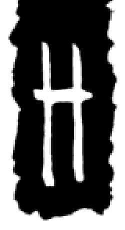
Поляки Вацлав Мессьяш, Ян Тыма (стоят справа) и Ян Маньковский (лежит справа) латали пробоины на Ваших «штукасах», г-н Рудель, и... пристраивали магнитные мины в их бомболюки.

РАКИ — КАЗНОКРАДЫ

Т. АЙРАПЕТЯН,
специальный корреспондент «Огонька»

Рисунки В. Черникова.

Предисловие

Не счесть, сколько было выкурено, не объять, сколько было говорено! Два месяца кряду трудилась комиссия в поте лица. И не мудрено: ей поручили расследовать неблаговидные дела В. Ф. Постного! А кто такой Постный? Владимир Филиппович. Начальник управления краснодарской краевой местной промышленности. Вся промышленность через его руки проходит.

Думала-думала комиссия и не узрела ничего подозрительного в деятельности Постного. И тогда Владимира Филипповича перевели на другую работу.

Оставим на время трудолюбивую комиссию и поведаем читателю суть дела.

Проходимцы с титулами

В Большой Советской Энциклопедии сказано, что водоемы нашей страны населяют восемь видов речных раков. Знакомясь с личностью Постного и его компаньонов, мы твердо пришли к выводу, что существует девятый вид этих членистоногих. Причем их устройство и жизнедеятельность во многом совпадают. И те и другие бессознательно потребляют кислород. Речные раки промышляют пищу ночью, двуногие имеют привычку засиживаться за доброй чашей вина и богато накрытым столом. Три пары передних ног речных хищников оканчиваются клешнями, а у краснодарских жуликов — да простит нас творец человека! — мы явно видим хватательные пятерни...

Вот по улице Шаумяна медленно идет гражданин. На перекрестке он остановился, кивнул прохожему. Вот он вынул из правого кармана руку. Прохожий засмущался и сунул в протянутую длань хрустящий конверт. После чего гражданин деловито зашагал к крайисполкому, а прохожий

засеменил к гостинице. Откроем читателю имена: гражданин с хрустящим конвертом в кармане — это В. Ф. Постный, а прохожий — директор Майкопской швейной фабрики В. П. Петровский.

Двенадцать лет держал Постный руль фабрик, заводов и артелей края. Лихо крутил он руководящую баранку, пока не наладил строгий порядок дачи взяток, расхищения и употребления сногсшибательных жидкостей. Под стать себе подобрал и заместителя — П. Е. Кравченко, матерого жулика и взяточника. Они не стеснялись принимать гонцов с передачами и в служебных кабинетах и в домашних покоях. Нарочным оформлялись командировки. Они держали путь в Краснодар только по воздушным трассам.

Ох, и крут же был начальник! Как-то Петровский прибыл из Майкопа, чтобы вручить отцу-покровителю очередной куш. Когда он вошел в кабинет, Постный с места в карьер спросил:

— Привез?

— Так точно!

— Сколько?

— Полтораста, — смущенно прошептал подчиненный.

— И не стыдно? Совсем обнаглели! — возмутился Постный.— Для вас же, дураков, стараюсь, все силы отдаю.

Сверток, однако, он взял.

В другой раз еще хуже.

— Завтра выезжаю в Москву. Срочно будь у меня! — помчался по проводам приказ Постного Петровскому.

Но Петровский почему-то запоздал с пакетом. Вскоре звонок из Москвы.

— Голову оторву, сукин сын, если немедленно не вышлешь!

И вот по проводам полетело в столицу распоряжение на круглую сумму.

Вернувшись домой, Постный вызвал к себе Петровского.

— Вот что, дружище, я не хочу попадать в казенный дом. Копия квитанции лежит на почте. А потому пиши расписку, что я тебе деньги вернул.

Петровский не возражал.

И еще вспоминает бедняга Петровский, как в один из осенних дней он предстал вместе со своим заместителем Гринько пред очи начальства в новом пальто.

Постный нахмурился.

— Сами прибарахлились, а про начальника забыли?..

Со всех ног бросились майкопцы в магазин и накинули на плечи Постного демисезонное одеяние типа реглан.

Трудно перечислить все взятки. Их много. Только Гринько положил в карман Кравченко около двух тысяч рублей. Изрядную сумму подарил двум руководящим гурманам директор завода «Металлоштамп» Н. Ф. Шаповалов. Не отстал от него заместитель директора кроватно-механического завода А. Т. Бинджанов. Исправно платил своим «хозяевам» заместитель директора завода «Красный металлист» А. И. Нырко. Особенное рвение он проявлял после предупреждения Постного: «Будешь крохоборничать, выгоним из нашей системы».

Постный и Кравченко тщательно подбирали нужных им людей. Человек с подмоченной репутацией для них был кладом. Взять, например, Е. Я. Уварову. Это особа с темным прошлым, махинатор и сводница по призванию. Она уже сиживала на скамье подсудимых. На корабле пиратов, где атаманами были Постный и Кравченко, Уварова выполняла функцию впередсмотрящего, хотя числилась всего-навсего мастером швейной фабрики. Делец-посредник Уварова каталась в мягких вагонах и в скоростных лайнерах, выискивая комбинации с пиломатериалами. Она ухитрилась продать на сторону 1 066 кубометров пиломатериалов и положила в сумочку 32 тысячи рублей. В знак благодарности Уварова вручила Кравченко золотые часы, которые сняла с руки, и тот подарил их своей супруге в день ангела.

«Мы — вам, вы — нам»

Жулики действовали по формуле «мы — вам, вы — нам». На командном пункте крайместпрома для предприятий была учреждена такса взяток на все виды отпускаемой продукции. Вот некоторые тарифы: за вагон леса — 20 рублей, за каждый скат к автомашинам — 25 рублей.

Здесь читатель вправе спросить: позвольте, а для чего эти сделки? Какая выгода руководителям предприятий давать взятки Постному и Кравченко, если последние и так должны снабжать заводы и фабрики государственным сырьем?

А ларчик открывался просто: Постный и Кравченко могли и отпустить, могли и попридержать дефицитные материалы. Жуликам сырье было нужно позарез. Дальше они изобретали сами.

Так, Петровский и Гринько снюхались с директором майкопского магазина № 20 Ч. Я. Совмизом и заведующим отделом этого магазина Г. А. Меликсетяном. Фабричные дельцы за каждый метр дефицитной шерсти, отпускаемой магазину, получали по одному рублю. Жуки за прилавком сбывали эти отрезы из-под полы по спекулятивным ценам.

Или еще одна «загадочная» картина. Из ворот фабрики товар вывозится первого сорта, а оформляется в документах — третьим. В магазине его продают первым сортом, и вырученная от разницы сумма делится между персонами, установившими воровской контакт.

Однажды в Краснодаре случилось совсем невероятное происшествие. «Прохудились» крыши многих государственных учреждений. Заводы работали на полную мощность, но железо блестело не на крышах упомянутых зданий, а лишь на листах фиктивных документов. Кровельный материал дельцы гнали индивидуальным застройщикам. Пальма первенства в этом деле принадлежала директору завода «Металлоштамп» Н. Ф. Шаповалову. Но нам бы хотелось упомянуть и другие имена: заместителя директора кроватно-механического завода А. Т. Бинджанова, начальника цеха Октябрьского райпромкомбината Адыгейской области Э. М. Лангбурда, заместителя директора завода «Красный металлист» А. И. Нырко.

Гибка формула «мы — вам, вы — нам». Кравченко подписал бумагу о выдаче прогрессивки инженерно-техническому составу завода «Пластмасс». Это, как говорится, «мы — вам». А как же обстоит дело со второй частью? Директор завода М. И. Калинюк поручает начальнику планового отдела Даниленко отстукать на машинке список лиц, с которых необходимо удержать определенную сумму в карманы Постного и Кравченко. Составленный по всей форме список передается кассиру. У окошка кассы гуськом вытягивается очередь. Каждый расписывается дважды: первый раз — за прогрессивку, второй — за отчисление в сумме от восьми до десяти рублей (это в пользу высоких хапуг). Разные подписи остались на обоих списках. Среди них мы видим росчерки парторга завода Кочкина, профорга Гончаренко, технолога Рябининой, начальника цеха Терещенко.

Казаки-разбойники

Формула «мы — вам, вы — нам» с лихвой оправдывает себя и в том случае, если первая ее часть, до запятой, предстает в виде широкого ассортимента алкогольных напитков и закусок. Едва Постный узнал, что в Сочи жалует на отдых со своей половиной начальник Главснабсбыта при Совете Министров РСФСР С. М. Кретов, как тут же собрал в кабинете свою свору.

— По коням, казаки! — отдал он команду.— Едет сам Кретов. Встретим его по-кубански.

И вот казаки помчались за раками, за вином, за закуской. Командир был впереди. Захватив с собой триста живых раков и вина, Постный первым прибыл на черноморский пляж, чтобы лично встретить и потчевать под сенью пальм знатного гостя.

Провожать из курорта москвичей выпала честь Кравченко, Лангбурду и Гринько, которые, разумеется, тоже прилетели не с пустыми руками. Ох, и тяжело пришлось чете Кретовых! Подумать, сколько выдержали они пьянок! Гуляли на квартире директора сочинского горместпрома А. В. Уркунова, в люкс-палате санатория «Россия», где директор этой лечебницы С. Г. Плетнев давал банкет, потом в ресторане «Приморье» и, наконец, кутили в аэропорту.

Не знаем, делился ли своими впечатлениями с коллегами начальник Главснабсбыта, только в Краснодар часто стали наведываться гости из столицы. Как выяснилось, начальник отдела кожевенно-обувных изделий Главснабсбыта А. И. Агапов обожал моченый виноград. Начальник отдела местной промышленности Госплана РСФСР В. П. Беляев воздал должное бутылям с этикетками «Улыбка» и «Черные глаза». А начальник отдела сводных балансов Главснабсбыта В. И. Бутузкин так и не мог вспомнить, чем его потчевали гостеприимные хозяева: ведь его на руках вносили в поезд. Чтобы Бутузкин не принял краснодарское хлебосольство за приятный сон, ему послали в Москву пятидесятикилограммовый бочонок моченого винограда, 25 литров вина, 30 килограммов вяленого рыбца и тарани. А вскоре на письменном столе Бутузкина появилась фигура первого таманского казака Саввы Белого. Эта скульптурка прежде покоилась на сельскохозяйственной выставке в Краснодаре, в павильоне крайместпрома. Но отцы названного учреждения реквизировали ее, и Кравченко самолично преподнес Бутузкину памятный сувенир.

Гонцы из Краснодара вручали подношения и деньгами. Особенно любил получать купюры различного достоинства ответственный работник ВСНХ Л. Я. Кулешов.

В свою очередь, Постный частенько наведывался в столицу выколачивать фонды. Он не садился в поезд в Краснодаре, а мчался на «Волге» к станции Крыловская, где и грузил в вагон ящики с раками и вином.

Послесловие

Теперь, когда читатель знает о житье-бытье краснодарских двуногих раков, мы познакомим его с членами комиссии, не узревшими причин для перехода Постного на казенный кошт.

Прежде всего поведем разговор о начальнике краевого управления охраны общественного порядка полковнике Л. В. Зверковском. Он посылал в партийные органы бумагу о преступных действиях Постного. Но он же и подписал заключение комиссии, оправдывающее Постного. Видимо, товарищ Зверковский подписывает документы двумя руками: одной — осуждающие, другой — реабилитирующие. Может быть, в последний момент Л. В. Зверковский вспомнил, как Постный рьяно обставлял его квартиру мебелью?

— Почему вы подписали первую бумагу о Постном? — спросил я Зверковского.

— Это по настоянию моего заместителя полковника Никулочкина,— ответил он.

— Стало быть, Постный не преступник?

Л. В. Зверковский подумал и сказал:

— Не знаю.

— Не знаю,— вторит ему другой член комиссии — заместитель прокурора края К. Н. Поткин.

Я напоминаю. Директор Майкопской швейной фабрики Петровский просит кассиршу извлечь из кованого ящика 200 рублей. Ассигнации тут же переходят в другое помещение, где их кладут в конверт. В третьей комнате залитый сургучом конверт вручается нарочной, которая прибывает в Краснодар и передает пакет лично Постному.

— Ведь свидетели подробно рассказали об этой операции,— говорю я Поткину.

В ответ заместитель прокурора пожимает плечами и разводит руками.

В прокуратуре края отнеслись более чем равнодушно к делу Постного. Следствие поручили вести одному человеку. Не был осуществлен и должный контроль. Кто-кто, а прежде всего заместитель прокурора РСФСР тов. Лучинин должен был проявить инициативу. Ведь еще недавно он был прокурором Краснодарского края, и шайка Постного еще при нем творила свои грязные махинации.

На совести тов. Лучинина и дело Л. Я. Кулешова, которое без движения лежит в прокуратуре Кировского района Москвы.

Ничего худого не мог мне сказать о Постном и заведующий отделом крайкома партии К. А. Панцырев. Он не мог вспомнить, что несколько лет назад о злоупотреблениях и преступлениях Постного писал в крайком партии коммунист Н. Н. Большаков, сообщая о расхищениях цемента, шифера, кирпича, о незаконно прогрессивной оплате жуликов. Эту бумагу переслали в крайисполком, а там она легла под сукно.

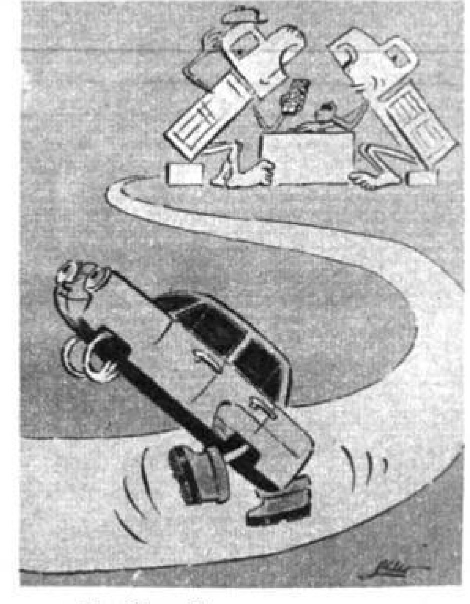
Но природа нашего строя такова, что правда и справедливость в конечном счете торжествуют. Находятся волевые люди, которые доводят дело до конца. В их числе был заместитель начальника краевого управления охраны общественного порядка полковник Яков Николаевич Никулочкин. Много дней он, подполковник И. П. Татаркин и другие вели кропотливую следственную работу. И вот предстала картина, описанная выше. А ведь за это время дважды делались попытки снять Я. Н. Никулочкина с работы. Но Яков Николаевич не падал духом. Он раскрывал новые детали преступной деятельности Постного.

Теперь слово за судом.

Но странное явление. Прокуратура края раздробила дело преступников на четыре части. И суд собирается рассматривать каждую группу в отдельности. Раки-казнокрады должны предстать перед законом все вместе во главе со своими вожаками. Только тогда вскроется полная картина их житья-бытья.

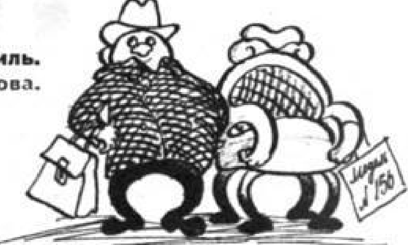
Нам думается, что не должны уйти от строгой ответственности и те, кто покровительствовал двуногим ракам, и те, кто проявил близорукость и непринципиальность в их разоблачении.

Комментарии с ударением

Приобулся!
Рисунок И. Массины.

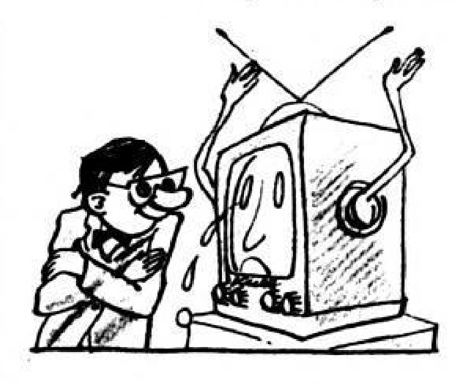
В своем кабинете — свой стиль.
Рисунок Е. Горохова.

Как иногда движется новинка на производство.
Рисунок Е. Ведерникова.

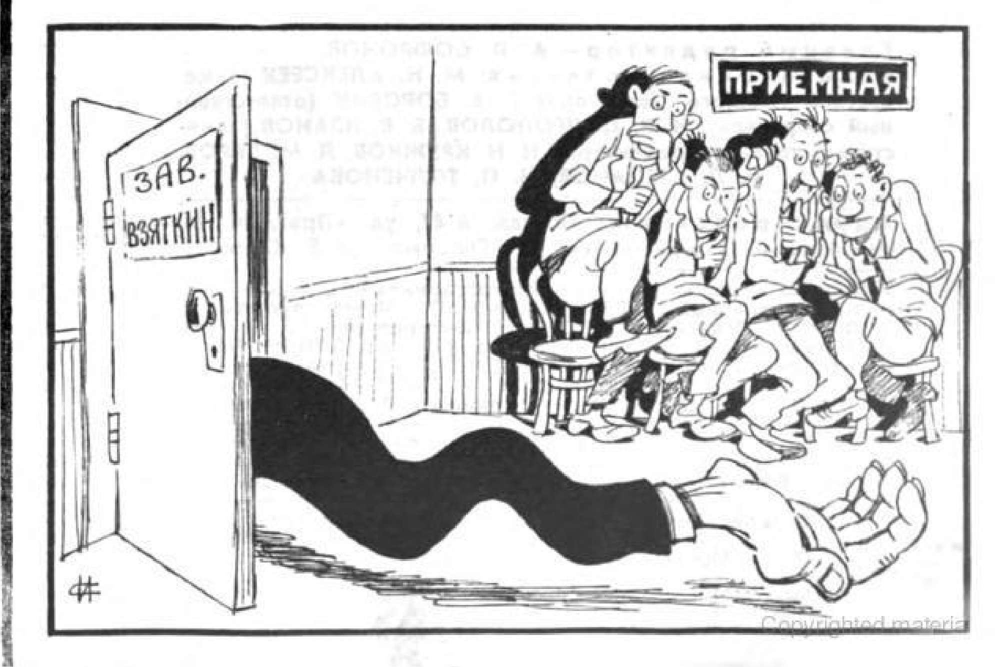
— Ой, выключите меня. Я перегораю от стыда...
Рисунок Е. Горохова.

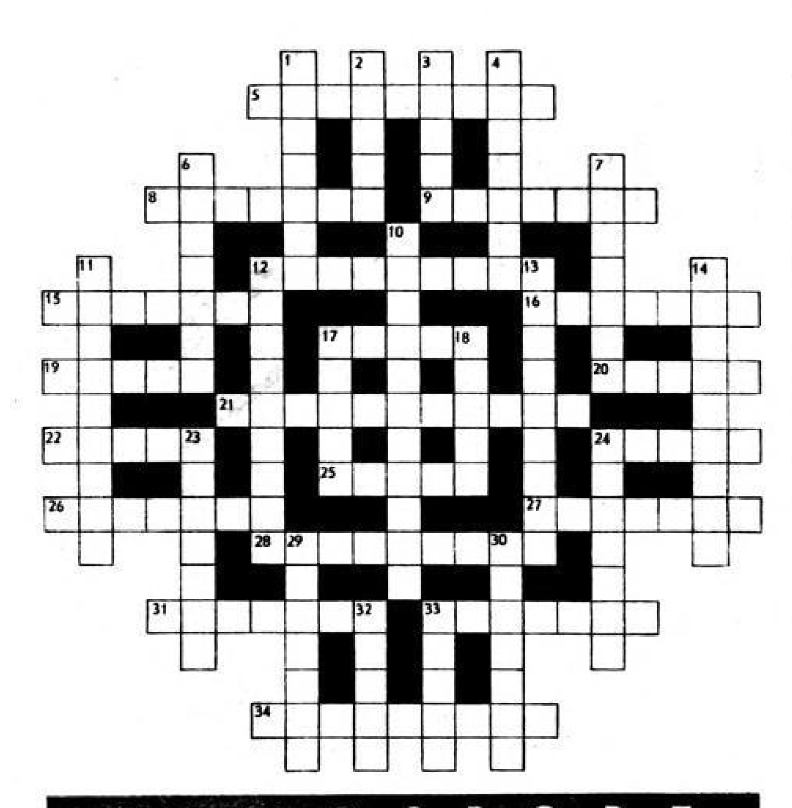

— Маша! Наконец мы изобрели гоночный велосипед!
Рисунок Е. Горохова.

Гадюка и кролики.
Рисунок И. Сычева.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Рассказ А. П. Чехова. 8. Произведение живописи. 9. Болгарский музыкальный инструмент. 12. Меткое народное изречение. 15. Город на Северном Кавказе. 16. Совокупность местных говоров. 17. Часть футбольных ворот. 19. Период времени. 20. Засахаренный плод. 21. Альпийская роза. 22. Современный американский поэт. 24. Велосипед с мотором. 25. Герой грузинской народной поэмы XIX века. 26. Высочайшая горная система. 27. Способ плавания. 28. Певучая мелодия. 31. Материал для переплетов книг. 33. Автор картины «Переход Красной Армии через Сиваш». 34. Плот, распространенный на азиатском побережье Индийского океана.

По вертикали:

1. Мелкая монета ряда стран. 2. Мужской головной убор. 3. Каменистый выступ дна реки. 4. Узкая глубокая яма. 6. Предварительная развеска и упаковка товаров. 7. Певчая птица. 10. Русский писатель. 11. Соразмерность. 12. Железнодорожный служащий. 13. Созвездие северного полушария неба. 14. Коллекционирование почтовых марок. 17. Сок хвойных растений. 18. Приток Лены. 23. Передвижной моторный подъемник. 24. Минерал. 29. Артист цирка. 30. Нарицательная стоимость. 32. Государство в Азии. 33. Помещение для хранения товаров.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 48

По горизонтали:

4. Степанакерт. 6. Лужайка. 8. Верди. 9. Нигер. 12. Аппарат. 13. Фуганок. 16. Пастель. 18. «Спорт». 20. Инструмент. 21. Интермедия. 23. Трава. 24. Пестель. 26. Планета. 28. Меринос. 30. Песок. 31. Вишня. 32. Сардина. 33. «Псковитянка».

По вертикали:

1. Жерлица. 2. Инкассатор. 3. Деканат. 5. Федин. 7. Пегас. 10. Крузенштерн. 11. Иллюминатор. 14. Альтист. 15. Кремень. 16. «Перекоп». 17. Телегин. 18. Сонет. 19. Тонна. 22. Палисадник. 25. Ессей. 27. Анонс. 28. Мексика. 29. Саванна.

На первой странице обложки: К Ленину.
Фото Л. Бородулина и А. Узляна.
На последней странице обложки: Борьба за шайбу. Встреча команд «Спартак» — «Локомотив».
Фото А. Бочинина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.
Рукописи не возвращаются. Оформление Е. Казакова.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00577 Подписано к печати 28/XI 1962 г.
Формат бум. 70 × 108 1/8. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 850 000. Изд. № 2002. Заказ № 3152.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Дуэт с волчицей

Лесник принес семерых слепых волчат. Одного из них вырастил житель города Козьмодемьянска А. В. Чернов. Теперь у него крупная волчица, очень послушная и забавная. Когда хозяйка запоет песню, она старательно ей подпевает. С волчицей дружно живут охотничий пес Джек и кот.

Фото И. Симолова.

КРАСНОУФИМСКИЕ НАХОДКИ

«Говорят, умны они,
Но что слышим от любого?
Жомини да Жомини,
А об водке ни полслова...»

Эти шуточные стихотворные строки принадлежат перу известного поэта Дениса Давыдова... Но вот почти через полтора века следы Жомини, французского генерала, перебежавшего от Наполеона к Александру I, обнаружились в уральском городе Красноуфимске. На некоторых старинных изданиях, найденных недавно в фондах местного музея, стоит печать: «Г-н генерал Жомини».

Много любопытных старинных книг хранится в Красноуфимском музее. О них рассказывается в интересной статье С. Ипполитова, напечатанной в районной газете «Ленинский путь». История этой необычной библиотеки такова. После Октябрьской социалистической революции она была конфискована у крупного помещика Голубцова. Известно, что он приобрел ее у обнищавшего польского графа Завадовского. Более восьмисот томов, которые были изданы около двухсот и даже трехсот лет назад, находится сейчас в районном музее. Среди них немало уникальных изданий. Вот скромные томики первого собрания сочинений Вольтера и Руссо (1770 и 1740 годы). На титульном листе книги одного из философов-вольнодумцев XVIII века, Кондильяка, напечатанной в Париже, необычная дата издания — «Седьмой год республики».

Небольшой томик издан за десять лет до Французской революции. Он посвящен изысканиям о природе огня. Автор его — «доктор медицины, личный медик графа Д'Артуа, г-н Марат». Это один из вождей Французской революции, известный ученый и публицист Жан Поль Марат. Книга представляет библиографическую редкость, так как после победы реакции сочинения Марата уничтожались не только во Франции, но и во многих странах Европы.

«Старейшиной» хранилища музея оказался небольшой томик под названием «Увеселение дам». Его напечатали в 1643 году для знатных дам французского и английского двора.

А. ГРИГОРЬЕВ

АТАКА

Наш геологический отряд работал за Полярным кругом, у безымянного притока реки Горбиячин. Мы карабкались по крутому склону, усыпанному бурыми базальтовыми глыбами, и не обращали внимания на тонкий, писклнвый голосок, жалобно звучавший над нами. Мы лезли все выше и выше — к плоской вершине горы, как вдруг услышали визг сирены. В тот же миг меня кто-то мягко ударил по щеке и резко рванул за шляпу. Я увидел птицу величиной с ястреба. Быстро набирая высоту, она сжимала в когтях обрывок моей соломенной шляпы.

— Что это за хулиганская птица? — спросил коллектор.— С чего она так сбесилась?

Едва мы сделали два шага, как снова завизжала сирена. Мы отскочили, замахали над головой геологическими молотками. Стервятники у самой земли круто взмыли вверх. Не желая испытывать остроту когтей, мы свернули в сторону и увидели на камнях гнездо с тремя птенцами.

Птицы над нами закричали еще громче. Они уже не набирали высоту, как раньше, а шли в атаку без разгона. Птенцы выстроились, точно солдаты, угрожающе раскрыли горбатые клювы, растопырили крылья. А ну попробуйте подойдите!

Я сфотографировал их на память.

П. СИГУНОВ

Ленинград.

Почему мы так говорим

ВОЛШЕБНИК. ВРАЧ.

Помните у Пушкина:
«Волхвы не боятся могучих владык,
А княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещий язык...»

«Вещий» — сведущий, знающий то, чего не знают другие. В Древней Руси волхвы хранили старые верования, они были против христианства. Их называли и кудесниками.

От слова «волхв» образовались слова «волшба», «волшебник». От «кудесник» — «чудесный», «чудо».

«Врач» — тоже древнее слово, связанное с предсказанием. В болгарском «врач» — «колдун». Но уже в русских летописях слово «врач» постепенно приобретает значение, приближающееся к нашему. Появились выражения «врачебные книги» (1073 год), «врачебное былие» (лекарственные растения), «врачебница».

И. УРАЗОВ

На «Огонек»

В этом году отмечается 250-летие архивного дела в нашей стране. В творческом клубе журнала «Огонек» выступил начальник Центрального государственного архива кинофотофонодокументов СССР Н. А. Мышко. Он рассказал о работе архива, о хранении документов. Кинопленкой этого архива можно опоясать земной шар, из фотографий — соорудить «ограду», которая окружит Москву по новой кольцевой автомагистрали, а на прослушивание звукозаписей потребуется около четырех лет.

На вечере из фондов архива были показаны первые съемки в России в 1896 году, кинодокументы об Октябрьской социалистической революции, гражданской войне, пятилетках, уникальные кадры о В. И. Чапаеве, М. В. Фрунзе, С. М. Кирове.

* * *

Коллектив редакции «Огонек» просмотрел новый фильм Центрального телевидения «Прелюды». Это дебют молодых выпускников ВГИКа Юрия Аветикова, Валентина Железнякова, Евгения Котова и Михаила Суслова.

— Мы очень любим музей имени Пушкина,— рассказывают кинематографисты,— и замысел первой работы родился у нас, когда мы бродили по его залам.

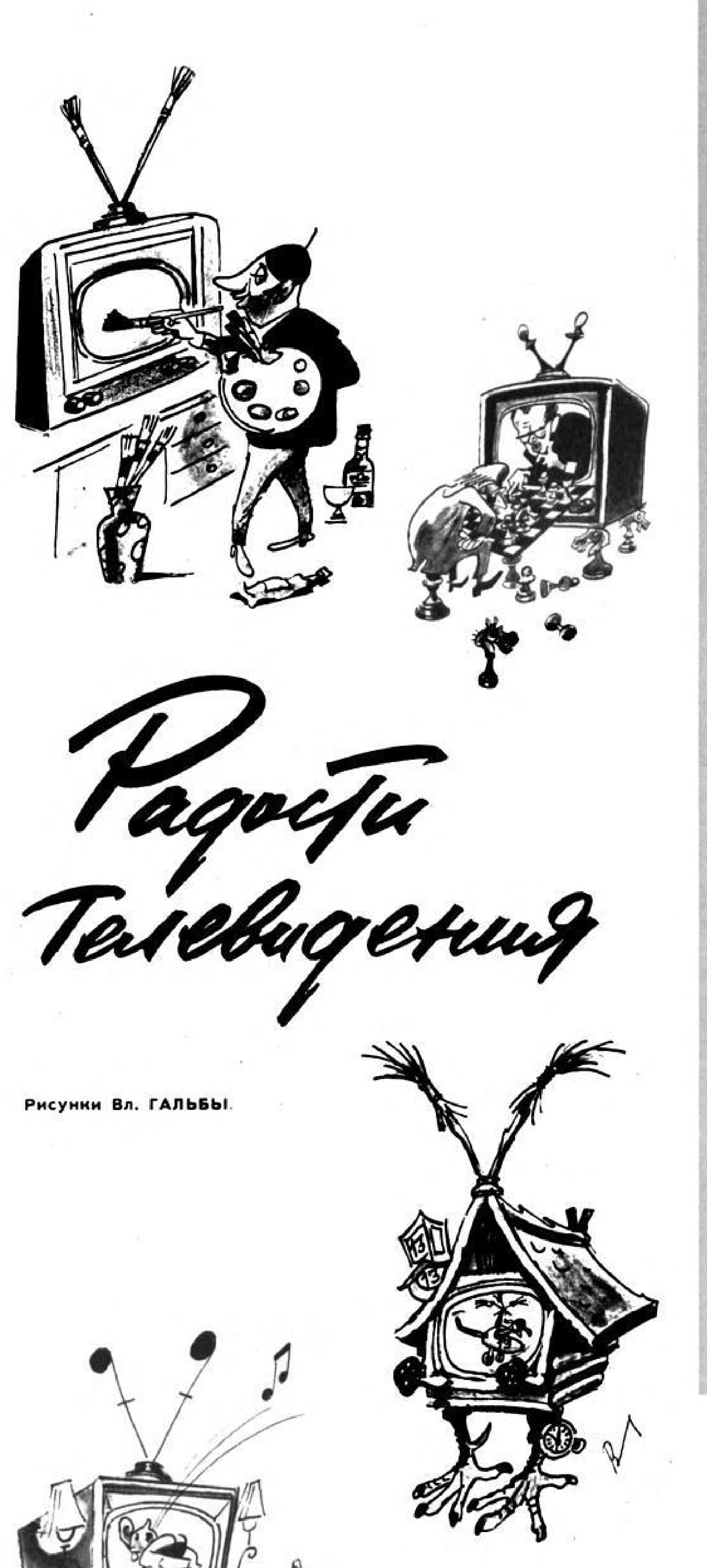
В фильме нет декораций и только два действующих лица: Он и Она. И еще — скульптура и музыка. Она — девятнадцатилетняя студентка четвертого курса ВГИКа Наташа Рудная. После дебюта в «Прелюдах» Наташа снимается сейчас в заглавной роли в «Иоланте». Он — студент ВГИКа Евгений Фридман.

Н. А. Мышко.

Кадр из фильма «Прелюды».

Радости Телевидения

Рисунки Вл. ГАЛЬБЫ.

— Журнал «Театр»? Он ведь для актеров...

Так иногда говорят... Существует представление, что журнал читают только театральные деятели. Нет, его читают и любители театра. С театральной рецензией хотят познакомиться и те, кто видел спектакль, и те, кто его не видел,— из интереса и любви к театру. О спектаклях, идущих в Москве, читают и москвичи и те, кто живет далеко от Москвы, и там, где даже еще и театра нет.

Театр вошел в быт, в духовную жизнь советского человека. Картины прошлого оживают в театре, день сегодняшний представлен живыми образами наших современников.

Задача нашего журнала — быть нужным, интересным и для деятелей театра и для широкого круга читателей, воспитывать у людей художественный вкус и высокую гражданственность.

Конечно, приятно, когда читатели хорошо говорят о журнале. Мы получаем много писем о дискуссиях, проведенных на страницах журнала. Читателям понравились статьи А. Попова, Р. Симонова, Н. Охлопкова, В. Орлова, Г. Товстоногова, Н. Акимова и многие другие. В «Театре» и в 1963 году выступят известные читателям артисты, режиссеры, драматурги, художники, музыканты, критики. Теперь мы больше и чаще будем печатать высказывания зрителей о театре.

Что нового будет в нашем журнале в будущем, 1963 году? Мы готовимся широко отметить 100-летие со дня рождения К. С. Станиславского. О системе Станиславского и значении ее для современного театра будут говорить не только советские, но и зарубежные деятели культуры.

Новые пьесы мы будем печатать в каждом номере журнала. Пьесы не только ставятся в театрах, они охотно читаются всеми, кто любит литературу. Мы напечатаем новые пьесы А. Корнейчука, А. Арбузова, В. Розова, А. Штейна, Г. Мдивани, И. Штока, С. Алешина, А. Салынского, молодого украинского драматурга А. Коломийца, эстонца А. Лийвеса, армянской поэтессы Сильвы Капутикян.

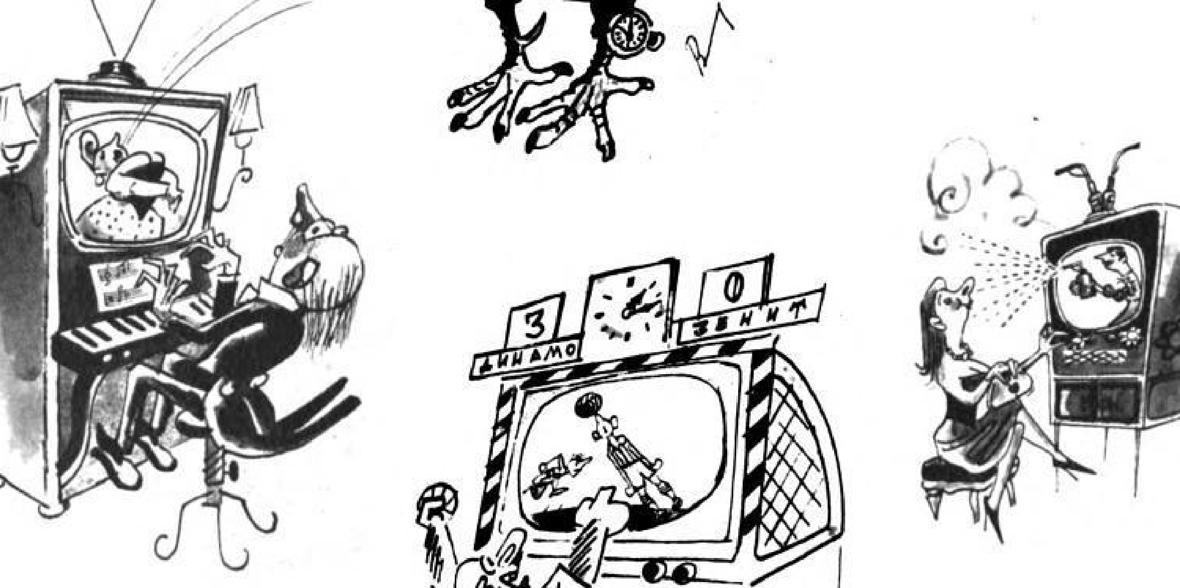
Читатели любят историю театра и мемуары. В 1963 году мы опубликуем воспоминания Михаила Жарова, Николая Акимова, очерки о замечательном русском актере Н. М. Радине и о встречах с В. Э. Мейерхольдом, письма А. А. Фадеева о театре.

Мы будем печатать пьесы зарубежных драматургов, очерки и статьи о театрах в странах социализма и в капиталистических странах.

У нас в журнале существует постоянный раздел — «Народный театр». В нем мы рассказываем, как работают, как растут народные театры в дальних районах страны.

Мы будем стремиться сделать журнал интересным, чтобы читатели ждали его, чтобы он стал нужным для них.

Вл. ПИМЕНОВ,
главный редактор журнала «Театр»

Цена номера 30 коп.